

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (120). Т. 1. Ноябрь, 2011

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

A. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

H. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Ответственный секретарь журнала

H. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ

доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ

доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ

доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ

доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ

доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН

доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ

доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА

доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА

доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ

доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ

ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ

доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии

«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ

доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)

В. А. АЧКАСОВ

доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА

доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН

кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ

кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮОНТХАЛ

доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА

доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА

доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ

кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ

доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

Nº 7 (120). Vol. 1. November, 2011

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrusu.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV

Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV

Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV

Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

N. MEL'NIKOV

Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY

Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN

Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY

Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA

Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA

Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA

Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV

Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH

the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV

Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV

Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ACHKASOV

Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN

Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV

Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA

Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKII

Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA

Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV

Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV

Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV

Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Голубев А. В.</i>	
Эволюция термина «финляндизация» в западных политических дискурсах 1960–80-х годов	7
<i>Кулагин О. И.</i>	
Социальный облик и трудовая мотивация рабочих лесной промышленности Карелии (1917–1928)	13
<i>Конкка А. П.</i>	
Сообщение К. Х. Хорнборга 1886 года о саволакских жертвенных рощах – «карсикко»	19
<i>Костригина Е. В.</i>	
Реформа 19 февраля 1861 года в северных губерниях Российской Федерации. Современные методы изучения экономических последствий освобождения крестьян	23
<i>Сулайманова О. А.</i>	
Багаж переселенцев (к вопросу о жизни ве-щей в культуре)	27
<i>Феклова Т. Ю.</i>	
Натуралистическое исследование Европейской Арктики Санкт-Петербургской императорской академией наук в первой половине XIX века.	31

ПЕДАГОГИКА

<i>Сказочкин А. В., Ладный А. О., Доршакова Н. В.</i>	
Интеграция науки и образования в российской высшей школе: проблемы и предложения	35
<i>Игнатович Е. В.</i>	
Проектирование межрегиональной модели повышения квалификации кадров управления образованием	43

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

<i>Рожнева С. С.</i>	
Некоммерческие организации как институты гражданского общества в рамках политической модернизации Карелии	48
<i>Горшкова Т. В.</i>	
Развитие и совершенствование социальной защиты населения территориальной общности	52

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Корниенко Н. В.</i>	
Про et contra литературной концепции «искусство есть познание жизни» критиков «Перевала»	57
<i>Шарапенкова Н. Г.</i>	
Онейросфера романа «Петербург» Андрея Белого (миф о жизнетворчестве)	68
<i>Абрамова О. Г.</i>	
Поэма В. Маяковского «Облако в штанах» в Швеции (проблема перевода)	74

Болгова О. Н.

Религиозные легенды на страницах журнала «Архангельские епархиальные ведомости» (1901–1917 годы)	79
--	----

Сафон Е. А.

Литературная интерпретация образа бога Велеса в «славянской» фэнтези (на материалистическом уровне)	83
---	----

Лепис Е. И.

Рассказ А. П. Чехова «На святках»: поэтика жанра и поэтика подтекста	86
--	----

ФИЛОСОФИЯ

Виноградов А. И.

Взгляды Н. И. Кареева на проблему субъектов истории	92
---	----

Суворова И. М.

К вопросу о предметном поле современной эстетики	96
--	----

ЭКОНОМИКА

Акулов В. Б., Исаков В. А., Морозова Т. В.

Развитие приграничного бизнеса в Республике Карелия как индикатор качества институциональной среды	99
--	----

Юдаева С. В.

Современная иммиграционная политика России: вопросы разработки и реализации на федеральном и региональном уровнях	102
---	-----

Акулов И. В.

Институциональные особенности повышения эффективности электроэнергетики России посредством участия государства в сделках слияния и поглощения	106
---	-----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бородина Я. А.

К вопросу о собственности на подводное культурное наследие	110
--	-----

Ларичев А. В.

Изучение проблемы обеспечения эффективности публичной власти в науке конституционного права Российской Федерации	113
--	-----

ПАМЯТЬ

Веригин С. Г.

Памяти историка Н. И. Барышникова	116
---	-----

ЮБИЛЕЙ

К 65-летию П. М. Зайкова	117
------------------------------------	-----

Научная информация

Информация для авторов	119
----------------------------------	-----

Contents

Contents	120
--------------------	-----

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/files/req.pdf>**

Учредитель ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Л. Л. Лангинен.

Подписано в печать 14.11.2011. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 221

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
golubevalexei@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА «ФИНЛЯНДИЗАЦИЯ» В ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ 1960–80-х годов

Статья посвящена возникновению и эволюции термина «финляндизация» в западных политических дискурсах в период холодной войны. В статье на основе широкого круга источников анализируются различные контексты употребления данного понятия, а также рассматривается его роль в формировании стратегий взаимоотношений западных стран с СССР и в борьбе между правыми, левыми и умеренными политическими силами на Западе.

Ключевые слова: финляндизация, холодная война, политический дискурс, история понятий, политическая философия

Окончание Второй мировой войны и начало холодной войны радикально изменили положение Советского Союза на международной арене. Начиная с середины 1940-х годов советское правительство отказалось от относительно осторожной и сдержанной внешней линии, которую оно проводило до 1939 года, и стало одним из основных действующих лиц в мировой политике. Активная, а по многим вопросам и агрессивная позиция СССР вынудила политическое руководство стран Запада заново вырабатывать стратегию отношений с Советским государством. Одним из основных вопросов, которые при этом возникли, был вопрос о приемлемости нейтралитета в мире, поляризованном противостоянием между социалистическим и капиталистическим блоками. Для правых политических сил на Западе нейтральная позиция третьих стран воспринималась как мера, ведущая к советской экспансии или по крайней мере росту советского влияния. Их позицию в полной мере отразила знаменитая фраза Джона Фостера Даллеса, госсекретаря США при президенте Дуайте Эйзенхауэр в 1953–1959 годах: «Понятие нейтралитета все больше и больше устаревает, и за исключением очень редких обстоятельств эта концепция аморальна и недальновидна» (цит. по: [39; 186]). Опасения западных политиков по поводу нейтралитета в Европе отразились, например, в неприятных нотах правительства СССР от 10 марта 1952 года (так называемой «ноты Сталина»), в которой предлагалось воссоздание единой Германии на условиях ее нейтралитета [35], или в спорах между четырьмя оккупационными державами по вопросу об австрийском нейтралитете [44]. В более широком контексте эти опасения выразились в резкой критике политики «разрядки» 1970-х годов со стороны правых политических кругов США, прежде всего Рональда Рейгана [41].

Если на внешнюю политику США позиция правых политических сил оказывала определя-

ющее влияние, особенно в 1950-е и 1980-е годы, то европейские политики относились к подобным бескомпромиссным взглядам с осторожностью и проявляли большую гибкость в поисках способов мирного сосуществования с восточным блоком [32]. Тем не менее вопрос о том, насколько нейтралитет способствует распространению советского влияния в Европе, никогда не исчезал из западных политических дискуссий. Именно этот контекст определил важность советско-финляндских послевоенных отношений для западной политики в годы холодной войны.

6 апреля 1948 года в Москве представителями Финляндии и СССР был подписан договор, согласно которому Финляндия брала на себя обязательство не допустить использование своей территории для агрессии против СССР [1]. Финляндия удалось избежать послевоенной «советизации», однако наличие определенных обязательств перед СССР вынуждало финское правительство проводить осторожную политику уступок по отношению к Москве. Внешняя политика Финляндии должна была соглашаться с советским правительством, к тому же фактор возможного советского вмешательства неоднократно возникал и во внутренней политике Финляндии [34]. При этом Финляндия сохранила демократические институты и рыночную экономику и в идеологических, экономических и культурных вопросах совершенно очевидно тяготела к Западу.

Для западных политиков интерес к советско-финляндским отношениям лежал далеко за пределами их озабоченности будущим Финляндии. Промежуточное положение Финляндии как западной страны, вынужденной пойти на значительные уступки СССР, но сохранившей при этом свой общественно-политический строй, давало пространство для различных, иногда противоречивых интерпретаций, посредством которых западные политические силы стремились понять внешнюю политику СССР и выработать

возможные ответные стратегии. Обращение к советско-финляндским отношениям как к объекту для интерпретации советской внешней политики стало настолько частым, что в начале 1960-х годов в западном политическом словаре появился новый термин – «финляндизация». Этот термин прошел через период популярности и полу забвения, однако в конце концов все-таки вошел в энциклопедии и словари [37], [38] и до сих пор сохраняется в политической практике.

В современном значении этот термин обозначает «политику или действия страны, которая, не являясь формально частью советского блока, стремилась поддерживать близкие отношения с СССР и тем самым дистанцировалась от традиционных союзников» [37; 319]. Однако его современное значение сформировалось не сразу. Как неологизм термин прошел через несколько стадий, на которых различные политические силы, участвовавшие в политических дискуссиях о природе советско-финляндских отношений, стремились изменить его значение или даже совершенно дискредитировать его. В данной статье на основе финских, западногерманских и англоязычных (США и Великобритания) источников мы постараемся проследить эволюцию этого термина в западных политических дискурсах периода холодной войны. Изучение эволюции этого термина позволяет понять, как в спорах между различными западными политическими силами рождалось то понятийное пространство, в границах которого западные политики вырабатывали более гибкие внешнеполитические стратегии в отношениях с СССР. В теоретическом отношении наше исследование тяготеет к немецкой школе истории понятия (*Begriffs geschichte*).

Первые отсылки к советско-финляндским отношениям как одной из возможных моделей европейского нейтралитета возникли в связи с переговорами по вопросу австрийского нейтралитета (1953–1955 годы) [43]. Однако пристальное внимание на советско-финляндские отношения западные политические комментаторы обратили чуть позже, в период так называемого «нотного кризиса», разразившегося между СССР и Финляндией в конце 1961 года. Благодаря этому кризису президент У. К. Кекконен на выборах в январе 1962 года был переизбран уже в первом туре, хотя до начала кризиса вероятность его переизбрания на второй срок была под вопросом. Совпадение «нотного кризиса» и президентских выборов в Финляндии породило многочисленные гипотезы о том, что СССР использовал зависимое положение Финляндии для поддержки удобного ему кандидата [34; 330–333]. Западные правые силы с подозрением относились и к мирным инициативам У. Кекконена, который, в частности, предлагал создание безъядерной зоны в регионе Балтийского моря. Неудивительно, что с 1969 го-

да, когда западным правым силам потребовалось новое понятие для дискредитации нового западногерманского правительства Вилли Брандта, настроенного на диалог с восточным блоком, в западной прессе начинается активная апелляция к советско-финляндским отношениям как той модели, по которой может пойти развитие Западной Европы из-за политики уступок ее лидеров советскому давлению по различным вопросам: «Один из специалистов по России и Европе в правительстве [США] называет это попыткой “финляндизации” Западной Германии. Из-за советского давления финны постепенно изменили свою внутреннюю и внешнюю политику, чтобы лучше соответствовать русским пожеланиям. Они уступили русским предложениям о составе своего собственного правительства» [7].

Ранние примеры употребления данного понятия показывают, что финляндизация воспринималась как намеренная политика советского руководства с целью склонить западные демократические режимы к уступкам и тем самым облегчить дальнейшую советскую экспансию в Европе [13]. Однако понятие финляндизации никогда не стало бы столь популярным, если бы его значение подразумевало, что угроза утраты суверенитета западными странами заключается только в давлении со стороны Советского Союза. В широкое употребление оно вошло с иным оттенком значения, который вскоре стал основным: финляндизация воспринималась как процесс, в котором «финляндизируемое» государство добровольно шло на уступки и утрату своих суверенных прав. Именно это значение стремились актуализировать противники «новой восточной политики» Вилли Брандта, используя понятие «финляндизация», что демонстрирует следующий отрывок из интервью Брандта журналу «Шпигель»: «Шпигель: Ваши оппоненты утверждают, что [Ваша] внешняя политика – умышленно или неумышленно – несет в себе опасность того, что связи ФРГ с Западом неизбежно ослабнут и как следствие возникнет риск “финляндизации” ФРГ.

Брандт: Я полагаю, что Штраус¹ уже не один год пытается высказать эту мысль с помощью “финляндизации”. Это... не очень вежливо по отношению к дружественной нам стране, которая смогла в тяжелых обстоятельствах восстановить свою экономику, сохранить независимость и демократическую целостность и играет важную роль в европейском и международном сотрудничестве» [28].

Данная цитата, помимо прочего, показывает еще и основной контекст, в котором употреблялось понятие финляндизации, – политическую борьбу между правыми и левыми силами в Европе. Как показывает приведенный выше пример, Франц Йозеф Штраус, лидер консервативной партии «Христианско-социальный союз», сделал обвинение в финляндизации Западной Германии

общим местом своей политической борьбы против социал-демократического правительства Вилли Брандта. Тем самым использование понятия, подразумевающего добровольную уступку суверенитета, помимо дискредитации внешней линии нового немецкого руководства, позволяло правым силам набирать очки и во внутриполитической борьбе. При этом противостояние правых и левых сил не ограничивалось национальными границами, что демонстрирует следующий пример: «Хотя [французские] коммунисты и не оказали сильной поддержки [Франсуа] Миттерану, оппоненту Жискара [д'Эстена] от социалистической партии, они, вне всякого сомнения, возьмут свое в виде ключевых постов в правительстве в случае победы Миттерана. Это станет первым шагом к финляндизации Франции, после чего она очень скоро будет вовлечена в сферу советского влияния – как и все другие страны, чьи народы уже допустили проникновение коммунистов в свои правительства» [3].

Автор данной статьи, опубликованной в провинциальной американской газете, использует понятие финляндизации для описания негативных внутри- и внешнеполитических последствий, к которым приведет избрание социалиста Франсуа Миттерана на пост президента Франции. Маловероятно, что он рассчитывал на французский избирательный округ как на свою читательскую аудиторию. Речь идет, очевидно, о формировании общественного мнения в самих Соединенных Штатах, ведь именно оно могло в значительной степени повлиять на процесс принятия решений во властных структурах США. Тем самым посредством использования данного понятия – как и ряда аналогичных – правые силы стремились сформировать общественную поддержку более жесткого курса западных стран.

Частое обращение к термину «финляндизация» в западной прессе сделало возможным его дальнейшее развитие. В апрельском номере журнала «Комментари» за 1974 год была опубликована статья под заголовком «Делая мир более безопасным для коммунистов» [24]. Ее автор, теоретик американского неоконсерватизма Норманн Подгорец, утверждал, что политика разрядки является чередой уступок советскому коммунистическому режиму. Это приводило к «финляндизации духа», или «финляндизации изнутри», – добровольному признанию ведущей роли СССР в мире и отказу от попыток противостоять его растущему влиянию. По сути дела речь шла о становлении новой категории правой политической философии, которая пыталась представить внешнюю политику «разрядки», основанную на компромиссах и диалоге с СССР, как ведущую к гибели западного мира.

Финляндизация как категория политической философии окончательно оформилась в работах американского историка и политического ана-

литика Уолтера Лакера. В 1980 году он опубликовал книгу «Политическая психология умиротворения», которая открывалась программным эссе «Финляндизация» [17]. В данном эссе анализируется ряд сюжетов политической истории Финляндии, которые автор интерпретирует как уступки Советскому Союзу со стороны финского руководства ради сиюминутных политических выгод. Эти уступки, по его мнению, привели к фактической утрате Финляндии независимости. Однако собственно судьба Финляндии его не интересует: «...в действительности значение [феномена финляндизации] заключается, разумеется, в том, что Финляндия является моделью», которая могла стать опасным прецедентом подчинения западных стран советской политической волне [17; 6]. Единственной альтернативой финляндизации в Европе, с его точки зрения, являлась борьба с распространением пацифизма, коммунизма и национализма, альтернативой которым мог стать только евроатлантизм. Это и являлось действительным посылом и этого, и других текстов автора [18].

Негативный образ советско-финляндских отношений, выраженный в понятии финляндизации, не мог не вызвать болезненной реакции финского политического руководства. Не в силах повлиять на употребление данного термина, оно постаралось переформулировать и изменить его значение – иными словами, предложить новую, более позитивную для Финляндии интерпретацию финляндизации. Уrho Кекконен, президент Финляндии с 1956 по 1982 год, был особенно заинтересован в этом проекте, поскольку именно его имя в западной консервативной прессе неизменно ассоциировалось с добровольными уступками СССР в обмен на поддержку во внутриполитической борьбе. Он, как и другие представители финского руководства, неоднократно давал свою трактовку финляндизации как политики, помогающей избежать конфронтации и поддерживать добрососедские отношения между двумя странами с различными политическими и социально-экономическими системами: «Мы не предлагаем договор 1948 г. как пример другим нациям, однако в качестве примера для всех мы предлагаем его результаты: доверительное и конструктивное сотрудничество между странами с различным общественным устройством. Это и является настоящей «финляндизацией». Если она будет употребляться в этом значении, мы даже порекомендуем это новое слово для всеобщего употребления, пусть изначально оно и было изобретено для дискредитации Финляндии» [15, 98].

Усилия финского руководства оказались тщетными. Как уже упоминалось выше, понятие финляндизации использовалось, как правило, против либеральных и левых политических сил в Европе, стремившихся найти *modus vivendi*

в отношениях с социалистическим блоком. Однако даже политические силы, оказавшиеся мишенью для этого понятия, не могли поддержать видение европейской политики, основанное на примере советско-финляндских отношений. Так, например, в 1973 году «Шпигель», популярный в ФРГ общественно-политический журнал, стоявший на либеральных позициях, опубликовал большую статью под заголовком «Финляндизация: пример или опасность?», посвященную попыткам Кекконена дать новую интерпретацию данному термину [10]. Эта статья критически отзывалась об использовании Кекконеном «советской карты» как специфического ресурса для борьбы с внутриполитическими конкурентами, и хотя ее автор одновременно характеризовал термин «финляндизация» как оскорбительный, эти два посыла очевидным образом противоречили друг другу.

В этом противоречии и видится основная причина того, что западным левым и либеральным политическим силам не удалось дискредитировать понятие финляндизации и тем самым лишить его веса в правой политической аргументации, хотя подобные попытки предпринимались неоднократно. Аргументация против уничижительного контекста, в котором использовалось данное понятие в правом политическом дискурсе, обычно концентрировалась на тех преимуществах, которые Финляндия сумела получить от политики мирного сосуществования с СССР. В цитировавшемся выше интервью В. Брандта журналу «Шпигель» канцлер ФРГ, например, приводит в качестве примера выгод, полученных Финляндией от политики дружественного нейтралитета по отношению к СССР, быстрое восстановление экономики, важную роль Финляндии на международной арене и сохранение демократических институтов [28]. Однако авторы подобных публикаций были вынуждены констатировать и определенную цензуру в Финляндии, и отсутствие публичной критики советских внешне- и внутриполитических действий, и практику выдачи советских перебежчиков. Это неминуемо снижало эффект от подобной критики негативного образа советско-финляндских отношений, который сложился в правом политическом дискурсе.

Как следствие – все эти попытки не оказали влияния ни на популярность понятия финляндизации, ни на его основное значение в течение 1970-х и 1980-х годов, как показывают собранные нами примеры из публикаций в западной прессе². Либеральному политическому дискурсу удалось отчасти изменить лишь контекст его употребления, применив его по отношению не к Западной, а Восточной Европе. В этом контексте *modus vivendis* финского образца казался для западной аудитории гораздо более привлекательной альтернативой, чем существующие в вос-

точноевропейских странах однопартийные системы, подчиненные воле КПСС [26].

Данный контекст, впрочем, оставался вторичным вплоть до второй половины 1980-х годов. Между тем к началу 1980-х годов использование термина «финляндизация» в негативном контексте стало настолько общепринятым, что руководство Финляндии стало воспринимать эту ситуацию как реальную угрозу национальной безопасности. Иначе нельзя объяснить тот факт, что в опубликованной в 1980 году в Хельсинки книге «Взгляды на политику безопасности Финляндии в 1980-е гг.» отдельная глава была посвящена негативному влиянию понятия «финляндизация» на международный образ страны и представляющей им угрозе национальной безопасности Финляндии [14]. Аналогичный пафос присутствует и в опубликованной в 1983 году книге «Вехи пути: Взгляд на внешнюю политику Финляндии», автором которой был Мауно Койвисто, следующий после У. Кекконена президент Финляндии [16]. В обеих публикациях авторы отмечали, что значение термина «финляндизация» развивается по логике, не зависящей от реального положения дел в советско-финляндских отношениях, и что финское руководство бессильно как-либо изменить эту ситуацию.

И все же на короткий период времени – примерно с 1988 по 1990 год – либеральному дискурсу удалось навязать понятию финляндизации значение, в котором модель советско-финляндских отношений применялась по отношению к Восточной Европе и Прибалтике. В этот период, несмотря на радикальные демократические изменения в социалистическом блоке, фактически никто еще не верил ни в скорую утрату Советским Союзом статуса сверхдержавы, ни в сам распад СССР. Поэтому изменение политического положения восточноевропейских стран, а с 1990 года – и прибалтийских республик по образцу Финляндии для многих политических сил казалось идеальным вариантом развития событий, когда кажущаяся реальной альтернативой представлялось силовое подавление этих демократических преобразований. В этот период в западной прессе и политической литературе публиковались многочисленные статьи о применимости в странах Восточной Европы финского опыта сосуществования с СССР, как, например, следующий пример из «Нью-Йорк Таймс»: «На семинарах и в министерствах иностранных дел Западной Европы ведутся разговоры об упадке западной империи Советского Союза, что может, согласно оптимистичным сценариям, привести к “финляндизации” Восточной Европы. Когда-то уничижительное определение того, что может случиться с Западной Европой в результате советского шантажа, сейчас “финляндизация” предполагает провозглашение нейтралитета такой страной, как, например, Венгрия, которая может осторожно

выскользнуть из советской сферы влияния и получить такой же статус, как Австрия» [22].

Впрочем, к 1991 году, когда неспособность советского руководства удержать восточноевропейские страны в зоне своего влияния стала очевидной, финляндизация как возможный сценарий развития событий в постсоциалистическом пространстве снова приобрела негативное значение в западной прессе [4].

С распадом СССР на короткий период времени термин «финляндизация» исчезает из западной политической прессы, за исключением Финляндии, где именно с этого времени начинается активное общественное обсуждение природы советско-финляндских отношений, а также использование этого понятия для дискредитации противников вступления Финляндии в ЕЭС/ЕС [42]. Забвение или, скорее, неиспользование термина «финляндизация» в западной политической прессе сохранялось в течение 1990-х годов. Впрочем, в последнее десятилетие наблюдается возвращение к использованию этого термина в его традиционном значении – для обозначения потенциальных угроз европейским странам со стороны теперь уже не СССР, а Российской Федерации.

В целом в период 1960–80-х годов термин «финляндизация» получил широкое использование в западных политических дискурсах, в особенности как категория правой политической философии, где он использовался для обозначения тех опасностей, которые могли повлечь за собой уступки по отношению к советской политике в Европе. Популярность понятия финляндизации объясняется его одновременной внутри- и внешнеполитической направленностью, поскольку, помимо формирования бескомпромиссной внешнеполитической линии по отношению к СССР, оно активно использовалось для дискредитации левых и умеренных политических движений и тенденций в западных странах. Попытки дискредитировать или изменить значение понятия финляндизации со стороны финляндского руководства и западных умеренных политических сил окончились неудачей, что демонстрирует его регулярное использование в публикациях 1960–80-х годов. Таким образом, правым силам удалось сформировать устойчивый негативный образ советско-финляндских отношений и распространить его на любые возможные формы просоветского нейтралитета. Недолгое доминирование позитивного образа модели советско-финляндских отношений применительно к сценариям раз-

вития Восточной Европы в период 1988–90 годов не изменило основное значение понятия финляндизации, что демонстрирует современный контекст его использования в западной прессе.

Объяснение, почему правое толкование данного понятия безусловно доминировало в западных политических дискурсах периода холодной войны, можно найти в природе стоящей за ним политической аргументации. Правый политический дискурс апеллировал прежде всего к моральной политике. Использовавшаяся в нем аргументация основывалась на тех идеологических ценностях, которые подразумевали борьбу против коммунизма во всех его проявлениях. Работы Уолтера Лакера, Нормана Подгорца и других западных политических обозревателей, аналитиков и философов, апеллировавших к понятию финляндизации, окружали его такими узнаваемыми понятиями, как свобода, независимость, бородатель, мораль, этика, – иными словами, делали его частью того интертекста, который современные читатели ассоциировали с классическими образцами западной политической философии и, шире, протестантского гранд-нарра-тива в целом. В то же время в аргументации их оппонентов финляндизация рассматривалась как реальная политика (нем. *Realpolitik*), где внешнеполитический курс Финляндии оценивался с точки зрения того, какие выгоды она получала взамен за сделанные ей уступки. Соответственно, через соотношение уступок и привилегий оценивался и дружественный по отношению к СССР нейтралитет как возможный сценарий для других стран. Данная аргументация, несомненно, проигрывала с точки зрения эмоциональной и моральной привлекательности более простой и убедительной правой трактовке финляндизации, к тому же правые политические силы регулярно дискредитировали ее, сравнивая, например, с политикой умиротворения нацисткой Германией западными державами в 1937–1938 годах. Вследствие этого ключевым фактором оказалась именно интерпретация финляндизации как «аморальной» политики, что в условиях идеологического противостояния времен холодной войны сделало ее более востребованной, чем любые другие альтернативные интерпретации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (AZ 03/SR/10).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Франц Йозеф Штраус, влиятельный немецкий политик, один из лидеров баварской партии «Христианско-социальный союз», последовательный противник «новой восточной политики» Брандта.

² К настоящему времени нами собрано свыше четырехсот употреблений данного термина только в англо- и немецкоязычной прессе.

ИСТОЧНИКИ

1. Известия. 1948. 7 апреля.
2. Черчилль У. Триумф и трагедия. М.: Олма-Пресс, 2004.
3. A close call // The Milwaukee Sentinel. 1974. May 21.
4. Bohlen C. Hungary Resisting Moscow's Shadow // The New York Times. 1991. April 28.
5. Buchanan P. The Road to Finlandization // The New York Times-News. 1980. March 3.
6. Buckley W. Carter policy stoked Mideast flames // Beaver County Times. 1980. October 1.
7. Cromley R. Classic Red tactic, be it Vietnam or West Berlin // Prescott Evening Courier. 1969. February 27.
8. «Finlandization» in Action: Helsinki's Experience with Moscow. CIA Intelligence report. August 1972 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-55.pdf>
9. Finlandization in no Answer for Afghanistan // The New York Times. 1981. January 12.
10. Finnlandisierung – Vorbild oder Gefahr? // Der Spiegel. 1973. № 17. S. 98–101.
11. Harrison S. Afghan 'Finlandization'? // The New York Times. 1980. December 22.
12. Harrison S. Dateline Afghanistan: Exit Through Finland? // Foreign Policy. 1980–1981. Winter. № 41. P. 163–187.
13. Hart J. What of Soviet strategy? // Sarasota Journal. 1972. June 12.
14. Iloniemi J. Suomen kansainvälinen kuva ja «finlandisaatio». Suomi, Juhani (toim.) // Näkökulmia Suomen turvallisuuspolitiikkaan 1980-luvulla. Helsinki: Otava, 1980. S. 98–106.
15. Kekkonen U. Tasavallan Presidentin puhe YYA-sopimuksen 25-vuotisjuhlassa 4.4.1973 // Ulkopolitiisia lausuntoja ja asiakirjoja: 19. Helsinki: Ulkoasiainministeriö, 1973. S. 94–99.
16. Koivisto M. Linjaviitit: Ulkopolitiisia kannanottoja. Helsinki: Kirjayhtymä, 1983.
17. Laqueur W. Finlandization // Laqueur W. The Political Psychology of Appeasement. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1980. P. 3–22.
18. Laqueur W., Hunter R. (eds.). European peace movements and the future of the Western Alliance. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1985.
19. Lewis F. Why our European allies remain aloof // The Day. 1980. April 19.
20. Lowenthal R. After Cuba, Berlin? // Encounter. 1962. December.
21. Magnus Ralph H. (ed.) Afghan Alternatives: Issues, Options, and Policies. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1985.
22. Markham J. «Along The East-West Fault Line, Signs of Stress as Ideology Erodes» // The New York Times. 1989. February 26.
23. Mouritzen H. Finlandization: Towards a General Theory of Adaptive Politics. Aldershot: Avebury, 1988.
24. Podhoretz N. Making the World Safe for Communism // Commentary. April 1976. P. 31–41.
25. Singleton F. The Myth of Finlandisation // International Affairs. 1981. Vol. 57. № 2. P. 270–285.
26. Sulzberger C. L. A confusion of banalities // The New York Times-News. 1977. August 10.
27. Two meanings of Finlandization // Ottawa Citizen. 1986. May 24.
28. Was wir machen, mußte gemacht werden // Der Spiegel. 1971. № 40. P. 28–31.
29. Wisse R. Moral gulf separates communism from democracy // The Montreal Gazette. 1986. May 8.
30. What next for Russia after Afghanistan // The Milwaukee Sentinel. 1980. January 20.
31. World Press Portugal's Lifeline // The Sumter Daily Item. 1975. March 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

32. Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов. М.: Россспэн, 2007.
33. Даннеберг Л. Смысл и бессмыслица истории метафор // История понятий, история дискурса, история менталитаря / Под ред. Х. Э. Бёдекера. М.: НЛО, 2010. С. 189–297.
34. Невакиви Ю. От войны-продолжения до сегодняшнего дня. 1944–2009 / О. Юссила и др. Политическая история Финляндии. М.: Весь мир, 2010. С. 344–340.
35. Родович Ю. В. О «ноте Сталина» от 10 марта 1952 г. по германскому вопросу // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 63–79.
36. Carver T., Jernej P. (eds). Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. London: Routledge, 2008.
37. Finlandization / van Dijk, Ruud (ed.) // Encyclopedia of the Cold War. Vol. 1. N. Y.; London: Routledge, 2008. P. 319–321.
38. Finlandization // Webber E., Feinsilber M. Merriam-Webster's Dictionary of Allusions. Springfield, MA: Merriam-Webster, 1999. P. 200–201.
39. Gabriel J. M. The American Conception of Neutrality after 1941. London: Macmillan, 1988.
40. Holloway S. K. Canadian Foreign Policy: Defining the National Interest. Peterborough, Ont.: Broadview Press, 2006.
41. Kissenger H. Diplomacy. N. Y.: Simon&Shuster, 1994.
42. Moisio S. Finlandisation versus westernisation: Political recognition and Finland's European Union membership debate // National Identities. 2008. March. Vol. 10. № 1. P. 77–93.
43. Müller W. The Soviet Union and Austria, 1955–1991 // «Peaceful Coexistence» or «Iron Curtain»? Austria, Neutrality, and Eastern Europe in the Cold War and Detente, 1955–1989 / Suppmann A., Müller W. (eds.). Vienna: LIT, 2009. P. 256–289.
44. Ruddy M. European Integration, the Neutrals, and U. S. Security Interests: From the Marshall Plan to the Rome Treaties // Gehler Michael, Rolf Steininger. Die Neutralen und die europäische Integration 1945–1995. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2000. P. 13–28.
45. Vihavainen T. Kansakunta rähmällään: suomettumisen lyhyt historia. Helsinki: Otava, 1991.

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ КУЛАГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории довоенной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
olkulagin@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ РАБОЧИХ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАРЕЛИИ (1917–1928)

В статье на основе архивных материалов проводится анализ изменений в трудовой мотивации рабочих лесной отрасли, которые по своему социальному облику оставались крестьянами.

Ключевые слова: лесная промышленность, социальный облик, трудовая мотивация

Европейский Север России всегда являлся крупным лесосырьевым регионом страны. В Карелии для местного населения в сложных природно-климатических условиях лес зачастую являлся основным источником существования: местом жительства, источником строительных материалов, дров и пищи. В силу установившихся традиций местное сельское население имело необходимые навыки лесозаготовительных и лесосплавных работ. До революции 1917 года лесозаготовки носили исключительно сезонный характер, вербовка рабочей силы происходила путем заключения лесозаготовительными организациями и предпринимателями подрядных договоров с артелями лесорубов.

Отметим, что проблема развития лесной промышленности Карелии в советский период на разных этапах развития данной отрасли рассматривалась в исследовательских работах В. Г. Макурова [20], С. Н. Филимончик [22], А. В. Милясова [21], Ван дер Линден [19] и др., но одним из малоисследованных аспектов является вопрос об эволюции социального облика рабочего лесной промышленности и трансформации различных аспектов его трудовой мотивации¹ на протяжении сложнейшего периода развития советской экономики в период военного коммунизма и новой экономической политики.

Хронологические рамки (1917–1928 годы), выбранные для исследования, охватывают период, начинающийся приходом к власти большевиков, установлением советской власти и Гражданской войны, включающий в себя период новой экономической политики и завершающийся переходом к реализации первых пятилетних планов. С началом образования леспромхозов в 1929 году наряду с привлечением сезонной рабочей силы в лесной промышленности стали создаваться постоянные кадры рабочих. С их формированием связано появление нового социального облика лесного рабочего с новой исключительно «советской» мотивацией к труду.

Главной особенностью рассматриваемого периода являлось отсутствие в лесной отрасли Карелии постоянных кадров рабочих. На протяже-

нии 1917–1929 годов главной рабочей силой на лесозаготовках было местное крестьянство, которое имело особое отношение к лесному пространству и основы трудовой этики, имевшие мало общего с представлениями органов и учреждений советской власти о темпах и направлениях освоения лесных богатств региона.

Источниками по теме данного исследования являются документы из фондов Национального архива Республики Карелии (НА РК), многие из которых были введены в научный оборот впервые. В основном это документы фонда Карельского республиканского комитета партии (Ф. П-3), а также фондов Олонецкого губернского отдела управления (Ф. Р-29) и Исполнительного комитета Пудожского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-249).

Первые мероприятия советской власти по организации экономики, в том числе лесной отрасли, на новых социалистических началах были связаны с Декретом о земле от 26 октября 1917 года, в котором провозглашалось, что «все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства...» [17; 17–20]. Этим законом декларировалась отмена частной собственности на лесные ресурсы, которые объявлялись «общенародным достоянием», и устанавливалось, что лесное хозяйство должно вестись «в интересах общего блага». Для новой власти определяющим моментом в отношении эксплуатации лесных богатств региона было экономическое выживание, необходимость решить проблему топливного кризиса и т. д. Для крестьянского сознания понимание «общенародности» было связано с понятием «общинных интересов», которые подразумевали естественное право крестьян на те природные ресурсы, которые испокон веков использовались ими для экономического выживания. В результате отмена частной собственности на леса воспринималась крестьянами как возможность бесконтрольно их вырубать для подсобных нужд и для продажи.

Однако такие крестьянские мотивы для вырубки леса совершенно не могли устроить новую

власть. С 17 по 28 января 1918 года в Петрограде проходил Всероссийский съезд земельных комитетов. На нем обсуждался Основной закон о социализации земли, предусматривавший уравнительное пользование крестьян землей, в том числе и лесными площадями. Пятая статья принятого 19 февраля 1918 года Декрета ВЦИК «О социализации земли» среди прочего гласила: «Распоряжение недрами земли, лесами, водами и живыми силами природы предоставляется, в зависимости от их значения, уездной, губернской областной и федеральной советской власти под контроль последней...» [17; 17–20]. Уже в марте 1918 года Олонецкий Губземком не замедлил провести данные решения в жизнь, указывая на необходимость все частновладельческие леса взять под охрану от самовольных рубок, а все попенные деньги² с торговой наценкой на заготовленный кем бы то ни было лес зачислить в депозит Губзелькома [18; 18].

Такое решение встретило протест крестьян Олонецкого края, которые в марте – апреле 1918 года на волостных собраниях постановили не принимать национализации крестьянских надельных лесов, навязанной им новой властью. Более того, когда осенью 1918 года началось введение трудовой повинности по заготовке древесного топлива, крестьяне Авдеевской волости Пудожского уезда постановили: «...советской власти как поступившей к нам насильно и как ведущую нас к гибели не признавать, а также не подчиняться никаким распоряжениям, идущим вразрез с нашими желаниями...» [15; 81].

Последующее введение уездным исполнительным комитетом трудовой повинности для населения не дало видимых результатов, так как население было абсолютно не заинтересовано в принудительном труде, не приносившем экономической выгоды. Не решало проблемы и введение на срок с 1 июля 1918 по 1 июля 1919 года «Временных правил отпуска леса на местные надобности из общенародных лесов», которые должны были облегчить получение лесных материалов для нужд местного населения [16; 25], установление поденной оплаты труда на сплаве, смягчение наказаний за самовольную рубку леса и т. д.

После окончания Гражданской войны большее внимание со стороны новой власти стало уделяться лесным концессиям. В сферу социально-экономических отношений между властями и рабочими лесной промышленности вмешивалась третья сила в лице иностранных концессионеров. Это создавало условия для конкуренции между моделью советской трудовой мотивации-принуждения, мало понятной для психологии крестьянина-собственника, и моделью трудовой мотивации капитализма. Опасения по поводу нежелательного для новой власти результата такой конкуренции отчасти были оправданы. О них говорил В. И. Ленин на съезде Советов от фрак-

ции РКП(б) в докладе от 21 декабря 1920 года о лесных концессиях на севере Европейской России: «Нам говорили, что концессионеры создадут исключительные условия для своих рабочих, привезут для них лучшую одежду, лучшую обувь, лучшее продовольствие. Такова будет их пропаганда среди наших рабочих, которые должны терпеть лишения и долгое время еще будут их терпеть...» [18; 66].

Ленин расценивал политику концессий как средство продолжения войны между социалистическим и капиталистическим лагерями. В этой войне советская власть продолжала прибегать к принудительным видам трудовой мотивации, таким как штрафные лесозаготовительные дружины, появившиеся по постановлению Олонецкого уездного исполнительного комитета от 15 февраля 1921 года. Согласно постановлению, за невыполнение разверстки по заготовке топлива граждане должны были направляться в уезд-комдезертир (Уездный комитет по борьбе с дезертирством) [18; 74]. Важные изменения в стимулировании трудовой мотивации рабочих лесной промышленности должны были произойти на основании решений X съезда РКП(б), прошедшего в период с 8 по 16 марта 1921 года. Съезд признал ненормальной существовавшую тогда форму отношений между городом и деревней, при которой крестьянство, являвшееся тогда главной рабочей силой на лесозаготовках, находилось в крайне невыгодных условиях жизни и труда по сравнению с городскими рабочими.

Однако на практике главным стимулом для интенсификации производства в лесной отрасли по-прежнему оставалось принуждение и устрашение, что вряд ли можно назвать эффективным способом трудовой мотивации. В приговоре Олонецкого губернского ревтрибунала от 22 декабря 1921 года в отношении граждан Повенецкого уезда, уклонявшихся от выполнения государственных заданий по лесозаготовкам зимой 1921 года, предусматривалось их привлечение на работы в Тихвиноборскую дистанцию Повенецкого райуплеса (районное управление леса). В случае уклонения было предписано отправлять их на принудительные работы на ст. Сегежа Мурманской железной дороги в распоряжение лесного отдела Повенецкого райотдела губсоюза (губернский союз) на срок до трех месяцев [18; 90]. Меры такого рода, всевозможные мобилизации и обложение крестьян и рабочих Карелии трудгуж-налогом возмущали население, а скучные зарплатки заставляли крестьян вовсе бросать работу и уезжать с лесозаготовок на биржи [14; 21].

В результате развития новых экономических отношений формировались новое самовосприятие рабочих лесной отрасли Карелии и новые элементы их трудовой мотивации. Как следует из информационной сводки Карельского областного отдела ГПУ о положении лесной промыш-

ленности от 23 июля 1923 года, «отношение рабочих к соввласти и РКП(б) доброжелательное, к НЭП натянутое, а к нэпманам враждебное из-за поднятия с каждым днем рыночных цен...» [2; 7–9]. В этой же сводке содержатся сведения, что рабочие были недовольны мизерной платой и несвоевременной ее выдачей, в результате чего они старались уходить с работы. Очевидно, что в данный период рабочие лесной отрасли начинают осознавать себя в качестве самостоятельной социальной силы, имеющей свои интересы и средства их реализации.

Система материального стимулирования, формировавшаяся на лесозаготовках в это время, наряду с положительными моментами все больше подчеркивала социальный антагонизм между пролетариатом и крестьянством, занятым на лесозаготовках. На лесопильных заводах выдача зарплаты рабочим осуществлялась сравнительно своевременно и в живых деньгах, в то время как на лесозаготовках крестьянин при максимальном труде зарабатывал в день от 30 до 35 фунтов муки. В итоге крестьянство получало зарплату в основном натурой и к тому же несвоевременно [5; 57–60]. Это обстоятельство не могло не отразиться не только на трудовой мотивации крестьянства, но и на его политических настроениях. Отмечая случаи антисоветских настроений среди рабочих лесной промышленности, органы ГПУ подчеркивали, что в основном они относились не к «основному пролетариату Карелии», а к сезонным рабочим или только что пришедшим на работу в промышленность крестьянам [13; 18–19].

Неравные социально-экономические условия для рабочих и крестьян, занятых в одной отрасли, неоднократно подчеркивались на проводившихся в тот период беспартийных крестьянских конференциях. В частности, крестьяне часто жаловались на лучшие, чем у них, жилищные условия рабочих, их большую социальную защищенность (страхование, пенсии, 8-часовой рабочий день) и материальную обеспеченность (стабильную зарплату, лучшую, чем у крестьян, одежду). Крестьяне же, по их собственному мнению, ничего этого не имели: «...Если крестьянин пойдет на лесозаготовки и заболеет, его никто не обеспечит, убьет его деревом или искалечит, тоже ничего не получишь...» [7; 56].

Двойственность социального облика рабочих лесной промышленности в этот период определялась также и разным видением трудовой мотивации для пролетариев и крестьянства. На крестьянских конференциях в выступлениях зажиточного крестьянства подчеркивалось, что советская власть является властью только рабочих, а крестьяне угнетены и загнаны в подполье: «...рабочий налога не платит, а крестьянин платит под страхом оружия. Государство создает лесозаготовительные тресты для того, чтобы

легче было прижать крестьян, дать низкую зарплату и т. д.» [7; 56].

Зарплата рабочих в лесопильном производстве, хотя и выплачивалась стабильнее, чем крестьянам, в общих цифрах также была весьма низкой. В 1924–1925 годах средняя зарплата за месяц в лесопильном производстве в Карелии составляла: в январе 1924 года – 31 руб., в феврале – 36 руб., в марте – 40 руб., в апреле – 33 руб., в мае – 33 руб., в июне – 38 руб., в июле – 38 руб. [3; 15]. Примечательно, что по сравнению с горной и пищевой отраслями, с выплатами на Онежском заводе, в полиграфическом производстве средняя зарплата рабочих лесной промышленности была ниже [3; 15], хотя по количеству рабочих лесная отрасль далеко опережала другие производства и была жизненно важной для экономического развития региона.

Необходимо иметь в виду и то, что мизерность зарплаты на лесозаготовках усугублялась ростом цен на продовольственные товары. К примеру, в 1925 году на лесозаготовках Госпароходства в Кемском уезде за распиловку одной сажени дров была установлена плата в 60 коп., в то время как до 1917 года платили от 60 до 70 коп. с сажени. За восьмичасовой рабочий день двое рабочих успевали распиливать только 2 сажени. В результате дневной заработок рабочего был равен заработку в дореволюционное время. Однако цены на продовольствие выросли примерно на 200 % по сравнению с дореволюционными. Такую мизерную плату получали женщины и девочки-подростки, которые в основном и были заняты на распиловке дров, поскольку мужчины работали на более высокооплачиваемой погрузке [8; 62–63].

Следствием низких заработков и явной незаинтересованности рабочих в результатах своего труда стало увеличение числа прогулов. Администрация предприятий пыталась бороться с прогулами самыми строгими мерами (штрафами, увольнениями с заводов и т. д.), но это не принесло практически никаких результатов. Более того, рабочие видели в этом «карательные» меры со стороны администрации, которая, как они считали, сплошь состояла из «старорежимных спецов» [5; 57–60]. Низкая зарплата и тяжелые бытовые условия приводили также к систематическому пьянству среди рабочих. Например, в апреле 1925 года на лесозаводах № 37 и 38 празднование рабочими Пасхи вылилось в пьянку, неутешительным итогом которой стало тяжелое ранение одного из рабочих в результате поножовщины [8; 8]. Случаи систематического пьянства на производстве, скандалы и драки были зафиксированы и на других лесозаводах. Незаинтересованность рабочих лесной отрасли в результатах своего труда проявлялась также и в небрежном отношении к предмету собственного производства и даже случаях воровства [8; 77].

Для социального самовосприятия рабочих лесной отрасли в данный период все более характерным является противостояние заводской администрации, которую рабочие воспринимали в качестве антагонистического класса. При этом разница в материальном стимулировании рабочих и служащих являлась одной из главных причин социального конфликта [5; 42–44]. Ситуация осложнялась и тем, что у рабочих не было доверия к старым специалистам скорее по «классовым» соображениям, а к новым «спецам» – по причине их теоретической и практической некомпетентности [4; 130об]. Был у служащих предприятий и ряд льгот, которых у рабочих не было. Особенno ситуация обострялась, когда администрация увольняла рабочих, проработавших на заводе много лет, но потерявших трудоспособность [10; 25].

Такого рода социальные противоречия между рабочими и администрацией получили свое объяснение в документах органов ГПУ. В докладной записке ГПУ КАССР о состоянии лесной промышленности республики осенью 1927 года подчеркивалось, что за год было зафиксировано всего 96 случаев недовольства рабочих и 76 из них (79,2 %) относились именно к недовольству администрацией. Причина, как следует из документа, «кроется в том, что состав ее (администрации. – О. К.) преимущественно квалифицированный (специалисты) бюрократически подходит к рабочему и в подавляющем составляет чуждый пролетариату элемент...» [13; 18–19].

В это время отношение рабочих лесозаготовительных участков, которые в большинстве своем были крестьянами, к собственной трудовой среде никак нельзя назвать исключительно «пролетарским». Например, в январе 1925 года среди рабочих всех лесозаготовительных участков наблюдалось, согласно документам, недовольство из-за предоставления ряда преимуществ кулакам при отводе лесозаготовительными дистанциями делянок и участков для заготовки леса [10; 25].

Характерно, что восприятие социального облика рабочих лесной отрасли представителями местных властей также было весьма противоречивым. Например, в обзоре политического, социального и экономического положения населения в Поготской волости в мае 1925 года отмечалось, что «население считает себя крестьянами, но кормится исключительно от лесозаготовок, и хозяйство кр-на зависит от того, сколько он может заработать на лесозаготовительных и сплавных работах, т. ч. рассматривать их как крестьян в полном смысле невозможно...» [8; 14].

Крестьянский характер лесной промышленности Карелии в середине 1920-х годов проявлялся и в сезонной занятости рабочих на лесозаготовительных предприятиях. В докладе орготдела Карельского областного комитета РКП(б)

за май – июнь 1924 года отмечено отсутствие недостатка рабочей силы на лесосплавных работах, которая на 60 % состояла из местных сплавщиков и на 40 % – из приезжих из Онежского уезда Архангельской губернии. При этом привоз сплавщиков из-за пределов Карелии был необходим вследствие прекращения сплавных работ местным крестьянством во время сенокоса [3; 130].

Однако одновременно шел процесс формирования прослойки наемных лесозаготовительных рабочих из крестьян, терявших связь с землей и сельским хозяйством. Как указывалось на VI Все-карельской областной конференции 1925 года, в карельской деревне в этот период, с одной стороны, происходило непрерывное увеличение количества бедневших крестьянских хозяйств, с другой – быстрый рост крупных хозяйств [6; 173–174]. Этот процесс социально-экономической дифференциации в условиях новых экономических отношений приводил к формированию в карельской деревне социально-экономических типов так называемых «беспосевников» и «бездошадников», которые пополняли кадры наемных рабочих (батраков) лесорубов. Советская власть идентифицировала таких «батраков» как «сельских рабочих, лишенных средств производства», и как «деревенских пролетариев», считала необходимым объединить их в профсоюз. Основным условием для вступления лесоруба в союз должны были служить «бездошадность» и «бездосевность» – яркий атрибут рабочего-маргинала, которого необходимо было организационно оформить [6; 173–174]. Судя по приводимым в документах цифрам о социальном составе рабочих лесорубов Карелии в сентябре 1925 года, среднестатистический лесоруб имел одну лошадь, одну корову, земельный надел в размере не более одной десятины земли и 11–12 месяцев в году работал по найму [11; 48].

Проблема формирования постоянных кадров для лесной отрасли Карелии заключалась также и в том, что практически каждый год хозяйственными органами республики привозили рабочих (сплавщиков, лесорубов, шпалотесов) для лесной отрасли из других губерний без всякого учета излишков рабочей силы внутри Карелии в период сезонной трудовой активности местной рабочей силы. Социальный облик тех людей, которые приезжали в Карелию из других регионов для работы на лесозаготовках, был преимущественно крестьянским. В 1925–1926 годах различными организациями Карелии на лесные работы было организованно завезено примерно 12 тыс. рабочих и 3,5 тыс. лошадей. Большинство рабочих завербовали в Череповецкой губернии. К сожалению, точных сведений, сколько фактически приезжих рабочих трудились на территории Карелии в этот период, не имеется в силу того, что многие из них попадали в Карелию, как указано в документах, «самотеком» [12; 34].

У руководства организаций, занимавшихся лесозаготовками, существовали совершенно разные мнения о трудовых навыках приезжей рабочей силы и возможности ее использования в условиях Карелии. Одни утверждали, что приезжие лесорубы, прибывавшие в Карелию в лаптях и на легких санях, являлись совершенно непригодной рабочей силой в условиях сурового северного климата. Администрация других лесозаготовительных предприятий считала, что привозные рабочие полностью соответствовали своему назначению и что приехавшие были «более производительны», чем местное крестьянство, поскольку не отлучались домой на праздники и более интенсивно использовали время своего пребывания на работе [12; 34]. Таким образом, трудовая мотивация у привозной рабочей силы на лесозаготовках была иногда выше, чем у местных крестьян.

Социальная характеристика рабочих лесной промышленности Карелии была бы неполной без упоминания о заключенных лагерей, труд которых с середины 1920-х годов стали использовать на лесозаготовках. В 1925–1926 годах в Кемском уезде на вновь организованной лесозаготовительной дистанции на приобретенных в Финляндии лошадях работали заключенные Управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН). Договор с УСЛОНом был заключен на заготовку 150 000 бревен, причем за весь сезон задания были выполнены на 80 %. Такой результат признавался вполне удовлетворительным [12; 34]. Несмотря на принудительный характер труда заключенных, его продуктивность оказалась, как свидетельствуют документы, весьма высокой. Этому способствовали: строжайшая трудовая и общелагерная дисциплина вместе с надлежащей организацией труда, соответствующим материальным обеспечением и систематическим премированием наиболее отличившихся работников. Главная особенность организации труда на лесозаготовках для заключенных состояла в том, что возвращавшиеся из леса рабочие, в отличие от тех, кто работал на свободе, не должны были сами заботиться о приготовлении пищи, ремонте своей одежды и обуви, приспособлении инструментов, уходе за лошадьми и т. п. Все это должны были делать другие заключенные, которые также занимались отоплением помещений, уборкой, снабжением водой. Выполнившие урок заключенные премировались отдыхом продолжительностью от одной до трех недель [18; 129–130]. Как это ни парадоксально, но при всех суровых условиях лагерной жизни и жестокого принуждения организация труда на лесозаготовках УСЛОНа была наиболее эффективной с точки зрения максимального использования трудового потенциала рабочей силы.

К концу рассматриваемого периода, помимо некоторых изменений в социальном облике ра-

бочих лесной отрасли, наблюдаются и любопытные изменения в направленности их трудовой мотивации, которая, по всей видимости, менялась под влиянием общих тенденций развития новой экономической политики.

Одно из таких изменений было связано с тем, что с осени 1925 года помимо специальных лесопромышленных организаций, многочисленные организации, которым лес был необходим для собственных строительных нужд, стали закупать лесосеки и приступать на них к самостоятельным заготовкам древесины. В результате проведенных в сентябре 1925 года и санкционированных государством торгов на право эксплуатации лесосек получилась «чересполосица» в пользовании лесоэксплуатационными участками между многочисленными организациями. Это не только поставило под угрозу проведение лесозаготовок и лесосплавных работ, но и привело к нечистоплотной конкуренции за рабочую силу. Несмотря на установленные Совещанием лесозаготовителей накануне торгов твердые цены и серьезные взыскания в случае их нарушения, конкурирующие лесозаготовительные организации уже в самом начале лесозаготовок начали поднимать цены на оплату труда лесозаготовителей. Для того чтобы привлечь на собственные лесосеки рабочую силу, которой катастрофически не хватало, они всяческими законными и незаконными путями стремились повысить зарплату рабочих. В результате рабочие зачастую переезжали с места на место, узнавая о новых более выгодных предложениях лесозаготовительных организаций, что в конечном итоге срывало лесозаготовительные работы. Бывало и так, что лесорубы, получив авансы у двух организаций, ехали к третьей, не выполнив работы и получая уже там двойные или тройные проездные и суточные [12; 2, 11, 23, 25]. Таким образом, из-за отсутствия опыта конкурентной борьбы у государственных лесозаготовительных организаций, проблем с обеспеченностью рабочей силой и огромных потребностей в древесине попытка использования материального фактора для стимулирования трудовой мотивации рабочих лесной отрасли оказалась не столь эффективной.

Желание рабочих побольше заработать на лесозаготовках, не подкрепленное четко оформленшейся трудовой моралью, очень часто трансформировалось в стремление достигнуть высокой выработки любой ценой. В частности, об этом говорится в докладной записке ГПУ КАССР о состоянии лесной промышленности республики осенью 1927 года. Одной из главных причин огромных убытков государства на лесосплавных работах, помимо отсутствия должного контроля со стороны администрации лесосплавных дистанций, в ней названо стремление рабочих больше заработать, толкавшее их на некачественную сплотку древесины [13; 14–16].

По постановлению Совета труда и обороны от 12 июля 1929 года «О реорганизации лесного хозяйства и лесной промышленности» основными заготовителями леса стали государственные лесопромышленные предприятия (леспромхозы), подведомственные Высшему совету народного хозяйства союзных республик и их местным органам. Началась эпоха индустриализации, которая серьезным образом повлияла на развитие лесной промышленности и поменяла социальный облик и трудовую мотивацию рабочих. Государство перешло к созданию постоянных кадров рабочих в лесной отрасли, которые долж-

ны были заменить сезонно привлекаемое к лесозаготовкам крестьянство. Элементы материальной мотивации к труду в отрасли окончательно заменяются «трудовым ударничеством», однако при отсутствии нормальных жилищных условий и продовольственного обеспечения оно не могло служить серьезным стимулом для достижения высоких показателей производительности труда.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-01-00631 а/Ф «Народ, разделенный границей».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мотивация труда проявляется в уровне трудовой дисциплины и заинтересованности рабочих в результатах труда. Мотивация труда состоит из двух основных компонентов: дисциплины и элемента творчества. Отношение к труду, как и всякое сложное понятие, включает в себя множество аспектов. Эмпирическими признаками, позволяющими дать ему операционную интерпретацию, могут служить прогулы, опоздания на работу, нарушения трудового договора и правил внутреннего распорядка, неисправная работа, пьянство и воровство на производстве. Американский советолог У. Чейз для российского контекста определил трудовую дисциплину как широкий ряд производственных особенностей и отношений к работе, таких как своевременный приход на работу, добросовестное выполнение своей работы, уважительное отношение к оборудованию, материалам и продуктам труда; выполнение инструкций мастеров и управляющего персонала; минимальное отсутствие на работе.

² Попенные деньги – денежные взносы за разрешенную рубку леса, которые взимались с заготовителей в зависимости от количества срубленных деревьев.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 211.
2. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 266.
3. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 489.
4. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 493.
5. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 494.
6. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 581.
7. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 630.
8. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 632.
9. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 634.
10. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 675.
11. НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 22.
12. НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 25.
13. НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 178.
14. НА РК. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 93.
15. НА РК. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 1/7.
16. НА РК. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 1/22.
17. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. М.: Гос. изд.-во полит. лит., 1957. 625 с.
18. Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 2005. 442 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

19. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 206–218.
20. Макуров В. Г. Лесная промышленность Европейского Севера накануне Великой Отечественной войны // Социально-экономическое развитие Европейского Севера. Сыктывкар, 1987. С. 58.
21. Мирясов А. В. Мотивация труда промышленных рабочих в России в 1920-е годы: некоторые аспекты проблемы (на материалах Пензенской губернии) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001. С. 26–41.
22. Филимончик С. Н. Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 145–156.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ КОНККА

научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН
aleksikonkka@hotmail.com

СООБЩЕНИЕ К. Х. ХОРНБОРГА 1886 ГОДА О САВОЛАКСКИХ ЖЕРТВЕННЫХ РОЩАХ – «КАРСИККО»

В статье анализируется сообщение К. Хорнборга о жертвенных рощах-«карсикко» у саволаксов (Восточная Финляндия) относительно современного состояния знаний о деревьях-карсикко умершего в Финляндии и Карелии.

Ключевые слова: жертвенные рощи, знаки умершего (деревья-карсикко), почитаемые родовые деревья, похоронные обряды

Феномен карсикко (от кар. *karsikko* / *karzikko* – карзать, обрубать ветки) относится к характерным, но малоизученным явлениям культуры прибалтийско-финских народов. Карсикко – это преимущественно хвойное дерево с определенным образом обрезанными ветвями или вершиной или различными вырезанными в стволе знаками – от простого затеса (выровненная топором поверхность) или зарубки до антропоморфного изображения. Дерево-знак использовалось в обрядах перехода – свадебном и похоронном, а также в календарной, рекрутской и промысловый обрядности как ритуальный символ со значениями духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась мирового дерева с функциями берега и медиатора между мирами, маркирующего сакральные границы [3], [4], [5]. Данная статья посвящена одной из форм карсикко – карсикко умершего. В ее основе – развитая традиция карсикко, существовавшая в провинции Саво в Восточной Финляндии еще во второй половине XIX века.

В 1886 году в журнале «*Virittäjä*» была опубликована статья К. Хорнборга о саволакских карсикко, без ссылок на которую не обходится ни одна серьезная работа о финских карсикко. Статья, несомненно, достойна подробного анализа.

«В языческие времена, – пишет Хорнборг, – была у наших предков, у каждого рода, а позднее у каждого дома, священная роща по имени карсикко, в которую жертвовали часть всего того, что в роду или в доме добывали в течение года» [7; 93]. Если кто-либо выделялся из семьи и поселялся отдельно, то одним из первых действий на новом месте был выбор «места для карсикко» и сохранение от порубок небольшой рощицы из хвойных деревьев неподалеку от дома. В этой роще делали карсикко для каждого умершего в доме человека. Как только в рощице появлялось первое карсикко, там начинали приносить жертвы умершим. Жертвы, которые посвящались не конкретному лицу, а всем умершим, были разнообразны. Когда в доме забивали скот, первую чашку приготовленной еды несли в карсикко. Умершие получали и долю ухи, сварен-

ной весной из рыбы первого улова. Осенью, когда убирали урожай зерновых, горсточку зерна от каждого сорта относили на жертвенное место, для умерших отрезали также краюху от первого испеченного хлеба из зерна нового урожая. Если в доме неожиданно появлялось больше обычного денег, то какую-нибудь мелкую монету относили в жертвенную рощу. Умерших предков поминали на все семейные и календарные праздники, относя в карсикко еду и питье, так было и с устраиваемыми после жатвы угощениями, особенно от обрядовой «каши серпа» следовало выделить полагающуюся предкам часть. Со временем, когда жертвоприношения умершим и настоящий смысл карсикко начали забывать, эти деревья стали называть «карсикко», как и особо отмеченные в память о каком-нибудь событии деревья-знаки. Первое изменение выражалось в том, что покойников уже перестали считать членами семьи, а вырубание карсикко делало невозможным их возвращение в дом вместе с несчастьями для его жителей. Второе изменение касалось детей – постепенно отказались от детского карсикко, да и из взрослых свое карсикко теперь делали только старшим – хозяину, хозяине дома и старшему сыну в семье.

Таким образом, под влиянием христианства и просвещения священные рощи саволаксов вырождались и в конечном счете сократились до одного дерева, за которым сохранилось название «карсикко». Невдалеке от дома, как правило, на берегу озера или на обочине дороги, выбиралось дерево – по большей части сосна, у которой обрубались от комля все высохшие ветки. Когда в доме умирал кто-либо из стариков или человек, чтить душу которого считалось необходимым, обрубали нижнюю живую ветку сосны и к корням дерева начинали приносить пожертвования. В дальнейшем по смерти взрослых членов семьи от карсикко каждый раз обрубали по одной ветви. Так образовался новый тип почитаемого дерева – общественное карсикко умерших.

«Когда в наше время делают карсикко, то обрезают ветки от комля на некоторое расстояние вверх и срезают в каком-нибудь месте кору –

другие затесывают, выравнивают место – и вырезают знак собственности (родовой знак) умершего или умерших, годы рождения и смерти, иногда и день смерти» [7; 95]. Автор замечает, что жертвоприношения карсикко уже широко не практикуются, но до последнего времени в Северном Саво и в Карелии их можно было обнаружить. В подтверждение своих слов Хорнборг ссылается на двух «уже отошедших к предкам» стариков, от которых он почерпнул сведения. Более того, уже далеко не всегда делают карсикко из растущего дерева, а вырезают инициалы, годы рождения и смерти на отдельной дощечке, которую могут прибить к стене неотапливаемого помещения в доме, называя эту дощечку «карсикко». Так же называют и какой-нибудь большой камень около дома, на котором выбивают соответствующие знаки.

«Здесь следует назвать и еще одно карсикко, – пишет К. Хорнборг, – которое имеет отношение к почитанию умерших, а именно такое, какое отвозящие мертвого в могилу попутчики делают около дороги или на водных путях на каком-нибудь мысу. Они обрубают ветки у дерева, вырезают в нем соответствующие знаки и выпивают чарку в память об умершем. На таком дереве также оставляют одну ветку, “руку”, которая указывает обычно в сторону церкви. <...> Были ли эти карсикко и обычай жертвоприношений ранее распространены повсеместно – этого я здесь утверждать не берусь» [7; 96–97].

Статья К. Хорнборга получила эмоционально окрашенные отзывы. В 1890-е годы немецкий этнограф Карл Рамм (Karl Ramm) в «Глобусе» подверг резкой критике статью в целом, объявив ее не заслуживающей доверия «до тех пор, пока они (использованные в статье данные. – А. К.) не будут подтверждены другим каким-либо способом, нежели только рассказами удивительного старика, который лучше, чем любой профессор, может своим знанием осветить сумерки отдаленного прошлого» [6; 8]. Собственно, критика К. Рамма указывает на первую (и главную) ошибку автора статьи – выстраивание фактического материала «под свою теорию», когда читатель уже не в состоянии понять, где кончаются «рассказы стариков» и начинаются собственные представления автора о развитии верований и сопровождающих их обрядов. Несмотря на то что, по замечанию К. Хорнборга, он только привел собранные им сведения, в его тексте не всегда можно с уверенностью отделить одно от другого. Помимо этого, автор (сознательно или нет) мог смешивать действительные факты из смежных областей, на что указывает Уно Холмберг в своем исследовании о финских карсикко 1924 года: «...похоже на то, что Хорнборг мог смешать воедино различные виды почитаемых деревьев» [6; 8].

Тем не менее единственный в своем роде текст Хорнборга не был предан забвению, а продолжал

цитироваться во многих работах. Так, У. Холмберг много раз возвращается к нему на страницах своего исследования о финских карсикко. Дело в том, что вопросы и споры вызывает первая часть статьи, где рисуется картина происхождения обычая карсикко и развития его дальнейших форм; что же касается второй части, где присутствует «чистый» материал, в целом подтверждаемый другими источниками, то она сомнению не подвергается. Более того, время показало, что невозможно просто отнести рассуждения К. Хорнборга о происхождении карсикко умершего, так как, несмотря на все новые фактические данные о карсикко, эти новейшие сведения вовсе не давали однозначного ответа на вопрос о верности или неверности его теории. Основных вопросов несколько, мы попытаемся ответить на один из них: могли ли составлять карсикко умерших в прошлом целые рощи, и если так, то почему они превратились в одиночные деревья?

В финском языке слово «карсикко» может означать как окаранное дерево (дерево с обрубленными ветками), так и целый массив леса, где, например, добывается хвоя (то есть рубятся деревья или ветви деревьев) для хозяйственных нужд (в Саво [6; 8], ср. записи автора в Северной Финляндии, например, из Симо: *karsikko* – ‘лесной массив’ или из Куусамо: *karsikko* – ‘участок леса, в котором с деревьев обдирают мох для олений’ [10; 113]). Но и ритуальные деревья-знаки, в данном случае карсикко умерших, могли составлять небольшие рощицы и даже целые рощи, в том числе на территории, где карсикко более всего известны как одиночные деревья. Так, в местечке под названием *Karsikkoranta* («Берег карсикко») в приходе Нурмес (северная часть провинции Северная Карелия) затесы с вырезанными в них годами смерти и инициалами (начиная с 1784 года) были в прибрежной части леса на 17 деревьях [15; 173]. В Китее (юг провинции Северная Карелия) считали, что *karsikko* – это «лес, на стволах деревьев которого в прежние времена делали знаки, когда покойника везли на кладбище» (К. Ј. Karttunen, 1906) [16]. В Саво еще в начале XX века существовали «жертвенные сосняки» (*uhripetäjikkö*) и другие рощи карсикко [17; 69]. В местечке Пюхякангас (приход Саари-ярви, Средняя Финляндия, на границе с Северным Саво) со временем образовался обширный лесной массив – «карсикко», в котором после Второй мировой войны было 23 «дерева мертвых» [17; 70]. Ю. Лаппалайнен говорит о 28 деревьях с затесами и о гораздо большем их количестве в прошлом [12; 383–384]. Известны рощи из «крестовых деревьев» и в Эстонии [18; 32, 56]. В Карелии, начиная с Приладожья и далее на восток, такими «рощаами карсикко» были деревенские кладбища, на которых практически каждый погребенный имел собственный знак на дереве около могилы или при входе на кладбище.

‘Terväh meijät karzikoh vietäh’ («Скоро нас отнесут в карсикко», то есть на кладбище), – говорили карелы в деревне Юргилице Пряжинского района¹. Вероятнее всего, именно кладбищенские рощи с карсикко, особенно с учетом огромной территории их распространения (от Северной Финляндии и норвежского Финмаркена до Урала и Волги), можно считать исходной «территорией», откуда сам феномен карсикко умершего в Финляндии в виде одиночных деревьев или небольших рощ укоренился на приусадебных участках и окружающих церковное кладбище путях.

Само наличие почитаемых рощ у западных финно-угров не вызывает сомнений. Ю. Крон, описывая языческие жертвенные рощи финно-угров, обращается к некоторым имеющимся данным о хииси – средневековым жертвенным рощам, зафиксированным путешественниками в Эстонии и Южной Финляндии [11; 28–32]). По эстонским материалам, хииси были находившиеся на возвышениях огороженные участки земли, поросшие лесом, в которых происходили общественные жертвоприношения нескольких поселений. Кроме того, ими были и почитаемые рощицы около домов, куда относили все начатки: «...горсть колосьев зерновых нового урожая, первый кусок мяса, вырезанный из тела заколотого домашнего животного, первая поварешка бульона или свежего пива» и др., а также лоскуты ткани, из которого начинали выкраивать одежду. Если по какой-то причине это не было соблюдено и в хозяйстве происходило несчастье, то тогда приходилось прибегать к жертвоприношению: в хииси выливали кровь от заколотой курицы или петуха [11; 30]. В наше время исследователи придерживаются мнения, что «хииси» были центрами поселенческих комплексов, в которые входили укрепления, земледельческие площади, собственно поселения и кладбища. Особо почитаемые места погребений также могли называться «хииси». Этимологически данное слово может быть связано с древнегерманским *Hizi* в значении «потусторонний мир» [2].

Исследователь карельской мифологии и обрядности И. Кемппинен предполагает, что карсикко как явление родилось «в очень ранние и примитивные времена» и что имеющие отношение к карсикко обычай и представления отражают древние формы культа умерших [9; 45].

Карсикко возникло, предполагает Кемппинен, таким образом, что человек ранних эпох погребал своих умерших под большими деревьями, как в Приладожской Карелии происходило до последнего времени. Вследствие этого дерева превращались в священные, у них обрезали нижние ветки и под ними умершим приносили жертвы. Позднее под теми же или под ближайшими деревьями хоронили и других умерших своего рода или семьи, и таким образом формировалась священная роща, могильник, где проводили жерт-

воприношения, и которую отделяли от соседнего окружения как некий остров смерти. В Приладожской Карелии, по этнографическим данным, могилу на кладбище старались выкопать под каким-нибудь большим деревом, и у этого дерева обрезали нижние ветви. Под этим же деревом погребали и других членов семьи или рода. Кладбище в старые времена часто находилось на острове, но когда оно было на материке, это было неприкосновенное место среди полей или на краю деревни, выделявшееся своей вековой рощей. Деревья на кладбище обычно никогда не рубили, поэтому карельские кладбища и по сей день представляют собой островки леса. Так выглядят старые кладбища и у других финно-угорских народов. Рощами с большими старыми деревьями были до последнего времени деревенские кладбища в Приладожской, а также в Олонецкой и Беломорской Карелии. Но когда христианская церковь потребовала хоронить умерших в церковной земле (это более всего относится к Финляндии), деревья-знаки и связанные с ними обряды оказались вне церковных кладбищ, переместились на обочину дорог [9; 35–36].

Как видим, Кемппинен, так же как и Хорнборг, говорит о рощах деревьев-карсикко, возникших из «памятных» деревьев родственников, ушедших в иной мир, которые переродились в карсикко умершего «на путях».

Карсикко умершего довольно часто встречалось у домов в Северной и Восточной Финляндии. Однако, по некоторым материалам, при строительстве дома, вырубая лес, могли оставить во дворе дерево, из которого делали «домашнее карсикко», не связанное с умершими. У. Холмберг выделяет его, задаваясь вопросом о том, делали ли у построенного на новом месте дома карсикко по тому же принципу, что и в честь впервые посетившего дом человека, но материала о подобном карсикко явно недостаточно для каких-либо теоретических выводов. Оно скорее было похоже на родовое почитаемое приусадебное дерево, но, по некоторым данным, на «домашнем карсикко» обрубались практически все ветви, не считая самой вершины, чего с почитаемыми родовыми деревьями, как правило, не производилось [6; 68]. Позднее М. Ювас опубликовала некоторые сведения, собранные ею в Северной Финляндии: «В приходе Хаапавеси (провинция Северная Погъямаа) делали “карсикас” (*karsikas*) один раз – тогда, когда закладывали дом» [8; 87]. В Киттиля «когда новое строение заканчивали, то делали карсикко» (*Jouko Paavola, 1931, Kittilä*) [16,]².

Что же касается карсикко умершего «на путях», то на территории Финляндии оно могло стать результатом эволюции других форм карсикко – например, промыслового [3; 87, 88] или карсикко, делавшегося на мысах, на развилках дорог или в лесу на местах стоянок или ночлега (фин. *asentokuusi* или севернорусск. залазь). Подоб-

ные факты объединения других функций карсикко с «деревом умершего» зафиксированы в материалах собирателей С. Паулахарью (Лаппи), П. Виртаранта (Беломорская Карелия) и С. Вальякка (Саво).

Еще одной формой карсикко, возможно, имевшей воздействие на данную эволюцию, были карсикко в Северной Финляндии и Беломорской Карелии на месте внезапной смерти, гибели человека в лесу или на воде [10; 120–122, 128, 130–131], которые по своему виду ничем не отличались от обычного карсикко умершего.

В любом случае предполагаемое превращение кладбищенской по сути жертвенной рощи со множеством деревьев-карсикко в одно-единственное дерево, по нашему мнению, невозможно объяснить лишь воздействием просвещения (по Хорнборгу) или деятельностью служителей церкви (по Кемпинену; более обобщенно говорит об этом Я. Вилкуна, но и он привязывает этот процесс к распространению протестантизма [18; 162]). Данные факторы, несомненно, играли свою роль, но традиция, если она в той или иной форме продолжается, живет по своим законам, и логику изменяющихся представлений прежде всего следует искать в ее собственной мировоззренческой структуре.

Система «дорожных карсикко», которые по разным поводам делались в окружающем человека пространстве, была инструментом освоения окружающего мира, структурировала его, обозначая материальные и мифологические границы. Она создавала условия для включения в нее в нашем случае карсикко умершего, и поэтому в том, что в определенный исторический период какая-то из форм карсикко умершего внутри данной общей структуры получала особое развитие или происходил процесс соединения разных функций с точки зрения совокупной структуры, направленной на освоение пространства, нет ничего неожиданного.

Любой ритуальный символ многозначен, и если рассматривать карсикко умершего в том же Саво не только (и не столько) как инвариант намогильного знака, а как знак обозначения пути, дороги умершего, необходимой вехи для перехода в иной мир, то в происхождении обсуждаемой формы карсикко умершего «на путях» появляется своя логика. В любом случае карсикко около дороги играло существенную роль в процессе постепенного перехода души в потусторонний мир, а связанные с ним представления и обычаи способствуют пониманию того места, которое занимало карсикко в обрядах перехода в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записано Ольгой Огневой от своей матери Людмилы Петровны Вороновой (1947 г. р.), которая услышала эту фразу в 5–6-летнем возрасте (то есть в 1952–1953 годах) от пожилых женщин в деревне Юргилице.

² Типологически сходные примеры вырубания хвойного дерева и установки его посреди сруба при закладке дома приводят по севернорусским и сибирским материалам А. К. Байбурина [1; 74]. Карсикко непосредственно у домов, помимо приведенного Холмбергом примера из деревни Пушкусельга в Олонецкой Карелии (Коткозерская волость), нам приходилось видеть во многих западных и восточных районах Карелии и в сопредельных областях – Мурманской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, а также в Республике Коми. При этом способы обозначения данной формы дерева-знака были самые разнообразные: от затеса или нескольких зарубок на стволе до отрубания у дерева большей части веток (вершина оставалась нетронутой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Наука, 2005. 219 с.
2. Википедия: словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fi.wikipedia.org/wiki/Hiisi>
3. Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. С. 85–112.
4. Конкка А. Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 214–230.
5. Конкка А. П. «Карсикко» в обрядах и представлениях финно-угорского населения Северной Европы // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 32–38.
6. Holmberg U. Suomalaisen karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki: SKS, 1924. S. 7–82.
7. Hornborg K. H. Karsikoista // Virittäjä. Helsinki, 1886. S. 93–97.
8. Juvas M. Lisätietoja karsikoista ja hurrikkaasta // Sanakirjasäätiön Toimituksia 1. Helsinki, 1931. S. 79–89.
9. Kempainen I. Haudantakainen elämä karjalaisen muinaisuskon ja vertailevan uskontotieteen valossa. Karjalan tutkimusseuran julkaisuja 1. Helsinki, 1967. 224 s.
10. Конкка А. Kuusi kultalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista / Kalevalaseuran Vuosikirja 77–78. Helsinki, 1999. С. 112–139.
11. Krohn J. Suomen suvun pakanallinen jumalapalvelus. Helsinki: SKS, 1894. 194 с.
12. Lappalainen J. T. Pyhäkankaan karsikko tänään // Saarijärven kirja. Pieksämäki, 1963. С. 383–392.
13. Perttu P. Väinämöisen venehen jälki. Karjala-kustantamo. Petroskoi, 1978. 240 с.
14. Sarmela M. Suomen perinneatlasis. Suomen kansankulttuurinkartasto kartasto 2 // Atlas of Finnish Ethnic Culture 2. Folklore. SKST 587. Helsinki, 1994. 259 р.
15. Suomen Kuvalehti. 1929. № 39.
16. Suomen murteiden sanakirjan arkisto (SMSA). Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, Helsinki.
17. Valjakka S. Lisiä Savon karsikoihin // Kotiseutu. 1949. № 4. С. 68–71.
18. Vilkkuna J. Suomalaiset vainajien karsikot ja ristipuut / Kansatieteellinen Arkisto 39. Helsinki, 1992. 210 с.

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА КОСТРИГИНА

ассистент кафедры источниковедения истории России исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
ekaterinakostrigina@gmail.com

РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА В СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Статья посвящена изучению реформы 1861 года на Севере России, проводимому в последние десятилетия в Петрозаводском, Санкт-Петербургском и Московском государственных университетах. Основное внимание обращено на применение сложных математико-статистических методов и организацию компьютерных баз данных, включающих документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Национальном архиве Республики Карелия, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: аграрная история, Север России, реформа 1861 года, математические методы в исторических исследованиях, базы данных

Северные губернии европейской части Российской империи – Вологодская, Олонецкая и Вятская – ранее других становились объектом изучения реализации крестьянской реформы 1861 года с использованием методов количественного анализа и технических средств: от применения перфокарт с краевой перфорацией и последующей обработкой их на специальных устройствах до современной электронной техники. Одной из причин такого внимания может служить сравнительно небольшой объем массовых источников (уставных грамот, выкупных актов, дел о переводе крестьян мелкопоместных имений в государственное ведомство и сопутствующих им документов), хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива, областных и республиканских архивов (Национальный архив Республики Карелия, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Государственный архив Вологодской области, Государственный архив Вятской области).

Общее количество массовых источников по этим губерниям в несколько раз меньше, чем, например, в соседних северо-западных губерниях. Это позволило тщательно отработать новые методики, в то время как большие объемы информации, содержащиеся в материалах других внутренних губерний, делали эту задачу слишком трудоемкой. В результате уже в первых исследованиях (в «докомпьютерный» период), посвященных последствиям реформы, удавалось сравнительно быстро и точно обработать ограниченный объем информации и провести достаточно трудоемкие статистические расчеты практически вручную. Такие исследования в полной мере соответствовали актуальной сегодня методологии изучения экономических процессов на «микроуровне», когда анализ проводится с учетом малейших нюансов, содержащихся в источнике.

Кроме того, внимание исследователей к этому региону было обусловлено тем, что крепостное право проявлялось здесь в весьма своеобразных формах и не получило той степени распространения, которая была характерна для соседних губерний. Особыми здесь были и способы ведения помещичьего хозяйства, и степень наделенности крестьян землей, и уровень распространения крестьянских промыслов. Полученные в ходе исследования результаты изучения реформы были полезными как для «отработки» перспективных методик, так и весьма интересными и содержательными с точки зрения изучения северного русского помещичьего землевладения. Вместе с тем выявленные здесь закономерности позволяли лучше понять экономические процессы, происходившие в аграрном секторе хозяйства в соседних внутренних губерниях, прежде всего северо-западных.

Исследования 1940–60-х годов, проведенные А. А. Токаревой, Р. В. Филипповым и А. З. Цинманом, были посвящены подготовке и последствиям реформы на Севере России и затрагивали традиционные для советской историографии сюжеты [11], [12], [13]. В них детально рассматривались вопросы подготовки реформы, особенности классовой борьбы в деревне в предреформенные годы и после освобождения крестьян. Экономические последствия преобразований в деревне изучались отрывочно, на единичных примерах, без систематического использования имеющихся в местных и центральных архивах массовых источников. Исследователями не были получены показатели, характеризующие крестьянское землепользование до и в ходе реформы. К заслугам авторов можно отнести введение в научный оборот значительного по объему фактического материала, в основном описательного характера.

Значительные изменения в историографии вопроса произошли после выхода кандидатской диссертации Л. В. Беловинского [5], [6], ученика выдающегося исследователя реформы, профессора Московского государственного университета П. А. Зайончковского. Работа Беловинского далеко опережала все современные ей исследования методикой изучения реализации реформы.

Во-первых, Беловинским были введены в научный оборот значительные по объему массивы материалов официального делопроизводства. Особое место среди массовых источников занимали уставные грамоты, регламентировавшие взаимоотношения помещиков с крестьянами в 1861–1863 годах, и выкупные акты, составлявшиеся в процессе проведения выкупной операции (1861–1883 годы). Не были оставлены без внимания и сопутствующие им документы, прежде всего докладные записки о выкупе, журналы Губернских по крестьянским делам присутствий, дополнительные соглашения между крестьянами и помещиками, мирские приговоры и т. п. Общий объем изученных Беловинским уставных грамот составил около 2500¹. В основном это копии уставных грамот, хранящиеся в Ф. 577, Главное выкупное учреждение Российского государственного исторического архива (в то время Центрального государственного исторического архива), Оп. 6 – Вологодская губерния (Д. 1–1521), Оп. 9 – Вятская губерния (Д. 1–69), Оп. 24 – Олонецкая губерния (Д. 1–166).

Во-вторых, новаторство работы Беловинского заключается в нетрадиционном подходе к вопросу формализации источника. Известно, что отечественные историки достаточно рано стали заниматься разработкой формуляра уставной грамоты, но сама идея закодировать информацию о ходе реформы на специальных перфокартах с краевой перфорацией принадлежит Беловинскому².

Обычно работа в таких случаях производилась следующим образом. На краях перфокарты с краевой перфорацией с помощью простого приспособления в строго определенном месте делались специальные просечки, соответствующие тому или иному признаку. Так, например, просечка на одной из сторон перфокарты в определенной позиции может означать, что имение барщинное, в рядом стоящей позиции – имение оброчное и т. п. Просечки в других позициях, например на другом краю карты, могут давать информацию о размере имения, величине наделов и платежей и т. д. После такой подготовки перфокарты помещались в ящик с отверстиями. С помощью приспособлений, вставляемых в отверстия, их можно было рассортировать и сгруппировать по закодированным признакам. Например, выделить из их массы оброчные имения, которые потом можно было вновь сгруппировать по размерам и т. д. Таким образом, достига-

лась многомерная группировка, снижалась трудоемкость и вероятность ошибки³. С помощью этого приспособления Беловинский выделил группировки имений по размерам (до 20 душ, от 21 до 50 душ, от 51 до 100 душ, от 100 до 200 душ и т. д.)⁴, по формам эксплуатации (причем учитывались 7 различных сочетаний этих форм), величине отрезки и прирезки, размерам наделов крестьян.

Цель этих многочисленных группировок состояла в том, чтобы установить наличие связей между размерами имений, формой повинности, величинами оброка и наделов. Причем автор считал, что традиционные методы организации статистического материала (построение таблиц и графическая интерпретация) не могут дать полного представления о наличии или отсутствии связей и степени их интенсивности. Выход, по его мнению, мог бы быть найден в том случае, если бы удалось применить методы корреляционного анализа. Известно, что нахождение коэффициентов корреляции вручную является весьма трудоемкой вычислительной операцией. Вместе с тем первое приближение может быть получено путем расчета «эмпирических корреляционных отношений». В некоторых случаях, когда объем информации был небольшим, Л. В. Беловинский в качестве дополнения к расчетам эмпирических корреляционных отношений и построенным таблицам рассчитывал также «в виде опыта» и коэффициенты корреляции.

Эта тщательно спланированная статистическая работа, к сожалению, дала сбои по объективным причинам, связанным с весьма ограниченным объемом рассматриваемого материала (подробнее см. [10]). Тем не менее работа Беловинского стала важным ориентиром в исследованиях результатов реформы на Европейском Севере России.

В эти же годы историки Ленинградского университета вели работу по изучению экономических последствий реформы на Северо-Западе России (в Новгородской, Санкт-Петербургской и Псковской губерниях)⁵.

Эти исследования позволили сформулировать задачу сравнения результатов проведения реформы 1861 года в Олонецкой, Вологодской и в соседних Санкт-Петербургской и Новгородской губерниях. Особенностью этих работ стало широкое применение электронных вычислительных машин, что было практически первым успешным опытом в отечественной историографии реформы.

В 1989 году была опубликована статья С. Г. Кащенко, где впервые были обозначены задачи формализации информации в свете появления новых компьютерных технологий. В это время еще не существовало простых и доступных для историка «Систем управления базами данных» [7]. В статье подробно, в рамках существовавшей в то время «идеологии» создания реляционных

баз данных рассматривались вопросы формализации кодирования информации, которую необходимо было производить перед вводом ее в ЭВМ. Эта работа преследовала две практические цели: привлечь исследователей к использованию новых технологий и дать пример реализации этой задачи.

Через некоторое время была сделана и первая попытка обработать материалы реформы в Олонецкой губернии с применением электронно-цифровых вычислительных машин. Она была предпринята в 1990 году на историческом факультете ЛГУ ученицей профессора С. Г. Кащенко, тогда еще студенткой Е. В. Лебедевой, выступившей на научной конференции в Петрозаводске и опубликовавшей впоследствии материалы этого выступления в виде небольшой статьи «Изменение наделов и платежей крепостных крестьян Вытегорского уезда Олонецкой губернии в ходе реформы 1861 г.» [10]. Е. В. Лебедева выбрала в качестве источников базы материалы выкупной операции по Вытегорскому уезду Олонецкой губернии, одному из нескольких уездов, где было помещичье землевладение. Автором были составлены ряды распределений крестьянских наделов до и после реформы, сделаны выводы о различной степени дифференциации этих наделов у разных категорий крестьян.

Петербургские исследователи вновь вернулись к идеи изучения результатов реформы в Олонецкой губернии с применением компьютерных технологий в начале 2000-х годов. Новой работой, посвященной реформе в северной Олонецкой губернии, стало диссертационное исследование А. Н. Апонасенко, носившее ярко выраженный источниковый характер [1], [2], [3], [4].

Перед автором стояла исключительно сложная задача восстановления информации, содержащейся в ряде разделов выкупных документов, которая была представлена там весьма неточно и приблизительно. Эта задача была успешно решена Апонасенко на сравнительно небольшом массиве документов.

А. Н. Апонасенко создала небольшую, но хорошо структурированную компьютерную базу данных, сведения которой были тщательно выверены по документам, хранящимся в РГИА, РГАДА, ЦГИА СПб и НА РК, и провела на ее основании ряд статистических расчетов.

Подобная задача видится чрезвычайно актуальной и для других северных губерний. Наиболее перспективной она выглядит для Вологодской губернии. Отличием вологодских документов является то, что здесь информация сохранилась в гораздо более значительном объеме по сравнению с Олонецкой губернией, поэтому восстановление информации в уставных грамотах и выкупных актах может быть более достоверно осуществлено с помощью выборочного метода, широко применяющегося сегодня практически

во всех гуманитарных исследованиях. При этом традиционный метод поиска новых документов в центральных и региональных архивах продолжает играть важную роль.

Если небольшие массивы «олонецких» документов можно рассматривать как «малую» выборку, для работы с которой следует применять достаточно тонкий специальный статистический аппарат (при этом результаты отличаются большими погрешностями), то сотни отложившихся в центральных и местных архивах выкупных дел по Вологодской губернии позволяют набрать такую значительную по объему «критическую массу» информации, которая позволяет получать гораздо более точные результаты. По-видимому, на сегодняшний день это можно считать первоочередной задачей.

Данные Вологодской губернии позволяют в полной мере произвести построение интервальных вариационных рядов, описывающих крестьянские наделы и платежи до и после реформы, и таким образом получить представление об их трансформации в ходе реформы. Можно также рассчитать вместо эмпирических вариационных рядов так наываемые функции распределения, что позволит эффективно сравнить ситуацию с рядом уже обработанных материалов соседних губерний. Описания структур с помощью функций распределения поможет построить математическую модель трансформации крестьянских наделов и платежей. Для таких объемов информации в полной мере можно реализовать те идеи Л. В. Беловинского, которые были связаны с применением корреляционного анализа: произвести расчеты коэффициентов корреляции и уравнений регрессии и тем самым получить информацию о связях между размерами имений, формой эксплуатации, размерами наделов и платежей, их отрезками и прирезками.

Учитывая стремительное развитие современных информационных технологий, изучение материалов Вологодской губернии можно провести с применением самых современных баз данных, что сделает исследование еще более универсальным. Также можно применить на документах северных губерний методы многомерного статистического анализа, в частности кластерного анализа, что позволит при совместном изучении материала на уездном уровне выделить сходные в социально-экономическом отношении зоны, в которых реализация отмены крепостного права происходила по сходным сценариям.

В перспективе исследования видится возможность (в силу сходных методик изучения) завершения работы по изучению реформы на Севере и Северо-Западе России, сравнительного анализа двух обширных соседних регионов.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-01-0063а/F.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гораздо меньше внимания автор уделил информации, хранящейся в областных архивах, где можно найти подлинники документов. Так, например, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранятся дела Лодейнопольского уезда, территории которого в середине XIX века входила в состав Олонецкой губернии. Не менее интересны документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия, Государственном архиве Вологодской области. Следует отметить, что Л. В. Беловинский использовал несколько десятков дел, хранившихся в Государственном архиве Кировской области (Ф. 576. Оп. 21).
- ² В российских статистических исследованиях конца XIX века в чем-то похожая задача была поставлена при проведении Первой всероссийской переписи населения 1897 года. Несколько ранее, во время переписи населения в США (1890), были применены перфокарты, обработка которых должна была быть произведена на специальных счетных машинах-табуляторах, разработанных известным изобретателем Германом Холлеритом. Партия машин Холлерита была закуплена Россией.
- ³ Подобные приспособления можно было купить в специализированных канцелярских магазинах еще в 1980-е годы.
- ⁴ Необходимо отметить, что эти интервалы были неравными, что заранее должно было вынудить автора к сравнению так называемых «плотностей распределения».
- ⁵ Итоги этой работы приведены в новейшей монографии С. Г. Кашенко [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А п о н а с е н к о А. Н. К вопросу о ходе межевания помещичьих земель в процессе проведения реформы 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2001.
2. А п о н а с е н к о А. Н. Массовые источники по истории реализации реформы 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания», посвящ. памяти Василия Васильевича Крестинина (1729–1795), Архангельск, 19–23 июня 2001 г. Архангельск: Ин-т экологических проблем Севера УрО РАН, 2002.
3. А п о н а с е н к о А. Н. Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии. Результаты обработки компьютерной базы данных // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. Июнь. № 30.
4. А п о н а с е н к о А. Н. Реформа 19 февраля 1861 г. в Олонецкой губернии: Опыт компьютерной обработки массовых источников: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
5. Б е л о в и н с к и й Л. В. Наделы и повинности бывших крепостных крестьян в Вологодской, Вятской, Олонецкой губерниях накануне и после реформы 1861 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.
6. Б е л о в и н с к и й Л. В. Наделы и повинности помещичьих крестьян Вятской губернии по реформе 19 февраля 1861 г. // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР: Материалы межвуз. науч. конф. 14–16 января 1970 г. Смоленск, 1972.
7. К а ш е н к о С. Г. Массовые источники по истории аграрных реформ 60-х годов XIX века в Олонецкой губернии (к вопросу о создании компьютерных баз данных) // Вопросы истории Европейского Севера (Историография и источниковедение): Межвуз. сб. Петрозаводск: ПГУ, 1989.
8. К а ш е н к о С. Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России: экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 552 с.
9. К а ш е н к о С. Г. Реформа 19 февраля 1861 г. на Севере России в работах Л. В. Беловинского. Новые методы исследования в 1970-х гг. // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб.: Изд-во ОАО ВНИИГ им. Б. Е. Введенцева, 2003. Вып. 3.
10. Л е б е д е в а Е. В. Изменение наделов и платежей крепостных крестьян Вытегорского уезда Олонецкой губернии в ходе реформы 1861 г. // Европейский Север: История и современность: Тез. докл. всероссийской науч. конф. Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1990.
11. Т о к а р е в а А. А. Крестьянская реформа 1861 г. в Вятской губернии. Киров: Кировское областное изд-во, 1941. 75 с.
12. Ф и л и п п о в Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Госиздат КССР, 1961. 224 с.
13. Ц и н м а н А. З. Подготовка отмены крепостного права в Вологодской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953.

ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА СУЛЕЙМАНОВА

аспирант Центра гуманитарных проблем Баренц-региона,
Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
sul-olesya@yandex.ru

БАГАЖ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
(к вопросу о жизни вещей в культуре)

В статье рассматривается отношение к вещам на материалах текстов о переезде. Материалом для исследования послужили интервью с переселенцами, а также мемуарная и региональная литература. Истории переезда помогают выявить значения вещей и их роль в процессе адаптации переселенцев в разные исторические периоды.

Ключевые слова: миграция, вещи, багаж, адаптация, ценность

ПРОБЛЕМАТИКА И МАТЕРИАЛ

В настоящее время абсолютное большинство населения Кольского Севера составляют переселенцы, их дети и внуки. В 1920–30-е годы новоселы прибывали на эту территорию чаще в силу непреодолимых обстоятельств (прежде всего спецпереселений). В послевоенные годы и вплоть до конца 1980-х годов сюда ехали добровольно, что не исключает вынуждающих факторов, но предполагает личный выбор. В конце XX века в регион стали прибывать вынужденные этнические мигранты из стран бывшего СССР. Различным аспектам миграционных процессов на Кольском Севере посвящены работы А. А. Киселева, В. В. Доброда, И. А. Разумовой, Е. И. Михайлова, О. В. Змеевой и др. [5], [6], [2], [10], [9], [3], [4].

Нас интересуют историко-культурные аспекты переселений, связанные с миграционным поведением и практикой переезда конкретных людей и семей в конкретных обстоятельствах, позволяющие осмысливать исторический опыт миграций в многообразии его форм. Малоизученными остаются, в частности, вопросы о предметно-материальной стороне переезда. Мы обратились к биографическому опыту тех, кто в советский и постсоветский периоды переселялся на Кольский полуостров. Материалом послужили интервью с жителями городов Мурманской области. Это тексты семейно-биографических и автобиографических интервью. Из числа опрошенных были как прибывшие на Кольский Север из других областей России, так и из стран бывшего СССР (Таджикистана, Украины, Узбекистана, Казахстана, Грузии). Нarrативные и полуформализованные интервью о переезде на Север были собраны в 2005 году Э. А. Зверевой и в 2009–2011 годах нами, всего 150. Временные рамки полученного «миграционного текста» (обоснование понятия см. в [10]) включают период с 1930-х годов до настоящего времени. Кроме того, мы обращались к мемуарной и региональной краеведческой литературе, если она содержала сведения по данной теме.

СБОР БАГАЖА

По историям переезда можно выделить несколько основных сюжетных линий, связанных с вещами, которые люди не хотели или не могли перевозить. Такие вещи дарили друзьям и знакомым, продавали, выбрасывали. Если в критических ситуациях не было возможности заниматься продажей, то вещи, чтобы не достались мародерам, чаще всего прятали (закапывали). Такое поведение в отношении вещей было характерно для вынужденных переселенцев. В результате принудительных переселений с марта 1930 по январь 1935 года на Кольский полуостров прибыли тысячи людей с Украины, Белоруссии, Карелии, из Саратовской, Калининской, Челябинской, Астраханской, Куйбышевской, Ленинградской областей. Прибывали они эшелонами, имея при себе наскоро собранные пожитки [7; 57–58]. Спецпереселенцам разрешалось взять с собой самое необходимое из одежды и продукты в дорогу. Ценное старались спрятать: «...тайком, чтобы не отобрали, удалось спрятать в тряпье головку от ножной швейной машины “Зингер”. Стол с приводом и чугунной станиной завернули во что-то и закопали в сарае с глаз долой, чтобы не хватались жадные до чужого, увидев станок без головки» [14; 18–19].

В первую очередь с собой брали вещи, которые могли бы помочь выжить в экстремальных условиях Крайнего Севера: теплую одежду, обувь. В мемуарах спецпереселенцев неоднократно упоминается о том, что забирали с собой швейную машинку (или головку от швейной машинки). На вывоз требовалось специальное разрешение: «...только швейную машинку разрешили взять с собой» [13; 18]; «Вещей никаких родителям не дали взять, кроме чего на себе и смены белья, одеял, сшитых из лоскутков, и простую швейную машинку» [8; 231]. В предвоенные и военные годы это был бытовой предмет самой высокой ценности. Наличие его в доме говорило о достатке и благополучии семьи.

Утрата части вещей при переезде, как правило, не просто констатируется информантами, но

выражается эмоционально. Даже если вещи были относительно выгодно проданы за деньги, обмен не воспринимается как эквивалентный. Отказ от нажитых вещей в большей или меньшей степени переживается как потеря – материальная и духовная. Особенно тяжело переживают потерю те переселенцы, которым пришлось в экстренном порядке бросать все имущество.

В случаях и вынужденного, и добровольного переезда поведение в отношении вещей варьирует. Одни пытаются спасти вещи, ценные в материальном плане, другие – имеющие только символическую ценность. Показателен рассказ одной из информантов о своей матери-беженке, которая пострадала в результате грузино-абхазского конфликта: «Она с собой привезла два тяжеленных утюга, старые боты, в которых она считала, что ей будет удобно ходить. <...> Она привезла именно альбом вот сам толстенный такой... С открытками, которые мы, когда были маленькие, я и мой брат, собирали. <...> Но в доме еще, например, от прабабушки... оставались какие-то вещи. Например, были серебряные рюмки Фаберже! Это она оставила!»* (Информант 1, далее – И.). Налицо различия в отношении к вещам, связанные с семейными ролями и принадлежностью к поколению. Ретроспективно оценивая поведение матери, дочь исходит из «здравого смысла», который основывается на экономической и общекультурной ценности вещей. Этот смысл противоречит поведению матери, отбравшей в ситуации эмоционального напряжения: 1) то, что удобно в пути, 2) что в свое время и с ее точки зрения представлялось очень важным предметом быта, 3) что составляет для большинства матерей первостепенную символическую ценность.

Две группы факторов влияют на сбор багажа: объективные (обстоятельства переезда) и субъективные (индивидуальные установки). В случае экстренного переселения основное значение имеют внешние факторы. Однако и здесь важна роль личностных решений. Даже при ограниченном времени и выборе приходится определяться с тем, что считать «минимумом» вещей. Наряду с возрастом, материальным положением, составом переезжающих это еще и мотивы переселения, установка на временное или постоянное проживание на территории прибытия, представления о жизни на новом месте и др.

На сбор вещей влияет возраст переезжающих. Представители молодежи, как правило, почти ничего с собой не берут, кроме техники и лично значимых вещей. Молодежь, по собственным и сторонним оценкам, «стремится к минимализму», «легко расстается с вещами», «ориентируется на моду», «не держится за вещи». Вместе с тем абсолютное большинство добровольных переселенцев независимо от возраста и индивидуального отношения к вещам стремились со-

хранить при себе предметы, которые относили к семейным реликвиям. В особенности это касается фотографий и семейных альбомов. Это само собой разумеющийся факт, который многие подтверждали лишь в ответ на уточняющий вопрос («конечно», «а как же», «в первую очередь», «обязательно»).

Стереотип, что старшее поколение бережнее относится к вещам, чем молодое, далеко не всегда оправдывается. Информант перевезла с родины предков старый диван, поскольку ее мать захотела его выбросить. Родственники информанта воспринимали диван как устаревший предмет мебели, а для нее он имел смысл исключительно как память об отчим доме, семье, дедушке: «Мне жалко было, что этот диван перестанет существовать» (И. 2). Информант настойчиво подчеркивала, что диван перевозился не из каких-то практических соображений, что он старый, потерявший свой вид и т. д.

ТРАНСПОРТИРОВКА ВЕЩЕЙ

Добровольные переселенцы использовали разные тактики транспортировки вещей. Одни перевозили все сразу, другие постепенно. Если на территории выезда оставался доступный для периодических возвращений родной (родительский) дом, перемещение вещей из него может продолжаться в течение всей жизни мигрантов. Если возвращение невозможно, есть лишь один шанс для того, чтобы собрать багаж. Варианты второго сценария различаются исходной ситуацией: 1) семья уезжает в полном составе, навсегда, далеко и продает дом; 2) один или несколько членов семьи переселяются вследствие острого семейного конфликта, не рассчитывая на его разрешение в будущем; 3) семья покидает родные места именно потому, что дом и имущество утрачены; 4) эмиграция по политическим или этническим мотивам без надежды на возвращение и др. (при расширении текстовой базы список значительно увеличится).

У переселенцев, которые переезжали («сбегали») из деревни в экономически неблагоприятные годы, легкость багажа могла быть связана с материальной нуждой. Багаж уменьшался в процессе транспортировки: «Когда в Кандалакшу приехали, у нас уже ничего не было, у меня были валенки, мне еще покупали в то время, я говорила, что не дам я валенки продать, а потом думаю, что, ну ладно, детей надо ведь было кормить, и пошли мы, и продали валенки за буханку хлеба» (И. 3).

Одиночки в основном ехали налегке, только с личными вещами: «Ну и приехали – с одним чемоданом и подушкой с одеялом. <...> Сначала, как и все, думали, что приехали на пару лет, да так и остались» (И. 4).

Естественно, что в разные периоды и комплект необходимых личных вещей, и представле-

ния о самом необходимом различны. Современные молодые информанты утверждают, что, переезжая, обязательно возьмут с собой ноутбук и мобильный телефон: «То, что помогает быть на связи и хранит информацию» (И. 5). Они же заявляют, что в экстремальной ситуации боятся спасать именно эти вещи.

Транзит вещей находится в прямой зависимости от транспортных возможностей и способа переезда. То и другое определяется наряду с типом миграции (спецпереселенцев вывозили за казенный счет) особенностями мест выезда и прибытия (отдаленная деревня, город с транспортным узлом или без него и пр.), расстоянием, состоянием транспортных путей и инфраструктурой, материальными возможностями переселенцев, наконец, традицией. В беседах с информантами возникла тема, связанная с использованием контейнеров – самой распространенной формы транспортировки крупного багажа. Выяснилось, что к этому способу люди относятся противоречиво. С одной стороны, доставка «от подъезда до подъезда» избавляет от многих хлопот. С другой стороны, у переселенцев есть негативные примеры и связанные с ними стереотипы. Многие исходят из опыта знакомых, которые рассказывали, что вещи, перевозившиеся в контейнере, превратились в груду разбитого мусора. Особый случай – переезд из другой страны. Невозможность привезти вещи мигранты в ряде случаев объясняли тем, что было трудно доставить их через несколько государственных границ: «Нет. Ничего не забирали. Это накладно везти все, контейнер заказывать. Проще было здесь все купить. <...> И все равно довести что-либо не получилось бы. Все было бы разбито» (И. 6). Транспортировка контейнером требует от самого заказчика услуги некоторых знаний (как и любая другая транспортировка). Они касаются того, какие вещи можно перевозить этим способом, а какие нет, как упаковывать определенные предметы, в каком порядке устанавливать их в контейнере и пр.

Если контейнер является самой распространенной формой транспортировки крупного багажа, то чемодан представляет емкость, в которую помещается минимум вещей. Можно сказать, что объем вместилища для багажа является мерой «вещного» поведения. Объем вещей, с которым переезжает индивид (три контейнера или всего один чемодан), характеризует его отношение к вещам, семейный статус, материальное благосостояние.

Решение оставить вещи из-за неудобств транспортировки для большинства советских и российских граждан, особенно заставших эпоху дефицита, – большая роскошь. Переноска тяжестей была в высшей степени привычна для них – почти без различия пола и возраста. Вместе с тем утверждения информантов о том, что по приезде

на Север «проще было все купить», свидетельствуют о стереотипе Севера как территории вне зоны материального неблагополучия и дефицита, который утвердился достаточно быстро и в известной мере подтверждался на практике.

ВЕЩИ НА НОВОМ МЕСТЕ

Адаптация на новом месте происходит постепенно и связана с социальными, экономическими, природно-климатическими особенностями территории. В этой связи важна роль вещей. Так, наличие ценных в материальном отношении вещей дает переселенцам основание чувствовать себя более или менее экономически защищенными, а наличие теплой одежды позволяет достичь физического комфорта в условиях Крайнего Севера.

Везли люди вещи или нет, по мере адаптации, увеличения семьи они обрастили новыми вещами. Предметы приобретались по степени необходимости: сначала самое нужное (кровать, стол, холодильник), а затем все остальное (для уюта, эстетики). Молодежь легче адаптируется на новом месте. Она лабильнее и менее привязана к вещам, чем к увлечениям: «Это было очень смешно! <...> Был матрас, и он стоял на кирпичах вместо ножек. А первое, что мы купили, – это был магнитофон» (И. 1).

Конечно, представители молодежи различаются. Одна из информантов перевезла с собой практически все свои вещи из родительского дома, включая безделушки, несмотря на то что переезжала из Узбекистана и транспортировка вещей была проблемой: «Я даже оттуда все свои тетради с первого класса привезла. <...> Все равно это как-то часть моей жизни было. И не нужно уже, а с другой стороны смотришь, думаешь, все равно, все равно память есть память» (И. 7). В подобных случаях вещи воспринимаются как неотъемлемая часть себя, своей биографии и жизни в родительском доме. Для успешной адаптации надо, чтобы «свое» было при себе. Фактически при переезде выделяется собственная «доля» из совокупности семейных вещей. Ритуальную параллель представляет перераспределение «доли» в обрядах жизненного цикла человека с целью стабилизации кризисной ситуации, обеспечения благополучного перехода [1], [12].

Люди среднего и пожилого возраста тем более воспринимают вещи как часть своей биографии. Наживание имущества – это важная линия прожитой жизни: как зарабатывалось, как доставалось и т. п.

Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками в отношении вещей: «Я до переезда сюда никогда шапок не носил. Вообще не знал, что такое носить шапку» (И. 6). Некоторые переселенцы не имели ясного представления о северном климате и попадали впросак. «Мы приехали, и тут очень рано выпал снег. У меня были босоножки, я ходила в босо-

ножках. Даже холодно не было, но я стеснялась» (И. 8). Чем южнее регион выезда, тем большее значение для переселенцев имели климатические различия, тем более экзотичным оказывался Север. Очевидно, поэтому в рассказах существует мотив несоответствия взятых с собой предметов одежды и обуви условиям жизни на территории прибытия.

Особый случай – переезд из «инонациональных» регионов представителей этнических культур. Некоторые из них выборочно привезли с собой национальные вещи. Посуда для приготовления пищи относится к предметам первой необходимости, и ее использование на новом месте можно считать элементом бытовой адаптации: «Мы привезли с собой казан и мантушницу. <...> Потом узнали, что и здесь можно было их приобрести, но ведь отец боялся, что мы здесь ку-

пить не сможем» (И. 6). Этническим мигрантам нередко приходится полностью отказаться от национальной одежды. Одни не смогли привезти ее в силу обстоятельств; другим жалко было ее носить, так как предмет в одном экземпляре; кому-то стыдно (обычно молодым): «...здесь не поймут, если я буду одевать эту тюбетейку. <...> Память. Буду детям, внукам показывать. Пусть знают, что у них отец мусульманин» (И. 6). Таким образом, национальные вещи могут переходить в разряд хранимых экспонатов.

Часть вещей, оставаясь в старой (прошлой) жизни, либо предается забвению, более не существует, либо приобретает новое бытие. Оно может быть как виртуальным – в памяти или в ином, оставленном, пространстве, так и реальным – с новыми значениями и статусом реликвии, дополнительным или единственным.

ПРИМЕЧАНИЕ

*Все цитируемые материалы находятся в секторе исторической и социальной антропологии ЦГП КНЦ РАН (биографический фонд – на этапе систематизации), а также в личных архивах И. А. Разумовой и О. А. Сулеймановой.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

1. Женщина, 1945 г. р., высшее образование, уроженка г. Владивостока, с 1971 года проживает в г. Апатиты.
2. Женщина, 1964 г. р., высшее образование, уроженка г. Петрозаводска, с 1966 года проживает в г. Апатиты.
3. Женщина, 1947 г. р., уроженка Вологодской области, с 1963 года проживает в Мурманской области.
4. Женщина, 1962 г. р., уроженка г. Ржева Тверской области, проживает в г. Снежногорске.
5. Женщина, 1986 г. р., высшее образование, уроженка г. Петрозаводска, с 1987 года проживает в г. Апатиты.
6. Мужчина, 1977 г. р., среднее профессиональное образование, уроженец г. Душанбе (Таджикистан), с 2003 года проживает в г. Апатиты.
7. Женщина, 1985 г. р., высшее образование, уроженка г. Бикобад (Узбекистан), с 2003 года проживает в г. Апатиты.
8. Женщина, 1931 г. р., высшее образование, уроженка г. Семипалатинска (Казахстан), с 1955 года проживает в г. Кировске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dobre.ru/book/baburin/baybug.htm>
2. Добров В. В. Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1967. 72 с.
3. Змеева О. В. Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: Сб. ст. / Под ред. П. В. Федорова, Ю. П. Бардилевой, Е. И. Михайлова. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 50–54.
4. Измоденова Н. Н. Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / Под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты, 2008. С. 60–68.
5. Киселев А. А. Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1974. 512 с.
6. Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.
7. Куруч О. Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибиногорска (1930–1932) (по фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С. М. Кирова) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 7-й Межвуз. науч. конф. ПетроЖГУ, 2009. С. 57–60.
8. Куруч О. Е. Санитарно-бытовые условия жизни строителей г. Хибиногорска в 1930–1931 гг. по фондовым материалам Историко-краеведческого музея с мемориалом С. М. Кирова // VI Ушаковские чтения: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2010. С. 231–234.
9. Михайлов Е. И. Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: Дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2004.
10. Разумова И. А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 5–21.
11. Разумова И. А. «Север» – категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова: Сб. ст. / Под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 5–14.
12. Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990. С. 54–63.
13. Спецпереселенцы в Хибинах / Хибинское общество «Мемориал». Апатиты, 1997. 222 с.
14. Тимофеев В. Г. История одной семьи: Повесть. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2004. 170 с.

Ноябрь, № 7. Т. 1

История

2011

УДК 581.9(2685)«18»

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВА

младший научный сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений, Санкт-Петербургский институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
telauan@rambler.ru

НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Работа посвящена истории исследований Крайнего Севера и Белого моря в первой половине XIX века. В статье на документальном материале исследованы наиболее значимые экспедиции, совершенные Императорской академией наук и внесшие большой вклад в изучение природы Заполярья.

Ключевые слова: Академия наук, экспедиции, Крайний Север, Белое море

В первой половине XIX века в Российской империи увеличивается число научных организаций, появилась разветвленная сеть университетов. При этом Санкт-Петербургская академия наук не потеряла своих лидирующих позиций, в частности, в формировании новых научных концепций. Сохранив свои исследовательские функции, она вместе с тем стала координирующей и зачастую направляющей организацией для других научных подразделений, отдельных ведомств, комитетов и частных лиц.

В исследуемый период естественно-научное направление в экспедициях значительно превалировало над гуманитарным. Они позволяли определить возможности дальнейшего хозяйственного использования исследуемых территорий (пушнина, полезные ископаемые, сельское хозяйство), составить карты (уточнение границ), улучшить приборы и методы. Кроме того, специалистов по естественным наукам было больше.

Тема экспедиций достаточно широко освещена в отечественной историографии. Вопросам организации и проведения экспедиций посвящено исследование Д. А. Шириной [23]. Общий обзор экспедиций дается в работах В. Ф. Гнучевой [10], Д. М. Лебедева, В. А. Есакова [13], И. П. Магидовича, В. И. Магидовича [15]. Большую работу по изучению жизни и деятельности К. М. Бэра провел эстонский ученый Эрки Таммиксаар [22], [24], исследовавший различные аспекты научной и экспедиционной жизни К. М. Бэра. История изучения Новой Земли также приводится в работе В. С. Корякина [12]. В ней рассмотрена деятельность К. М. Бэра как одного из первых исследователей этого отдаленного архипелага. Настоящая статья написана на основе архивных документов фонда Министерства народного просвещения РГИА (Российский государственный исторический архив; Ф. 733. Оп. 12, 13) и СПБА РАН (Санкт-Петербургский архив Российской Академии наук; Ф. 1. Оп. 1–2). Отчеты и другая информация об экспедициях находили свое отражение в периодических изданиях Академии наук и Минис-

терства народного просвещения, таких как «Записки Императорской академии наук», «Журнал Министерства народного просвещения» и ежегодные «Отчеты Санкт-Петербургской Академии наук» и «Отчеты Императорской Академии наук».

Основной целью данной статьи является описание и анализ начальных этапов комплексного натуралистического изучения Крайнего Севера как уникального природного региона.

Исследование Крайнего Севера имело для Российской империи первостепенное значение, так как большая часть страны лежала в зоне рискованного земледелия или же в зоне, где земледелие практически невозможно из-за суровых природных условий. Изучение этих территорий могло помочь определить их хозяйственное применение в дальнейшем, например в плане добычи полезных ископаемых, а также в пушном промысле. В то же время эти места были также мало изучены по части населения, фауны и флоры. Вплоть до экспедиции А. Ф. Миддендорфа в Сибирь (1842–1845) многие ученые как в России, так и за ее пределами сомневались в возможности существования вечной мерзлоты. Кроме этого, не были точно определены северные границы распространения древесных растений. В ходе последующих изысканий были обнаружены такие природные феномены, как оазисы тайги в глухой тундре (экспедиция А. Ф. Миддендорфа). В среде ботаников того времени возник вопрос по поводу того, являются ли изменения растений следствием сурового климата или же карликовые деревья представляют собой особый вид. Дальнейшие экспедиции позволили внести ясность в решение этой и других проблем. Экспедиции становятся важным этапом в развитии и освоении Крайнего Севера.

Изучение региона Белого моря в первой половине XIX веках Академией наук неразрывно связано с именем академика К. М. Бэра, одного из крупнейших специалистов в области зоологии того времени.

В начале 1837 года К. М. Бэр у стало известно о попытках капитан-лейтенанта, гидрографа и астронома М. Ф. Рейнеке добиться разрешения на снаряжение экспедиции для описания Новой Земли. Начальник Морского штаба А. С. Меншиков отложил отправление экспедиции. После его отказа К. М. Бэр и Ф. Ф. Брандт через Академию наук обратились с письмом к министру народного просвещения С. С. Уварову [2]. В своем послании они настаивали на необходимости исследования Новой Земли в зоологическом и ботаническом отношении, приводя в качестве аргумента то, что Гренландия, Шпицберген и другие северные территории зарубежных стран достаточно полно изучены и только северное побережье России совсем еще не обследовано [17]. К. М. Бэр также представил С. С. Уварову свое мнение о кандидате на должность командира исследовательского судна. Им должен был стать А. К. Циволько (прапорщик Корпуса флотских штурманов), совершивший плавание с П. К. Пахтусовым (гидрограф, русский мореплаватель) для описания Новой Земли в 1836 году.

13 марта 1837 года министр народного просвещения С. С. Уваров обратился к начальнику Морского штаба А. С. Меншикову с просьбой дать разрешение прапорщику А. К. Циволько принять на себя командование шхуной «Кротов» и заведование снаряжаемой от Академии ученой экспедицией [17]. Все предполагаемые издержки Академия брала на себя. А. С. Меншиков изъявил согласие на отправление этой экспедиции, и С. С. Уваров приказал подготовить подробный план путешествия и составить смету расходов. Общие затраты на экспедицию по смете, утвержденной министром народного просвещения, составили 9385 рублей.

Ввиду особой значимости этой экспедиции от Н. И. Огарева, военного губернатора Архангельской губернии, к которой была приписана и Новая Земля, К. М. Бэр было предоставлено открытое письмо, согласно которому «предъявитель сего К. М. Бэр, заведующий ученую частью снаряженной с Высочайшего соизволения Императорской С.-Петербургской академией наук экспедиции к берегам Лапландии и Новой Земли, отправляется отсюда на лодке “Николай” вместе со студентом Дерптского университета А. Леманом и препаратором Зоологического музея Е. Филипповым. Предписывается всем градским и земским полициям, равно и сельским начальствам Архангельской губернии, оказывать им всякое в случае надобности вспомоществование» [7; 149 об.–150].

Кроме К. М. Бэра, А. Лемана и Е. Филиппова в состав экспедиции входили художник Петербургского монетного двора Х. Р. Редер и служитель Дронов. Прапорщик А. К. Циволько прибыл в Архангельск для осмотра и ремонта шхуны 24 апреля. 6 июня в Архангельск прибыл Бэр, ко-

торый после знакомства со шхуной нашел ее слишком тесной не только для размещения собранных коллекций и образцов, но также и для исследователей. Поэтому К. М. Бэр нанял у архангельских промышленников А. Еремина и И. Челюзгина промысловую ладью «Святой Елисея», на которой он и разместился вместе с А. Леманом. Для ловли образцов рыб и зверей К. М. Бэр взял с собой сети, невода и другие приспособления [19; 94]. В начале июля шхуна и ладья достигли Лапландии и бросили якорь около деревни Пялицы, где путешественники нашли несколько ранее не известных видов лишайников, которые местами угрожали вытеснить высшие растения. 19 июля исследователи вошли в пролив Маточкин Шар, и К. М. Бэр вступил на Новую Землю. За время пребывания в проливе К. М. Бэр вместе со спутниками совершил ряд поездок для обследования западного устья залива в ботаническом, зоологическом и геологическом отношении. Были исследованы и описаны бухта Серебрянка, возвышенность Митюшев Камень, реки Маточка, Чиракаха и др. [1; 9–10].

6 августа путешественники высадились на юго-западном побережье Новой Земли, в устье р. Нехватовой [17; 205]. К. М. Бэр занимался изучением соленых озер, возникающих, скорее всего, в результате приливов, а натуралист А. Леман исследовал геологическое строение окрестностей Костиного Шара. Вскоре, однако, начались морозы [4; 39]. 11 сентября экспедиция была вынуждена вернуться в Архангельск.

Возвратясь в октябре в Санкт-Петербург, К. М. Бэр на заседании Академии наук, проходившем 3 ноября, сообщил, что из десяти прежних экспедиций, предпринятых флотскими офицерами, шесть либо имели повреждения судов, либо потеряли в команде. Но и остальные четыре экспедиции встретили на пути столько препятствий, что до конца не выполнили поставленных перед ними целей [14].

По сути, это была первая научная экспедиция на территорию Новой Земли. Естественно, что до К. М. Бэра этот район посещали и промысловики, и экспедиции, посланные Морским ведомством для изучения Северного морского пути. Но комплексное исследование К. М. Бэра позволило проанализировать и во многом обобщить данные, полученные во время плавания П. К. Пахтусова, и заложить основы климатологии Новой Земли, которая была исследована в топографическом, геологическом, ботаническом и зоологическом отношениях [18; 67]. Именно эта экспедиция дала основной массив знаний об этом регионе, которые мы имеем сейчас. Достаточно упомянуть о том, что из 160 известных ныне видов растений Бэр исследовал 135, он дал научное описание большого количества птиц, рыб и животных, обитающих около Новой Земли; привез 70 видов беспозвоночных, в то время как ан-

глийский полярный исследователь В. Скоресби привез со Шпицбергена всего лишь 37. А. А. Леман представил в Академию наук сочинение, посвященное исследованию геологии Новой Земли [9]. Экспедиция К. М. Бэра на Новую Землю представляет собой первую попытку приближения к современному комплексному эколого-морфологическому методу изучения территорий [16; 215].

Изучение арктической флоры стало одной из знаменательных страниц в истории российской ботаники. Нигде в мире нет такого количества материала, накопленного в результате многолетних экспедиций [20; 3]. Одной из самых известных экспедиций было путешествие ботаника А. И. Шренка в Печорский край для собирания ботанической коллекции.

Из Санкт-Петербурга А. И. Шренк отправился в Мезень, которую вместе со спутниками покинул 19 мая 1837 года. Там он изучал геологию, быт населения, промыслы. Через месяц путешественники прибыли к Печоре, в Усть-Цильму. Оттуда А. И. Шренк отправил в Петербург собранные на тот момент коллекции и гербарий.

Фактически А. И. Шренк был первым ученым, достигшим крайнего северо-востока Европейской России. Он изучал районы Большеземельской и Малоземельской тундр, Канина Носа и Югорского Шара, о. Вайгач и Полярного Урала. Несмотря на то что его экспедиция планировалась как ботаническая, А. И. Шренк собирая этнографические материалы, составлял словарь ненцев и коми (зырян), занимался физико-географическим исследованием этих районов. После экспедиции Шренк опубликовал двухтомный труд «Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам», в котором проанализировал полученные им данные. В частности, он определил границы ареалов распространения древесной растительности в северо-восточной части Архангельской губернии. В то же время А. И. Шренк постарался дать советы по развитию Крайнего Севера. Он наметил орографические (раздел геоморфологии, занимающийся описанием и классификацией форм рельефа по их внешним признакам вне зависимости от происхождения) и гидрографические особенности страны; правильно нанес на карту бассейны рек Печоры и Усы. За 12 дней А. И. Шренк проделал путь от с. Оксино на р. Печоре через пос. Поповых по р. Индиге до р. Пеши. Изучение тундры и подземной ледяной коры А. И. Шренком незадолго до экспедиции А. Ф. Миддендорфа позволило ему выступить против мнения о тундре как о заболоченном, труднопроходимом месте. Он отметил, что в тундре присутствуют различные виды почв (песчаная, глинистая) и в зависимости от грунта глубина проникания мерзлоты тоже различна. С помощью шурfov он определял глубину зале-

гания и мощность вечной мерзлоты. А. И. Шренк описал особенности приспособляемости растений к суровым условиям Севера: карликовость деревьев и расстилание по земле мхов. Он объяснял это сильными холодами, сопровождамыми ветрами [8; 576]. Ученый собрал ряд ботанико-географических данных, касающихся распространения к северу отдельных древесных пород и лесных остовов [11; 11]. Выделенные А. И. Шренком пять зональных областей по своему содержанию и объему очень близки к границам подзон у современных ботаников. А. И. Шренк привел названия 265 растений и сделал гербарии, переданные им в Ботанический сад Академии наук.

В 1839 году после окончания путешествия А. И. Шренка на север европейской части России К. М. Бэр обратил внимание Академии наук на то, что из сферы внимания ученых упущена Русская Лапландия. Об этом же он писал П. И. Кеппену [3; 32]. Во время своего путешествия на Новую Землю К. М. Бэр проезжал через Лапландию, но не уделил ей должного внимания [5; 16]. Во время полярных плаваний Ф. П. Литке (1821–1824) и М. Ф. Рейнеке (1827–1832) была произведена съемка ее берегов, но животный и растительный мир остался за пределами изучения, как, впрочем, и геология внутренних частей Лапландии. К. М. Бэр советовался с В. Бетлингком, молодым геологом и геогностом из Дерпта, относительно времени предполагаемого путешествия. Последний дважды путешествовал по Финляндии для исследования ее геологического состояния и в 1839 году планировал расширить свои изыскания и на Лапландию, вплоть до Архангельска. К. М. Бэр предложил, чтобы В. Бетлингк, а также А. И. Шренк в качестве биолога отправились в экспедицию в Русскую Лапландию. А. И. Шренку поручалось собрать сведения о разведении хлебных растений и домашних животных. Путь исследователей лежал через Гельсингфорс, Торнео, р. Кемь, Нотоозеро к г. Коле. Здесь они расстались. А. И. Шренк отправился на восток от Кольского залива, а В. Бетлингк – на запад. На экспедицию В. Бетлингка Академия наук ассигновала 3000 руб. [5; 16 об.]. Бетлингк посетил восточное побережье Лапландии. Он встретился с А. И. Шренком позднее, у р. Поной. Вместе они осмотрели растительность и горные породы на южном берегу Кандалакшского залива. Южный берег имел более густую растительность, нежели северный, где часто встречались скалы, отполированные приливами. Ближе к югу участники экспедиции пересекли водораздел между Онежским озером и Белым морем, представляющий песчаный хребет высотой около 45 метров. По мнению В. Бетлингка, на этом месте легко было бы провести канал для соединения Белого и Балтийского морей.

В октябре 1839 года А. И. Шренк и В. Бетлингк вернулись в Петербург. В результате этой экспе-

диции были получены ценные данные о пределе распространения лесов на севере европейской части России. Впоследствии известный ботаник Ц. Кох, исследовавший Крайний Север европейской части России, назвал в честь А. И. Шренка морской подорожник (*Plantago schrenkii*) [20; 52].

Природа Крайнего Севера предоставляет ученым уникальную возможность изучить приспособление растений и животных к суровым условиям. В первой половине XIX века шло планомерное исследование окраинных территорий Российской империи, рассматривались возможности их дальнейшего хозяйственного использования. Кроме того, русские ученые опровергли мнение, бытовавшее в научной среде Европы, о невозмож-

ности существования вечной мерзлоты. Ученые как в Европе, так и в России имели мало сведений о тундре, о ее флоре и фауне. Исследователи выяснили, что тундра вовсе не представляет собой непроходимые болота, крайне бедные растительностью и животными, наоборот, является хрупким сбалансированным миром, отличающимся многообразием. Благодаря экспедициям, совершенным русскими учеными под эгидой Императорской академии наук, общемировая копилка знаний пополнилась достоверными сведениями о природе территории, лежащей за полярным кругом. Работы русских ученых положили начало современным методам и методикам комплексных исследований растительного и животного мира Крайнего Севера.

ИСТОЧНИКИ

1. Записки гидрографического департамента морского министерства. Ч. 3. СПб.: Морская типография, 1845. 448 с.
2. Летопись Российской Академии наук: В 3 т. Т. II. 1803–1860. СПб.: Наука, 2002. 620 с.
3. Письма К. М. Бэра ученым Петербурга. Л.: Наука, 1976. 252 с.
4. Свенске К. Ф. Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленном отношениях. СПб.: Изд-во на издивении члена-соревнователя Русского географического общества М. К. Сидорова, 1866. 131 с.
5. СПБА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Экспедиция в Лапландию академика К. М. Бэра.
6. СПБА РАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 347. Материалы по организации экспедиции на Новую Землю.
7. СПБА РАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 350. Смета на путешествие, доложена в заседании Конференции 7 апреля 1837 г. С приложением различных отчетов, расписок и записей расходов К. М. Бэра.
8. Шренк А. И. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов в 1837 г. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1855. 665 с.
9. Lehmann A. Geognostische Schilderung von Nowaja Semlja. Saint-Petersburg, 1837.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л.: Академия наук СССР, 1940. 310 с.
11. Дедов А. А. Растительность Малоземельской и Тиманской тундр. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2006. 159 с.
12. Корякин В. С. История изучения природной системы Новой Земли (до середины XX века): Автограф. ... д-ра геогр. наук. М., 2000. 54 с.
13. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. М.: Мысль, 1971. 516 с.
14. Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 гг. М.: Географгиз, 1948. 335 с.
15. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1985. 319 с.
16. Назаров А. Г., Цуккин Е. В. Карл Максимович Бэр. М.: Наука, 2008. 538 с.
17. Пасецкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике. Первая половина XIX века. Л.: Гидрометеоиздат, 1984. 275 с.
18. Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. 2. М.; Л., 1951.
19. Русские экспедиции для описания берегов Сибири и прилегающих островов. 1734–1862. Кронштадт, 1877. 117 с.
20. Секретарева Н. А. Сосудистые растения Российской Арктики и сопредельных территорий. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2004. 137 с.
21. Смирнов В. Г. Исследования Мирового океана военными моряками и учеными России. 1826–1895 гг. СПб.: Изд-во Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны РФ, 2006. 292 с.
22. Таммиксаар Э. Географические аспекты творчества Карла Бэра 1830–1840 гг. Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastuse, 2000. 125 с.
23. Ширина Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-востоке Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. 274 с.
24. Findbuch zum Nachlass Karl Ernst von Baer (1792–1876) / Nach Vorarbeiten von Vello Kaavere; Eingel., bearb. u. zusgest. von Erki Tammiksaar. Giessen: Universitätsbibl., 1999.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ СКАЗОЧКИН

кандидат физико-математических наук, заведующий сектором проблем государственного регулирования и модернизации сферы науки и инноваций, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
avskaz@rambler.ru

АЛЕКСАНДР ОЛЕГОВИЧ ЛАДНЫЙ

начальник отдела науки, высшей школы и кадрового потенциала департамента приоритетных направлений науки и технологий, Министерство образования и науки РФ
ladniy@mail.ru

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ДОРШАКОВА

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой семейной медицины медицинского факультета, Петрозаводский государственный университет
nvdorshakova@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье представлен предварительный анализ программ, направленных на поддержание и развитие процессов интеграции высшего образования и науки. Сформулированы предложения по повышению эффективности существующих механизмов интеграции.

Ключевые слова: интеграция, наука, образование, программа, университет, стратегия, развитие

Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года в качестве одной из главных задач предусматривает создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок и условий для его расширенного воспроизводства [2]. Непременным условием достижения данной цели является повышение научного потенциала высшей школы, который наряду с государственными академиями наук составляет основу этого сектора. В перспективе вузовская наука должна стать источником востребованных научных результатов мирового уровня и быть конкурентоспособной внутри России и за рубежом. Интеграция науки и образования, развитие науки и инноваций в вузах – один из базовых принципов современной российской государственной научной, инновационной и образовательной политики [9].

Российское высшее профессиональное образование лишь постепенно освобождается от доставшегося ей в наследство разобщения образовательной и научно-исследовательской деятельности. На этом пути был разработан целый ряд довольно разнообразных мер, в том числе развитие различных моделей учебно-научно-инновационных комплексов и научно-образовательных центров. Многое достигнуто, но путь еще далеко не пройден. Из-за слабости многих вузов ставка сделана на введение прогрессивных методов обучения, соединенных с научными исследованиями, в первую очередь в наиболее сильных вузах, которые были наделены особым статусом федеральных университетов и националь-

ных исследовательских университетов. Но статус – не панацея. История российской науки и образования насчитывает множество более или менее успешных форм обеспечения их взаимодействия в целях оптимального использования научного и образовательного потенциала. Одни из них утратили легитимность в ходе развития. Другие, не получив должной оценки и поддержки, были утрачены. Новые механизмы изобретаются «с чистого листа», без учета опыта, и в результате по сути своей зачастую совпадают с ранее существовавшими. Для наиболее эффективного развития экономики знаний необходимо поддерживать и развивать традиционные для нашей страны формы и механизмы интеграции, а также внедрять лучшее из мирового опыта.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В Стратегии развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 года (далее – Стратегия) интеграция позиционируется как одно из ключевых направлений реформирования образования и государственного сектора науки, условий создания конкурентоспособного сектора исследований и разработок и структурирована до перечня необходимых мероприятий. Именно на ее основе намечается сократить разрыв между образованием и наукой, обеспечить приток в эти сферы талантливой молодежи, повысить эффективность научных исследований, качество образовательных программ.

Закон об интеграции [1] затрагивает отдельные поставленные в Стратегии задачи, связанные с развитием интеграционных процессов, но позволяет решать их только частично. Так, Стратегией предусмотрено расширение государственной поддержки интеграции образования и науки, что соответствует лучшим образцам мировой практики. На ее необходимости настаивают и отечественные эксперты. Новый закон лишь допускает существование и создание новых действующих интегрированных структур и не содержит системы комплексного стимулирования интеграции. Поэтому его вклад в развитие соответствующих процессов представляется весьма скромным.

По понятным причинам вне сферы действия закона остались проблемы финансирования вузовской науки. Согласно законодательству, отечественные вузы не только могут, но и должны осуществлять научную деятельность. Препятствуют этому неудовлетворительное состояние материально-технической базы и незначительная доля базовой составляющей их «научных» бюджетов. Принятие закона не меняет правового положения вузовской науки и не решает ее основных проблем.

Принципиальный недостаток нового закона – позиционирование интеграции науки и образования как абсолютно самостоятельного блока в контексте более широкой задачи интеграции науки, образования и производства. Необходимость присоединения к этим процессам бизнеса в целях обеспечения инновационного развития экономики (ИРЭ) подчеркивается, но одновременно интеграция науки и образования выделяется в самостоятельную задачу, требующую первоочередного решения. Тем самым создается впечатление, что России вначале предстоит интегрировать науку и образование и лишь затем подключить к их объединению бизнес. Нецелесообразность и заведомая неэффективность подобного сценария предопределены уже тем, что современные лидеры мировой экономики реализовали его еще во второй половине XX века.

Практика ведущих индустриальных стран свидетельствует об усилении вклада университетов в развитие инноваций и экономический рост. Государственное финансирование исследований в вузах все активнее ориентируется на конкретные социально-экономические цели и становится в зависимость от конечных результатов; возрастает роль контрактного финансирования. Вузы в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по-прежнему выполняют основную часть фундаментальных исследований (до 50 % общего объема исследований и разработок в данном секторе), но при этом в ряде государств растет удельный вес финансирования университетских исследований промышленностью, составляющий 8–14 % (Канада, Бельгия, Венгрия, Германия) и даже 15–23 % (Корея,

Турция). В Китае он достигает 37 %. Инновационная ориентация деятельности университетов обеспечивается также за счет подготовки квалифицированных ученых и инженеров, все большего участия преподавателей и аспирантов в выполнении исследований и разработок, передаче их результатов в промышленность.

В условиях активного формирования «новой экономики» и обострения конкуренции на мировых рынках, особенно высокотехнологичных, вышеуказанный сценарий представляется недопустимо растянутым во времени и неспособным обеспечить ни значимые позитивные сдвиги в глобальном позиционировании страны, ни сохранение уже достигнутых ею результатов. Интеграция образования и науки предстает в рассматриваемом законе некой самоцелью, имеющей весьма отдаленное отношение к формированию в России эффективной инновационной системы. Этот закон не только не затрагивает вопросов интеграции научно-образовательного комплекса с производством, но и задает неравные условия участия в интеграционных процессах субъектов научно-образовательной деятельности. В отсутствие необходимых стимулов и преференций подобные ограничения заведомо сужают круг потенциальных участников интеграции.

С учетом как мирового опыта, так и институциональных особенностей национального научно-образовательного комплекса в данной области необходима политическая воля руководства страны, направленная не только на изменение бюджетных приоритетов и совершенствование его бюджетной поддержки, но и на проведение достаточно жесткой политики по реформированию этого комплекса. Наиболее рациональный подход к дальнейшему институциональному развитию науки и образования – создание условий для появления модельного ряда разнообразных интегрированных структур, призванных обеспечить достижение высокого уровня и опережающий характер подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов по перспективным направлениям науки и технологий, улучшение качества образования и эффективности научных исследований. При этом последовательность действий должна, на наш взгляд, быть такой: формулирование национальных целей, связанных с развитием научно-образовательного комплекса, – выбор наиболее эффективных форм интеграции – создание условий для их возникновения и развития – уточнение нормативно-правовой базы.

ЦЕЛЕВОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ДЛЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ С СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГОДОВ

До середины 2000-х годов в отчетных материалах Минобразования суть интеграции науки

и образования зачастую сводилась к факту привлечения членов государственных академий наук к преподаванию в вузах. Приводились цифры: около 400 академиков и членов-корреспондентов РАН работали в этот период в вузах на штатной основе, более 800 действительных членов и членов-корреспондентов РАН – по совместительству, в вузах преподавали около 8000 сотрудников РАН – докторов и кандидатов наук, в 110 учреждениях РАН функционировали более 200 базовых кафедр 40 ведущих вузов страны. Взаимодействие вузов с учреждениями отраслевой науки (а ведь совокупная мощь лишь 50 государственных научных центров была сравнима с показателями РАН) вообще оставалась вне поля зрения авторов данных материалов [3]. Однако к середине 2000-х годов стало очевидно, что создание инновационной экономики требует активизации государственной политики в отношении сектора исследований и разработок и, в частности, развития научного потенциала высшей школы, иного уровня взаимодействия науки и образования. В последующие годы государством был предпринят целый ряд шагов по поддержке науки в высшей школе и интеграции науки и образования, в том числе:

- проведена работа по созданию нормативной базы, необходимой для интеграции науки и образования и развития научных исследований в вузах (Федеральный закон Российской Федерации от 01.12.2007 № 308-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции образования и науки»);
- в рамках приоритетного национального проекта «Образование» сформирована сеть федеральных университетов – крупных инновационных научно-образовательных комплексов, призванных стать лидерами в своих регионах и обеспечить формирование кадрового и научного потенциала комплексного социально-экономического развития региона;
- проведены два конкурса среди вузов на получение статуса национальных исследовательских университетов (всего этот статус был присвоен 29 вузам);
- принята и реализуется федеральная целевая программа (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, в рамках которой расширена сеть научно-образовательных центров;
- начато осуществление программы координации научной деятельности вузов с частным бизнесом (Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства»);
- на конкурсной основе были выделены довольно значительные средства для создания инновационной базы в вузах (Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования»);
- проведен конкурс по поддержке научных исследований под руководством приглашенных из-за рубежа ведущих ученых (Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования»);
- была принята ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», которая была продолжена на 2009–2011 годы.

Привлечение и закрепление кадров в науке невозможно без повышения престижа и финансовой привлекательности научно-образовательного комплекса. Если за 2002–2008 годы наметилась резкая положительная динамика финансирования научных исследований (в 2002 году на науку было выделено 8,6 млрд руб., в 2008-м – почти 28 млрд руб.), то в 2009–2011 годах рост расходов на науку продолжился, но наметилась стабилизация. Планируется, что в 2012–2014 годах расходы на разработки гражданского назначения вырастут, но их доля в ВВП будет сокращаться: в 2012 году – 0,55 %, в 2013-м – 0,51 %, в 2014-м – 0,39 % [7]. Такая динамика идет вразрез не только с ориентиром обновляемой сейчас «Стратегии-2020», в которой эти расходы оцениваются на уровне 0,7 % ВВП, но и с целевым показателем одобренной правительством Стратегии инновационного развития на период до 2020 года. В документе предполагается довести расходы на НИР до 2,5–3 % ВВП к 2020 году; правда, больше половины из них должен взять на себя частный сектор. Судя по всему, в числе стран-лидеров по этому показателю Россия еще долго не окажется [6].

Удельный вес сектора высшего образования в объеме совокупных расходов на научные исследования и разработки не будет превышать 6 %, в то время как в США за последние годы этот показатель составляет 14–16 %, в Японии – 13–15 % и в среднем по странам, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития, – 15–18 %.

Совокупные инвестиции предпринимательского сектора в 2 раза меньше, чем у государства. При этом они в подавляющем большинстве тратятся частными предприятиями (почти 80 %). Этот же сектор науки является и основным потребителем государственных средств (около 56 % объема финансирования). Российский бизнес вкладывает минимальные средства в подготовку ка-

дров, в то время как в западноевропейских странах крупные компании берут на себя финансирование университетов.

Уровень инновационной активности российских предприятий (отношение числа инновационно-активных предприятий к их общей численности) даже в условиях экономического подъема последних лет не превышает 10 %, что в 5–7 раз ниже, чем в развитых странах. Частично такой разрыв объясняется расхождениями в методологии заполнения статистических форм: российские субъекты статистической отчетности традиционно делают упор на технологических инновациях, игнорируя инновации в сфере управления и услуг, в то время как в зарубежных странах инновационная активность трактуется более широко. В объеме производства российских компаний на инновационную продукцию приходится около 5–6 %. Востребованность отечественным бизнесом результатов инноваций и разработок остается невысокой: менее 5 % зарегистрированных изобретений становятся объектами коммерческих сделок, в хозяйственном обороте находится 1 % результатов научно-технической деятельности, тогда как, например, в США и Великобритании – 70 % [8].

Крупный отечественный капитал, способный осуществлять вложения в производство и коммерциализацию новых знаний, сформировался в наименее инновационных отраслях: добыче и первичной переработке сырья, торговле и банковской сфере. Собственных средств инновационных предприятий, выпускающих готовую продукцию, хватает на обеспечение текущего производства, а их возможности финансирования исследований и разработок крайне ограничены.

Как ни парадоксально, переход на рыночные механизмы привел к постепенному усилению государственного начала в управлении финансами в сфере высшего образования и науки. Последовательное ограничение самостоятельности в использовании бюджетных и внебюджетных средств нашло выражение в переходе к более развернутой и периодически меняющейся классификации расходов бюджета; в постепенном ограничении перечня допустимых источников получения внебюджетных средств, необходимости оформления разрешения на получение внебюджетных доходов по видам деятельности, зафиксированным в бюджетном кодексе; в последовательном переводе внебюджетных средств в режим, установленный для бюджетных средств и др.

Опрос исследователей, реализующих проекты в рамках ФЦП, предусматривающих привлечение внебюджетных средств, показал, что порой бывает проще найти источник финансирования, чем убедить главного бухгалтера утвердить в казначействе изменение сметы организации.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ФЦП «НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ» НА 2008–2012 ГОДЫ

В 2007 году была проведена презентация проекта новой ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2008–2012 годы. Данной программой предусматривалось широкое развитие научно-образовательных центров (НОЦ), активно содействующих тесной интеграции образования и науки. Подобные научно-образовательные центры стали активно создаваться региональными структурами, причем им стали придавать тематическую направленность, учитывая имеющиеся ресурсы научно-исследовательских институтов и потребности регионов в новых современных технологиях. Поддержка новых НОЦ в 2007 году осуществлялась также в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)».

В рамках мероприятия 1.1 ФЦП предусмотрено финансирование научных исследований, осуществляемых коллективами НОЦ. Общий объем федеральной поддержки на период 2009–2011 годов составляет 6 млрд руб. Контракты рассчитаны на 3 года, что позволяет исследователям выполнять серьезные исследования. Максимальный объем финансирования одного проекта НОЦ достигает 15 млн руб. из расчета на 3 года, в том числе не более 5 млн руб. в 2009 году. В 2009 году на участие в конкурсе были поданы 3032 заявки от НОЦ. 54 % всех заявок пришлось на вузы, 25 % – на долю РАН. Профинансираны 502 проекта с участием 330 НОЦ на сумму 1,8 млрд руб.

Больше трети НОЦ, участвовавших в конкурсе, были созданы только в 2009 году. Всего 5 % заявок представлены наиболее «старыми» НОЦ, созданными до 2001 года. Об эффективности данного мероприятия судить пока рано. По отзывам участников, в программе присутствует перекос в сторону научной деятельности НОЦ, в то время как образовательная составляющая присутствует лишь в виде программных индикаторов. Иными словами, ФЦП «Кадры» «науку поддерживает хорошо, а образование – плохо». Ведь изначально стояла дилемма принципа объединения: можно объединяться, чтобы делать науку, а можно объединяться, чтобы учить студентов.

Мероприятие 1.5 Программы также можно рассматривать в качестве интеграционного механизма, поскольку его целью является использование опыта наших соотечественников, добившихся успехов в науке за рубежом, что должно помочь удовлетворить потребности российской науки по передаче опыта и знаний молодежи.

ПРОГРАММА «РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

В настоящее время Минобрнауки России является единственным федеральным органом ис-

полнительной власти, осуществляющим полномочия учредителя более 300 государственных вузов, что составляет порядка 50 % от общего количества функционирующих в России государственных и муниципальных вузов. В вузах, подведомственных Минобрнауки России, работают 210 тыс. человек профессорско-преподавательского состава, действуют 19 тыс. кафедр и лабораторий. При этом результаты исследований показывают, что в среднем лишь 25 % профессорско-преподавательского состава, помимо образовательной деятельности, проводят исследовательскую работу.

С целью увеличения вклада вузов и научных организаций в результаты исследовательской деятельности российских научных коллективов, а также получения результатов научной деятельности, направленных на повышение качества высшего профессионального образования, финансируется аналитическая ведомственная целевая программа (АВЦП) «Развитие научного потенциала высшей школы». Первый этап был реализован в течение 2006–2008 годов, в настоящее время реализуется второй этап программы (2009–2011 годы).

Одно из направлений АВЦП заключается в развитии «механизмов интеграции научной и образовательной деятельности и интегрированных научно-образовательных структур». Проекты по данному направлению должны быть направлены на развитие университетских научно-образовательных структур, которые способствуют внедрению в университетах международной практики эффективной интеграции передовых исследований и образования. Научно-образовательная структура должна быть не только центром высокопрофессиональной деятельности в университете, но и центром по повышению квалификации и проведению научных стажировок аспирантов, молодых ученых и преподавателей из других вузов России.

При анализе перечня требований оказалось, что они содержат характеристики НОЦ. Поэтому подавляющее число заявок были сформулированы как создание и / или развитие НОЦ, реже – исследовательских институтов в структуре вузов (см. выше).

Предварительные результаты реализации мероприятий различных программ в 2009 году в целом оцениваются положительно участниками и экспертами. Однако попытка оценить программы в целом, с отслеживанием связей между мероприятиями и сопоставлением их по эффективности пока не было. Поскольку многие крупные университеты и исследовательские институты подавали заявки и выигрывали право на участие в реализации нескольких мероприятий, представляется логичным провести опрос руководителей этих организаций для поиска ответов на сформулированные выше вопросы. К сожалению,

если в процессе этого опроса будут выявлены принципиальные недочеты Программы и нестыковки между мероприятиями, маловероятно, что их удастся быстро скорректировать. Законотворческие процедуры в нашей стране настолько громоздки, что заказчики программ вряд ли согласятся инициировать их ради совершенствования программных условий и механизмов реализации, не говоря уже о поправках в бюджетное и налоговое законодательство. Тем не менее результаты такого анализа могут быть учтены при формировании других программ и новых инструментов поддержки интеграции науки и образования.

В рамках АВЦП в 2010 году выполнялась 5741 научно-исследовательская работа на общую сумму 5 613 090,2 тыс. руб. В 2010 году в научных исследованиях приняли участие: 6136 студентов, 5573 аспиранта, 870 докторантов, 3758 молодых кандидатов наук и 338 молодых (до 40 лет) докторов наук [5]. Однако, несмотря на достигнутые показатели, уровень проводимых исследований не всегда достаточно высок. Оценка деятельности в основном ведется по формальным показателям. При этом сведения о достижении индикаторов, сообщаемые исполнителями проектов, не всегда можно проверить.

Для того чтобы повышать уровень и качество выполняемых работ, необходимо усиливать роль экспертизы как заявок, так и выполненных проектов, привлекая для этого штат экспертов по областям знаний. Конечно, это требует дополнительных денег, но в то же время будет способствовать увеличению отдачи от них.

Индикаторы исследований должны быть тщательно проанализированы. Они должны быть информативны, проверяемы независимыми экспертами и не должны вынуждать исполнителей проекта стремиться к их достижению любой ценой, в ущерб качеству выполняемых исследований.

В настоящее время Минобрнауки разрабатывает проект новой АВЦП на 2012–2014 годы. В дальнейшем предполагается, что она будет включена в государственную программу «Развитие науки и технологий» на 2012–2020 годы.

В рамках действующего законодательства поддержка научных исследований в подведомственных вузах осуществляется Минобрнауки посредством установления государственных заданий на выполнение соответствующих работ, которое направлено на реализацию двух задач: поддержка исследовательской активности в подведомственных вузах и получение результатов научных проектов, необходимых Минобрнауки для осуществления своей практической деятельности.

Для повышения качества выполняемых вузами исследований финансирование государственных заданий на их выполнение делится на две части: внеконкурсное финансирование и финан-

сирование инициативных научных проектов, прошедших конкурсный отбор. В соответствии со сложившейся практикой вне конкурсная часть финансирования научных исследований вузов будет распределяться между вузами в целях обеспечения минимального уровня финансирования научной деятельности.

Темы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), выполняемых вузами в рамках базовой части, а также отобранных на конкурсной основе, будут определять наполнение государственных заданий на оказание услуг (выполнение работ) в части раздела 2 «Государственные работы». Предполагается, что это позволит обоснованно и на условиях конкуренции между вузами определять для них объемы государственного задания в части выполнения НИОКР.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ № 218, 219, 220 О ПОДДЕРЖКЕ ВУЗОВСКОГО СЕКТОРА

Новым этапом в поддержке науки в высшей школе стал пакет из трех Постановлений Правительства РФ, принятых 09.04.2010 (кооперация вузов и бизнеса, мегагранты, инновационная инфраструктура). На реализацию этих трех постановлений правительство выделило 39 млрд руб. на 2010–2012 годы.

Постановление № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства» предусматривает возможность выделения субсидий производственным предприятиям сроком от 1 до 3 лет объемом до 100 млн руб. в год для финансирования комплексных проектов организации высокотехнологичного производства, выполняемых совместно производственными предприятиями и вузами. Общий объем бюджетного финансирования по мероприятию за 2010–2012 годы составит 19 млрд руб. Объем собственных средств производственного предприятия, вкладываемых в проект, должен составлять не менее 100 % от размера субсидии и быть достаточным для выполнения проекта по организации нового высокотехнологичного производства. Субсидия выделяется производственному предприятию, что позволяет гарантировать востребованность разработки вуза и ее дальнейшее использование для организации нового высокотехнологичного производства. По мнению некоторых представителей бизнеса, данный конкурс в основном представляется интересом для малых инновационных предприятий, выросших из вузовской или академической науки. Для больших компаний и сумма для реализации серьезной технологической разработки недостаточная, и условия не очень определены.

Еще одно условие, которое может стать существенным ограничением для выполнения работ:

«Организация реального сектора экономики, признанная победителем в конкурсе, и с которой заключен договор об условиях предоставления и использования субсидии, должна обеспечить выполнение не менее 60 % общего стоимостного объема научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ по договору самостоятельно, без привлечения третьих лиц». Очевидно, что многие технологии или изделия не могут быть изготовлены в вузе самостоятельно на должном технологическом уровне. Тем не менее конкурс вызвал большой интерес, но до него были допущены лишь 553 из 806 поданных заявок. Победили 112 проектов от 107 компаний и 76 вузов.

Согласно Постановлению № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования», бюджетные ассигнования выделяются на срок до 3 лет с объемом финансирования до 50 млн руб. в год.

Наконец, еще одно пакетное постановление – № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования», неофициально называемое постановлением о мегагрантах. Для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских вузах, в федеральном бюджете предусмотрено 12 млрд руб. Максимальный размер одного гранта составляет 150 млн руб. и выделяется на 3 года с возможностью продления на 1 или 2 года.

Проведение данного конкурса, как и по другим пакетным постановлениям, оценивается научной общественностью весьма высоко. Но высказываются и претензии, в том числе самими грантодержателями. Суть их такова: деньги есть, а распоряжаться ими крайне затруднительно, набрать нужный коллектив ученых проблематично из-за краткосрочности программы (многие ученые, работающие постоянно в России, опасаются переходить в новые лаборатории из-за неопределенности перспектив продолжения их работы после окончания срока гранта). Серьезные проблемы возникают при закупке необходимых для исследования оборудования и материалов.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ И МЕХАНИЗМОВ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

В качестве рекомендаций предлагается расширить подход к конкурсному финансированию, оставив за исследователями право формировать консорциумы и временные коллективы на базе подразделений вузов и научных организаций, оптимальные с точки зрения достижения научного результата.

Данные государственной статистической отчетности недостаточны для того, чтобы оценить масштаб и динамику интеграционных процессов в рамках существующих форм.

Доступные данные отчетности не позволяют выявлять происходящие изменения в ходе реализации программ и в периоды между ними. С одной стороны, это связано с множественностью объектов учета и «двойным учетом», поскольку одни и те же коллективы участвуют в различных финансируемых государством программах: то как бизнес-инкубаторы, то как университетские кафедры, то как инновационные комплексы, то как частные научноемкие компании. С другой стороны, даже эти результаты отсутствуют в свободном доступе. Помимо сложности получения объективных оценок, недостаток информации имеет другой побочный эффект: вызывает у потенциальных участников, ранее не участвовавших в программах, сомнения в непредвзятости при распределении средств, и «закрытый клуб» победителей конкурсов становится еще закрытым.

Целевые программные индикаторы не позволяют оценить эффективность конкретного мероприятия: в конкурсах участвуют одни и те же коллективы под разными названиями, которые приобретают навык в получении финансирования из разных источников на одни и те же цели и отчитывании одними и теми же результатами по нескольким программам (впрочем, некоторые из этих результатов могли бы быть получены и без участия в программах).

Трудности в количественной оценке интеграционных процессов связаны и с особенностями государственной статистики: форму «2-наука» не заполняют ни научно-образовательные структуры в связи с малой численностью персонала, ни вузы, в которых исследования ведутся только на кафедрах.

На наш взгляд, уже давно необходимо изменить или дополнить форму «2-наука». Из общих данных формы невозможно определить основные параметры востребованности научных исследований реальным сектором экономики. Иная ситуация в большинстве ведущих вузов развитых стран. Например, американские вузы [4] на своих сайтах в отчете о деятельности демонстрируют: величину дохода, полученного от различных видов коммерциализации исследований, в абсолютных величинах и в процентном отношении к исследовательскому бюджету; количество изобретений, сделанных в вузе или при его участии; количество поданных патентных заявок; количество созданных спин-офф-компаний в вузе и другие подобные сведения.

Общеизвестно, что простое повышение заработной платы исследователям не решает вопросов интенсивности исследований, их соответствия мировому уровню, практической ориентации,

разработанности прав интеллектуальной собственности, развития конкурсных форм финансирования (которые во многих странах становятся превалирующими). Само повышение заработной платы не должно быть инструментом административного произвола, а с учетом вклада исследователя внутри организации и его успешного участия в конкурсах должно способствовать повышению конкурентного начала в научной среде и в конечном счете усиливать конкурентоспособность российской науки и технологий в целом.

Государству необходимо сформировать правовые и организационные условия как для эффективного использования вложенных средств, так и для привлечения дополнительного финансирования со стороны частного сектора, а также оценить результативность уже сделанных инвестиций.

В процессе оценивания результативности проектов соответствие работ утвержденному списку приоритетных направлений может фиксироваться для статистики, но не участвовать в оценке, чтобы искусственно не сужать диапазон исследований. Концентрация средств на приоритетных направлениях не должна быть обязательным условием всех без исключения государственных программ.

Выборочно и осторожно следует подходить к оценке результатов индивидуальной научно-педагогической деятельности. Как показывают исследования, совмещение преподавания и научной работы благотворно влияет на эффективность исследований только в определенных масштабах. Те исследователи, которые имеют более 8 часов в неделю педагогической практики, не добиваются таких высоких научных результатов, как их коллеги с меньшей педагогической нагрузкой. Такой вывод был сделан по результатам обследования 85 «субъектов» в Великобритании и Австралии. Были выдвинуты три основные гипотезы о соотношении обучения и исследований и проведен корреляционный анализ по совокупности показателей. Опуская подробности методологии и расчетов, скажем лишь, что гипотеза о положительной взаимосвязи педагогической практики и исследований, равно как и об отрицательной, были отвергнуты. Был сделан вывод, что педагогическая практика и успехи в науке слабо коррелируют, то есть кажущиеся очевидными тезисы: «исследователь лучше понимает суть предмета преподавания», «обсуждение проблемы со студентами дает толчок к новым идеям», «студенты с большим желанием усваивают предметы, преподаваемые уважаемыми учеными», «положительный пример стимулирует занятие студентов наукой» и т. п. – не получили статистического подтверждения [10]. В США в последние годы далеко не все преподаватели даже в достаточно сильных университетах занимаются исследованиями. Происходит разде-

ление преподавательских и исследовательских позиций.

Этот пример дает повод напомнить, что интеграция сама по себе не является ни целью, ни панацеей. Это лишь один из элементов развития новой экономики, обеспечивающий широкомасштабное производство и распространение знаний и технологий, подготовку специалистов для научноемких производств. В процессе создания научно-образовательных структур могут появиться дополнительные возможности для более гибкого распределения финансовых ресурсов, а также для совместного использования имущественного комплекса.

Итак, как показывает международный и российский опыт, высшее образование и наука не могут эффективно развиваться изолированно. Образование и наука определяют конкурентоспособность страны в глобальном мире. Нельзя не отметить повышенное внимание государства и научно-педагогического сообщества к проблемам координации деятельности в этих отраслях. Мероприятия, направленные на повышение эффективности взаимодействия науки и образования, получают финансовую, организационную

и законодательную поддержку. Основные проблемы на сегодняшний день, по нашему мнению, заключаются в отсутствии координации проектов и программ, реализуемых различными структурными подразделениями министерств; должностной информационной поддержки мероприятий; положительной обратной связи участников проектов, программ, конкурсов с заказчиками; оценки эффективности реализуемых мероприятий; оценки эффективности существующих интеграционных форм.

Остаются сомнения в устойчивости и перспективности некоторых форм кооперации, которые используют вузы и научные организации, чтобы получить доступ к финансированию в рамках той или другой программы. В этих условиях можно было бы рекомендовать внедрять в практику государственного управления механизмы, которые стимулировали бы совместную проектную деятельность на уровне временных альянсов без решения имущественных вопросов. Если такие проекты будут эффективными, их участники могут впоследствии сами принять решение о создании новых форм, а не плодить нежизнеспособные структуры ради временных выгод.

ИСТОЧНИКИ

1. Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции образования и науки» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/12/05/integraciya-doc.html>
2. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/work/nti/dok/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Дежина И. Г., Киселева В. В. Тенденции развития научных школ в современной России // Институт экономики переходного периода М.: ИЭПП, 2009.
4. Марков К. А. Коммерциализация научных исследований в университетах США // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 22–30.
5. Материалы итоговой коллегии Минобрнауки России за 2010 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/str/kol/resh/2010/6845/>
6. Наука в трехлетнем бюджете [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=42858
7. О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=607158-5>
8. Оболенский В. Почему в России не укоренился инновационный тип развития // Российская Федерация сегодня. 2008. № 19.
9. Сергей Мазуренко: Интеграция образования и науки позволяет повысить уровень подготовки кадров // Известия. 2010. 4 июня.
10. Mohammad Qamaruzzaman. Review of the Academic Evidence on the Relationship Between Teaching and Research in Higher Education / Research report № 506 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dcsf.gov.uk/research/data/uploadfiles/RR506.pdf>

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ИГНАТОВИЧ
кандидат педагогических наук, директор Образовательно-инновационного центра факультета повышения квалификации, Петрозаводский государственный университет
ignatovich@sampo.ru

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ

В статье представлен опыт проектирования межрегиональной модели повышения квалификации руководителей и специалистов муниципальных и региональных органов управления образованием Северо-Западного федерального округа на базе Петрозаводского государственного университета.

Ключевые слова: менеджмент образования, сетевое взаимодействие, активные методы и технологии образования, имитационный тренажер, дистанционные компоненты

Изменения в социально-экономических ориентах России обусловили необходимость дальнейшей модернизации существующей системы образования. Важнейшим условием эффективности курса на инновационную экономику выдвигается поиск обновленной модели повышения квалификации и переподготовки кадров управления образования на уровне регионов и федеральных округов. В данной статье представлен опыт проектирования межрегиональной модели, которая разрабатывалась в рамках реализации федерального проекта «Разработка и апробация модели системы непрерывного образования (повышения квалификации) кадров управления образованием в регионах и среднего звена управлений кадров вузов в регионах РФ на базе модульных программ и современных образовательных технологий». Проект осуществлялся в три этапа в течение 2008–2010 годов, в нем участвовали 13 учреждений высшего и дополнительного профессионального образования.

В качестве ключевой идеи проекта выступал принцип модульности образовательных программ повышения квалификации. Под модулем понимался автономный в содержательном и технологическом плане отрезок учебного материала, изучение которого выстраивалось по схеме: информация – практика – контроль. Предполагалось, что на изучение каждого модуля отводится от 7 до 16 аудиторных часов, таким образом, в 72-часовую программу могло быть включено до 10 модулей. Все участники проекта на первом этапе (2008) были обеспечены примерным вариативным учебным планом, учебно-методическими комплектами 10 модульных образовательных программ, материалами для анкетирования слушателей по результатам изучения. Вторая ведущая идея проекта – использование современных образовательных технологий в системе повышения квалификации кадров управления образованием, таких как имитационный тренажер (2009) и дистанционные компоненты (2010). В соответствии с замыслом проекта указанные

технологии включались в модульные образовательные программы на втором и третьем этапах. Опираясь на принципы модульности образовательных программ, связи актуального содержания модулей с практикой, использование активных методов обучения, в ходе реализации проекта образ проектируемой модели уточнялся самостоятельно в каждом из федеральных округов в зависимости от решаемых задач, среды проектирования, кадров и др.

Результаты анализа сложившейся системы повышения квалификации руководителей и специалистов муниципальных и региональных управлений образованием в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) наглядно показали, что в его субъектах накоплен достаточный инновационный опыт управления образовательными системами, важнейшими показателями которого выступают результаты активного участия регионов в федеральных инновационных проектах – программах национального проекта «Образование», «Информатизация системы образования», дистанционной поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья и др., наличие центров развития идей образовательного менеджмента (СПбГУ, РГПУ, Новгородский ГУ и др.), круга авторитетных ученых, развивающих теорию и практику менеджмента образования (О. Г. Прикот, О. Е. Лебедев, И. А. Колесникова, Г. А. Бордовский, Е. И. Казакова, А. П. Тряпицына и др.).

ПетрГУ к началу проекта обладал достаточно многоплановым опытом в реализации программ повышения квалификации кадров образования, в том числе кадров управления образования муниципального и школьного уровней. Вместе с тем анализ состояния проектной среды показал, что эта сфера дополнительных образовательных услуг остается недостаточно освоенной, требует применения инновационных решений; существует дефицит высококвалифицированных кадров, готовых к реализации актуальных образовательных программ; отсутствует достаточное информационно-методическое обе-

спечение, отвечающее современным требованиям и запросам аудитории; в ситуации информационной перегрузки необходим поиск эффективных технологий обучения и т. д.

Анализ внутренних и внешних ресурсов университета, региона и федерального округа показал, что в широкой образовательной среде есть ресурсы для построения межрегиональной модели повышения квалификации кадров управления образованием на платформе сетевого взаимодействия, комплексного подхода к объединению всех инновационных практик, складывающихся в регионе и федеральном округе. Вместе с тем необходим поиск новых оптимальных решений для данной задачи. Важным условием этого выступает готовность самих руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления совершенствоваться, учет их образовательных потребностей и запросов.

В соответствии с государственным заданием и учитывая особенности аудитории слушателей, на первом этапе в качестве слушателей модульных образовательных программ были выбраны руководители и специалисты муниципальной системы управления образованием Петрозаводского городского округа (25 человек), на втором этапе – руководители и специалисты региональных и муниципальных органов управления образованием РК (100 человек), на третьем этапе – руководители и специалисты региональных и муниципальных органов управления образованием Новгородской и Псковской областей. Всего в проекте в качестве слушателей участвовали 225 руководителей и специалистов муниципальных и региональных (областных) органов управления образованием.

Перед началом проекта слушателям пилотных групп предлагалось ответить на ряд вопросов, направленных на выявление их отношения к системе повышения квалификации. Специалисты муниципальных органов управления образованием более активно участвуют в системе повышения квалификации, показателем которой выступает количество пройденных ими курсов и семинаров за последние 5 лет (в среднем 1–2 в год); проявляют большую заинтересованность в повышении квалификации, отмечая в анкетах ее важность. Специалисты региональных органов управления образованием имеют меньше возможностей повышать квалификацию в формате курсовой подготовки в связи с отсутствием соответствующих программ. Основная тематика пройденных слушателями курсов связана с внедрением новых информационно-коммуникационных технологий в практику управления образованием, введением новых форм и процедур аккредитации и лицензирования образовательных программ, участием в инновационных проектах и проектированием новых образовательных систем.

Предварительное изучение запросов потенциальных слушателей на основе анкетирования и собеседования позволило сформировать круг вопросов, находящихся в поле профессиональных интересов специалистов органов управления образования: нормирование в области образования, в том числе лицензирование образовательной деятельности, аккредитация, контроль и надзор, нормативно-правовая база осуществления образовательной деятельности, новая система оплаты труда и подушевое финансирование, проектная деятельность и проектный менеджмент, методическое и нормативное обеспечение перехода в автономные образовательные учреждения, информационное и правовое сопровождение управляемого процесса и др. В течение трех лет образовательный запрос аудитории качественно изменялся по мере того, как происходила реализации комплексного проекта модернизации образования в муниципалитетах и регионах (областях). Если в 2008 году одной из актуальных тем признавалось создание системы качества образования, то в 2010 году в анкетах слушателей обращение к данной теме комментировалось как «избыточное», «лишнее», вместе с тем слушатели проявляли интерес к проблеме перехода образовательных учреждений в автономные, подушевого финансирования, инновационного и проектного менеджмента и др. Это свидетельствует о невозможности создания универсальных курсов повышения квалификации кадров управления образованием в условиях динамично развивающегося общества и еще раз подтверждает необходимость и целесообразность использования модульных образовательных программ, необходимость создания и развития гибкой межрегиональной модели повышения квалификации, развития широкой образовательно-управленческой среды.

На первом этапе реализации проекта (2008) перед рабочей группой стояла задача апробации 10 модульных образовательных программ, разработанных представителями профессорско-преподавательского состава Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (АНХ) и Московского института стали и сплавов:

- государственная инвестиционная политика и частно-государственное партнерство;
- государственно-общественное управление образованием;
- демографические и миграционные процессы и образование;
- информационные технологии в управлении образованием;
- организационно-методическое обеспечение реализации двухуровневой системы высшего профессионального образования;
- стратегическое управление развитием образования;
- управление качеством образования;

- управление развитием персонала;
- финансирование образования; бюджетирование.

Программы включали в себя аннотацию, учебные планы, конспекты лекций и презентации, средства контроля, дополнительные материалы (например, гlosсарии).

Результаты апробации программ показали, что их содержание носит инновационный характер; вопросы представляют большой интерес для слушателей, например управление развитием персонала, демография и образование. Вместе с тем в ходе апробации были выявлены проблемные зоны: недостаточная готовность образовательных модулей к непосредственной апробации; необходимость разработки инновационного методического сопровождения большинства модулей; проблема сбалансированного использования традиционных форм и методов (лекционные и семинарские занятия) и интерактивных форм / методов / технологий; проблема контроля результатов обученности: необходимость комплексной проверки сформированности компетенций при модульном построении программ; отсутствие достаточного количества времени на контроль (в 7–8-часовых модулях).

Дальнейшая реализация программ вскрыла проблему актуальности представленного материала, необходимости его быстрого обновления, информационно-методического сопровождения модулей, выстраивания связей с региональной ситуацией в образовании. Широкий содержательный диапазон предложенных к апробации образовательных модулей в условиях дефицита времени при подготовке менеджеров образования не позволяет углубиться в рассмотрение проблем современной системы менеджмента в том объеме, в котором хотелось бы это сделать, ориентируясь на качество и компетентностный подход. Вместе с тем широта тематики позволяет искать новые формы, методы и технологии в организации эффективного обучения и привлекать широкий круг специалистов. На первом этапе создавалась региональная команда преподавателей, тренеров, тьютеров. В ее состав вошли специалисты Министерства образования РК, профессорско-преподавательский состав и менеджеры среднего и высшего звена учреждений профессионального образования (ПетрГУ, Институт повышения квалификации работников образования), как правило, совмещающие научную и практическую деятельность. Таким образом, профессиональная команда формировалась включением в нее специалистов разных уровней управления, реализующих программы повышения квалификации менеджеров образования. Так, начиная с первого этапа реализации проекта апробировалась сетевая платформа взаимодействия его участников по решению проектных задач, что в конечном итоге должно было способствовать вы-

страиванию сетевой межрегиональной модели повышения квалификации кадров управления образованием в регионах СЗФО. Намечались формы и технологии сетевого взаимодействия на базе ПетрГУ по решению общих проектных задач. В течение трех лет к работе в проекте были привлечены более 100 специалистов разного профиля, обладающие уникальными знаниями по ряду стратегических вопросов развития системы образования.

В процессе проектирования рабочего учебного плана подготовки управленческих кадров муниципального уровня «Менеджмент в образовании» были отобраны 9 модулей для разработки 72-часового курса (вечерняя форма обучения). Модули рассматривались как конструктор для разработки модульной образовательной программы, акцент был сделан на региональную составляющую, что позволило выделить уникальный опыт региона, выйти на разработку алгоритма оценки качества проектирования нововведений на уровне муниципалитетов, на региональную программу повышения квалификации менеджеров образования, актуализировать личностные смыслы осваиваемого содержания. В ходе проектирования программ был получен важный опыт анализа региональных систем [2], [4], что в дальнейшем способствовало повышению качества обучения кадров управления образованием других регионов СЗФО.

Таким образом, результаты апробации 9 отобранных модульных программ в курсе «Менеджмент в образовании» позволили выйти на формирование регионального учебного плана и совершенствование представленных в рамках проекта учебно-методических комплексов образовательных модулей с включением региональной тематики и результатов исследований в области образовательного менеджмента ученых ПетрГУ, создали предпосылки для развития обновленной региональной системы повышения квалификации менеджеров системы образования различных уровней. Этот опыт стал важным условием выхода на межрегиональную модель на третьем этапе проекта.

Вместе с тем был выявлен ряд проблем, на решение которых была направлена работа на втором-третьем этапах реализации проекта: поиск адекватных форм подготовки менеджеров образования при их загруженности и отсутствии возможностей подготовки с отрывом от производства; поиск эффективных инновационных методов, технологий обучения управленческих кадров в условиях дефицита времени, необходимости решать качественно новые задачи, отсутствие у 20 % слушателей мотивации повышать квалификацию и реально формировать новые профессиональные компетенции, осваивать новое содержание; отсутствие достаточного количества подготовленных специалистов, готовых обучать

кадры управления образования в новых условиях с ориентацией на инновационные модели образования; необходимость быстрого качественного обновления содержания модульных образовательных программ и др.

В соответствии с условиями проекта на втором этапе (2009) аудитория слушателей была расширена до четырех учебных групп 100 руководителей и специалистов муниципальной и региональной систем управления образованием РК. На этом этапе участники проекта были самостоятельны в разработке учебных планов, содержательном наполнении модулей. Основными принципами проектирования учебных планов в СЗФО стали следующие: ориентация на модель базовых и профессиональных компетенций современного менеджера образования; учет общих тенденций развития образовательных систем, выраженных в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» и в проекте «Концепция долгосрочного развития РФ до 2020 года»; учет результатов апробации модульных образовательных программ на первом этапе реализации проекта и результаты обучения пилотной группы слушателей; учет запроса, потребностей, профессиональных интересов аудитории будущих слушателей; введение региональной составляющей в содержание образовательных модулей; привлечение специалистов-практиков, ученых, топ-менеджеров управления образованием, в том числе из СЗФО; обучение на основе инновационных технологий, в том числе ИКТ; интеграция теоретического и практического обучения; инновационное содержание опережающего характера, содержательная насыщенность, интеграция содержания для аудитории кадров управления образования различного уровня в регионе; нормативно-правовое, учебно-методическое, информационное сопровождение модулей; сетевое взаимодействие в организации подготовки менеджеров.

В связи с необходимостью выхода на новые формы обучения кадров из районных муниципальных округов на этом этапе создавались вариативные учебные планы модульных образовательных курсов «Современный менеджмент в образовании», обновлялись и дополнялись УМК, в том числе нормативно-правовыми, стратегическими документами. В программу были включены активные методы обучения, предусмотрены разнообразные формы самостоятельной работы, консультации со специалистами по интересующим слушателей вопросам управления системой образования на различных уровнях, формы обмена профессиональным опытом слушателей в формате коллоквиумов на практических занятиях и отдельно организованных дискуссионных площадках. Апробировались кейсы, мастер-классы, workshop'ы, ролевые и деловые игры, тренинги, круглые столы, консультирование, дискусси-

онные (проблемные) площадки, выполнение индивидуальных проектов в межсессионный период и в качестве итогового продукта, имитационный тренажер. К каждому из модулей создавалась электронная поддержка в формате пакета учебно-методических материалов с включением лучших зачетных работ слушателей [1], [3].

На втором этапе обязательным элементом модульных образовательных программ стал имитационный тренажер, разработанный специалистами АНХ. Его введение в программы позволило не только разнообразить формы, методы и технологии обучения, но и смоделировать образовательную площадку для подведения итогов и фактической проверки сформированных / обновленных компетенций у слушателей. На этом этапе профессиональная команда была расширена: в нее вошли специалисты в области менеджмента образования СЗФО из РГПУ им. А. И. Герцена, Агентства распространения инноваций в образовании; научные сотрудники Федерального института развития образования. При этом сохранился принцип интеграции специалистов разных уровней управления, ученых, практиков, представителей образовательных площадок, что позволило провести качественную экспертизу образовательных модулей, обновить и дополнить программы региональной и федеральной составляющей, ввести инновационные технологии, формы и методы организации обучения, в более сжатые сроки выйти на создание модели непрерывного образования современного менеджера муниципальных и региональных органов управления образованием. Взаимодействие специалистов разного уровня и ведомств способствовало активизации инновационной составляющей курсов, более глубокому и всестороннему погружению слушателей в проблемы современного менеджмента, укреплению связей для профессиональной интеграции. На втором этапе также апробировались различные формы организации обучения слушателей по программе «Менеджмент в образовании»: очные (вечерние) и очные выездные сессии с дистанционной поддержкой слушателей в межсессионный период, консультирование, в том числе на основе информационно-коммуникационных технологий, выполнение индивидуальных заданий в формате проектов, организации контроля обученности: индивидуальные аналитические задания в форме подготовки докладов, электронных презентаций, публикаций; анализ кейсов, стратегических разработок в рамках направления непосредственной профессиональной деятельности.

В течение всего цикла обучения осуществлялся мониторинг качества через систему зачетных мероприятий по итогам изучения каждого модуля и всего курса в целом; через анкетирование слушателей и членов профессиональной преподавательской команды в процессе проведения

модульных образовательных программ и по итогам курса. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности организации проведения программ с использованием имитационного тренажера. Слушатели и члены преподавательской команды отметили актуальность и значимость содержания курсов для дальнейшей профессиональной деятельности как слушателей, так и преподавателей.

В ходе выполнения второго этапа проекта были отработаны и проанализированы различные модели обучения специалистов разных уровней (муниципальный, региональный), что создало предпосылки для реализации следующего этапа проекта.

На третьем этапе реализации проекта перед рабочей группой стояла задача обучения кадров управления образованием в СЗФО. В качестве аудитории слушателей были выбраны кадры Новгородской и Псковской областей, что обусловлено их лидирующими позициями по итогам реализации Комплексного проекта модернизации и территориальной близостью к Карелии. Акцент был сделан на разработке и апробации дистанционных компонент как одном из условий создания межрегиональной модели повышения квалификации кадров управления образованием в СЗФО. Работа по их наполнению шла параллельно с разработкой серии учебно-методических пособий к модулям.

Апробированные на третьем этапе проекта формы работы со слушателями, такие как выездные сессии с дистанционной поддержкой аудитории в межсессионный период, консультирование, в том числе с использованием возможностей среды Интернет, выполнение индивидуальных и групповых заданий в формате аналитических справок и проектов, организация многоступенчатого контроля обученности и др., были в целом одобрены слушателями. Полученные результаты свидетельствуют об эффективности организации проведения курсов с использованием дистанционных компонент. В ходе обучения апробировалась работа со «смешанной аудиторией» –

в учебные группы включались руководители и специалисты как муниципальных, так и региональных органов управления образованием и представители служб методического обеспечения управленических процессов (Центров и институтов развития образования, повышения квалификации работников образования и т. п.). Эта интеграция была положительно встречена слушателями и давала хорошие образовательные эффекты при групповых формах работы, в том числе при использовании проектных технологий. Помимо личного образовательного результата по итогам реализации программ, связанного с формированием / обновлением комплекса профессиональных компетенций слушателей, в образовательной среде происходило согласование ценностей и целей, формирование и укрепление профессиональных контактов, оформление идей новых инновационных проектов и др.

В ходе выполнения третьего этапа проекта был получен опыт выстраивания модели многовекторной системы непрерывного образования, представляющей собой единство инновационных технологий: экономических, педагогических, организационных [5]. В основе этой модели – изменение подхода к организации взаимодействия с возможными участниками образовательного процесса в системе дополнительного образования, переход от линейной системы взаимодействия к нелинейной.

Подводя итоги трехлетней работы по созданию модели системы непрерывного образования (повышения квалификации) кадров управления образованием в регионах СЗФО на базе ПетрГУ, можно отметить ее инновационный характер, гибкость, открытость, адаптивность, возможность сетевого взаимодействия участников внутри модели, практическое применение. Многовекторная непрерывная система повышения квалификации предполагает активную позицию слушателей, их готовность к обучению и самообразованию с целью повышения качества своей профессиональной деятельности и профессиональных компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная политика в сфере образования и инновационные модели управления образовательным учреждением: Сб. документов и материалов / Авт.-сост. О. Г. Приют, В. Н. Виноградов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 196 с.
2. Государственно-общественное управление в образовании: Сб. нормативно-методических материалов из опыта проектирования инновационных систем управления образованием в Республике Карелия / Авт.-сост. А. В. Михайлов, З. И. Акудович, Ж. Л. Корыт; под общ. ред. Т. И. Агарковой, Е. В. Игнатович. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 164 с.
3. Ко жа н о в А. А., Я л о в и цы н а С. Э. Демографические и миграционные процессы и образование: Учебные материалы. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 80 с.
4. Развитие региональной системы качества образования: Сб. нормативно-методических материалов из опыта проектирования инновационных систем управления образованием в Республике Карелия / Авт.-сост. А. В. Михайлов, И. Г. Груничева; под общ. ред. А. В. Михайлова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 212 с.
5. Управление развитием инновационной образовательной среды: Учебно-методическое пособие / Авт.-сост. Т. И. Агаркова, Е. В. Игнатович. 2-е изд., перераб. и доп. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 156 с.

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА РОЖНЕВА

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет
rozhneva@mail.ru

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАРЕЛИИ

Статья посвящена процессу институционализации гражданского общества в модернизационную эпоху на современном этапе. Исследуется отдельно взятый субъект Северо-Запада России – Республика Карелия. Анализируется деятельность некоммерческих организаций в сравнении с общероссийскими тенденциями. Показывается специфика функционирования институтов гражданского общества на территории республики.

Ключевые слова: Карелия, гражданское общество, политическая модернизация, некоммерческие организации, Общественная палата, общественные объединения

В последнее время можно наблюдать повышенный интерес исследователей к проблематике политической модернизации и к процессу формирования гражданского общества в России. Во многом это вызвано и тем вниманием, которое демонстрирует высшее руководство страны. Звучащие в ежегодных посланиях президента РФ Федеральному собранию акценты на данные вопросы стимулируют обращаться к этим проблемам. Особую актуальность приобретает изучение тенденций становления гражданского общества в конкретных субъектах России, что позволяет проанализировать те проблемы, которые сопровождают данный процесс в регионах.

Следует отметить, что Северо-Запад России всегда отличал особый характер функционирования некоммерческих организаций (НКО). В силу своей ресурсной базы, географического положения, проявляющегося в близости границ и к центру России, Республика Карелия выступает одним из ведущих регионов Северо-Запада. К тому же по своему демографическому составу республика представляет полигэтничный регион, который зачастую сталкивается с теми же проблемами, что и многонациональное государство, каковым является Россия. Согласно ряду исследователей (В. А. Ачкасов [4], А. Г. Глинчикова [5], А. Г. Володин [6], С. М. Воробьев [7], В. А. Куличенко, А. В. Куличенко [9], С. А. Ланцов [10], В. В. Лапкин, И. К. Пантин [11], [15], В. М. Межуев [12], В. Петухов [17]), модернизационные процессы в России протекают в рамках модели догоняющего развития с сохранением своей национальной специфики по сравнению с наиболее развитыми странами Запада. При этом в отдельно взятых национальных субъектах Российской Федерации можно также наблюдать особенности их развития как специфических национальных регионов, пусть и в рамках тенденций общероссийских изменений. Поэтому Карелия выступает интереснейшим исследовательским полем для изучения

деятельности институтов гражданского общества на современном этапе.

Под гражданским обществом будем понимать совокупность общественных институтов, являющихся непосредственными каналами взаимодействия общества и власти, ретрансляторами обоюдонаправленных интересов с целью отставивания и конкретизации собственных позиций, напрямую не включенных в структуру государства и позволяющих гражданам реализовывать свои инициативы через добровольно создаваемые объединения. Политическую модернизацию можно определить как реформационный процесс гражданских ценностей в становлении постиндустриального, информационного общества, включающего в себя четыре «базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благодеяния и массовую коммуникацию» [8].

Исследование институционального среза гражданского общества в Карелии тоже ограничено. За рамками анализа остаются политические партии, так как в последнее время можно наблюдать утрату ими институциональных признаков гражданского общества. Партии в России становятся инструментом, которым умело пользуется бюрократический корпус. В условиях деполитизированности российских граждан «партия власти» берет на себя роль общественных инициатив и административных решений, имеющих государственное значение, и прикрывается эта деятельность идеей общего блага. В данной статье внимание акцентируется на некоммерческих организациях как институтах гражданского общества, выступающих в качестве канала трансляции общественных интересов во власть.

По официальным данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по РК, в Республике Карелии по состоянию на 27.05.2010 зарегистрированы 733 общественных объединения, 190 религиозных организаций, а также

397 иных некоммерческих организаций, на которые распространяется специальный порядок регистрации. Эти данные свидетельствуют об устойчивости функционирования НКО на территории республики и демонстрируют стабильную гражданскую активность: «...на 1000 жителей (исходя из численности населения по данным Всероссийской переписи 2002 года) в Республике Карелия приходится 1,9 некоммерческих организаций, что в целом соответствует среднему показателю по России. Данный показатель в течение последних 3 лет (с учетом изменения специального порядка государственной регистрации некоммерческих организаций) является устойчивым» [14]. Все это в очередной раз доказывает, что деятельность институтов гражданского общества в РК происходит в тех же направлениях, что и в целом по стране. При этом наиболее распространенной формой НКО в Карелии являются общественные объединения (56 %), религиозные организации составляют 14 %, доля иных некоммерческих организаций – 30 %.

Однако следует заметить, что Республика Карелия демонстрирует и собственные специфические особенности как национальный регион Северо-Запада. Многонациональный состав населения республики оказывает влияние на качественный состав НКО. Так, среди общественных объединений почти 5 % составляют отнесенные к категории «национальные объединения», а также национально-культурные автономии, при этом количество таких объединений ежегодно увеличивается (например, число национально-культурных автономий по сравнению с 2008 годом увеличилось в 2 раза); характерное вероисповедание – христианство (более 40 % – православие, 50 % – протестантизм).

Согласно статистическим данным пик гражданской активности, связанной с объединением граждан в негосударственные структуры, пришелся на период с 1998 по 2005 год. За данный промежуток времени было создано более 800 общественных и религиозных объединений. В последующие годы их количество увеличилось незначительно (в пределах 8 % от общего числа) [14]. Скорее всего, пик гражданской активности был связан с теми изменениями, которые произошли в российском законодательстве. Так, согласно федеральным законам «О некоммерческих организациях» (от 12.01.1996 № 7-ФЗ), «Об общественных объединениях» (от 19.05.1995 № 82-ФЗ), «О свободе совести и о религиозных объединениях» (от 26.09.1997 № 125-ФЗ), «О национально-культурной автономии» (от 17.06.1996 № 74-ФЗ) [3], были определены особенности правового положения общественных организаций (объединений), которые могут как регистрироваться в порядке, предусмотренном федеральным законодательством, и приобретать права юридического лица, так и функционировать без государствен-

ной регистрации и приобретения прав юридического лица. К тому же был определен правовой статус религиозных объединений, национально-культурных автономий, государственных корпораций и т. п. Стал более затруднительным порядок ликвидации НКО. Российское законодательство подготовило прочную базу для деятельности некоммерческих организаций. Но поскольку именно в 1998 году наблюдается рост активности НКО, можно считать тяжелейший экономический кризис и дефолт 1998 года одной из его причин. Последствия дефолта серьезно повлияли на развитие страны в целом. Было подорвано доверие населения и иностранных инвесторов к российским банкам и государству, а также к национальной валюте. Разорилось большое количество малых предприятий, лопнули многие банки. Население потеряло значительную часть своих сбережений, упал уровень жизни.

Однако дефолт зачастую приводил к институционализации гражданских позиций посредством негосударственных структур, где увеличивалась возможность отстаивания своих прав. Небольшой рост гражданской активности в последние годы по созданию некоммерческих организаций предположительно был обусловлен более сложным характером создания НКО после 2005 года и изменениями в избирательном законодательстве. Лишение возможности большинства некоммерческих организаций выдвигать своих кандидатов на выборные должности на федеральном уровне нивелировало деятельность по регистрации НКО и стимулировало активизацию деятельности по созданию политических партий, обладающих таким правом. Произошло четкое разделение целевых функций между общественными организациями и партиями, что не могло не отразиться на характере их взаимоотношений как институтов гражданского общества. Наибольшим весом в политическом процессе стали обладать политические партии, поскольку главной целью их деятельности является борьба за обладание государственной властью через механизм выборов.

Вместе с тем на современном этапе «по характеру деятельности среди общественных объединений преобладают объединения по профессиям, в число которых входят профсоюзные организации (17,6 %), спортивные объединения составляют 10,9 %, объединения инвалидов – 5,9 %, объединения по интересам – 5 %, детские и молодежные объединения – 4,5 %, ветеранов – 3,4 %, в социальной сфере – 3,2 %, объединения женщин – 3,2 %, правозащитные – 2 %, объединения в сфере культуры – 1,3 %, объединения в сфере здравоохранения – 1,2 %, общественно-политические – 0,96 %» [14]. Профессиональный срез продолжает демонстрировать высокую активность профсоюзов, что, возможно, вызвано традиционными особенностями их структур и дея-

тельности в стране еще с советских времен. Характер же активности иных некоммерческих организаций определяется спецификой предназначения их организационно-правовых форм. В Карелии широко распространены такие организационно-правовые формы, как учреждения, автономные некоммерческие организации, создаваемые для оказания услуг в различных сферах (прежде всего в образовании – 18 %, культуре – 3,1 %, здравоохранении либо социальной сфере – по 1,3 %), юридические объединения в рамках Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (от 31.05.2002 № 63-ФЗ) [3] – 7 %, предпринимательские союзы и ассоциации – 8 % [14].

НКО служат посредником между государством и населением, организуя публичный диалог по ключевым вопросам развития как страны, так и республики, расширяя самоуправление, утверждая активную гражданственность и ответственность. Проводимая государственная политика содействия институтам гражданского общества является неотъемлемой составной частью демократической модернизации политической системы РК. Институционализация данного процесса выражается в том числе в создании Общественной палаты на территории республики. Несмотря на то что Общественная палата РФ была сформирована в соответствии с Федеральным законом РФ «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 года № 32 [1], в Карелии она функционирует только с июня 2010 года [2]. Данное событие стало итогом кропотливой работы по созданию Общественной палаты РК, первое пленарное заседание которой состоялось 10 июня 2010 года. В повестку дня были включены важнейшие вопросы, от которых зависит дальнейшая эффективная работа высшего общественного органа республики. Так, члены Общественной палаты РК избрали секретаря и заместителя палаты, учредили 7 постоянных комиссий (по вопросам гражданского общества и межнациональным отношениям; соблюдения законности и правопорядка; социального развития; экономического развития и поддержки предпринимательства; сохранения культурного и духовного наследия, развития культуры и искусства; здравоохранения, формирования здорового образа жизни и охраны окружающей среды; образования и науки) и избрали их руководителей. Также были созданы две межкомиссионные рабочие группы: по организации экспертной деятельности, по этике и регламенту [13].

Задачи Общественной палаты Республики Карелии выстраиваются в рамках деятельности Общественной палаты России. Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций, органов государственной власти

Республики Карелии и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, защиты прав и свобод граждан, демократических принципов организации гражданского общества путем привлечения граждан, общественных объединений, НКО к реализации государственной политики в Карелии; выдвижение, разработку, поддержку и реализацию гражданских инициатив, имеющих общереспубликанское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций; проведение общественной экспертизы проектов законов Республики Карелии, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Карелии и органов местного самоуправления; осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти РК и органов местного самоуправления; выработку рекомендаций органам государственной власти республики; оказание информационной и методической поддержки общественным объединениям и иным некоммерческим организациям Республики Карелии [2].

Основными формами деятельности Общественной палаты являются пленарные заседания, заседания совета палаты, постоянных комиссий и рабочих групп [2]. Выступая посредником между органами государственной власти и гражданами, Общественная палата осуществляет сбор, обработку, обобщение информации о гражданских инициативах и доводит их до сведения граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций. Общественная палата организует и проводит гражданские форумы, общественные слушания, конференции, иные мероприятия по актуальным вопросам общественной жизни в РК [2]. Стоит надеяться, что Общественная палата Карелии не приобретет чисто формальный характер, который наблюдается в деятельности ряда НКО на территории республики. Следует заметить, что из десяти субъектов Северо-Запада, где созданы Общественные палаты, в Карелии палата начала свою работу позже всех. Можно сделать вывод о низкой активности институтов гражданского общества в республике, что во многом подтверждается демокративным характером деятельности многих общественных объединений в Карелии.

Вместе с тем наличие многообразия институтов гражданского общества на территории РК свидетельствует о модернизационных изменениях, которые во многом идут в рамках общероссийских тенденций. Однако по большей части они носят формальный характер. Это в очередной раз подтверждает мнение ряда исследователей о том, что гражданское общество в России еще не сложилось – как в государстве в целом, так

и в отдельно взятых регионах, в частности в Карелии. Роль институтов гражданского общества весьма номинальна.

По мнению С. П. Перегудова, «при всей слабости инфраструктуры гражданского общества и его организаций, будь то НКО, членские организации политических партий, местные сообщества, профессиональные организации, – их деятельность и само их существование есть органическая часть сегодняшних общественных отношений» [16; 93]. Перед нами закономерные тенденции развития гражданского общества в модернизационную эпоху со всеми своими сложностями и проблемами. Большинство жителей республики не только не видят смысла в деятельности многообразных общественных объедине-

ний (общественные организации, движения, союзы, религиозные объединения и т. п.), зачастую они даже не знают об их существовании. Данное обстоятельство свидетельствует о недостаточной работе по связям с общественностью самих некоммерческих организаций, что во многом вызвано их слабостью в ресурсном плане, нехваткой финансирования их деятельности. Сама возможность создания НКО и координирующего органа Общественной палаты в Карелии показывает наличие институтов гражданского общества в республике. Однако инициативность самих граждан очень низка, что говорит о слабости модернизационных процессов, протекающих в Карелии, и определяет характер проблем, которые необходимо решать некоммерческому сектору.

ИСТОЧНИКИ

1. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oprf.ru/about/law/418/>
2. Закон Республики Карелия от 18 января 2010 года № 1362-ЗРК «Об Общественной палате Республики Карелия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ladoga-park.ru/a100207000324.html>
3. Нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность некоммерческих организаций // Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minjust.karelia.ru/inf/gos_reg_nekom/4602/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Ачкасов В. А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 3. С. 83–92.
5. Версии: демократия и власть. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс» // Полис. 2008. № 5. С. 55–73.
6. Володин А. Г. Гражданское общество и модернизация в России (Истоки и современная проблематика) // Полис. 2000. № 3. С. 104–116.
7. Воробьев С. М. Гражданское общество и модернизация России // Власть. 2009. № 5. С. 18–21.
8. Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litres.kiev.ua/catalog/8091.html?pgn=24000>
9. Куллинченко В. А., Куллинченко А. В. О духовно-культурных основаниях модернизации России // Полис. 2003. № 2. С. 150–156.
10. Ланцов С. А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. № 3. С. 93–102.
11. Лапкин В. В., Пантин И. К. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России // Полис. 2004. № 1. С. 74–88.
12. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>
13. Начала работу Общественная палата Республики Карелия // Интернет-газета Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izdat.karelia.ru/index.php?newsid=4665>
14. Обзор НКО (на 27.05.2010) // Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minjust.karelia.ru/inf/gos_reg_nekom/4606/4950/
15. Пантин И. К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 4. С. 113–135.
16. Перегудов С. П. Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на полпути? // Полис. 2008. № 1. С. 91–108.
17. Петухов В. Модернизация и перспективы российской демократии // Власть. 2009. № 12. С. 4–8.

ТАТЬЯНА ВАЛЕРИЕВНА ГОРШКОВА

соискатель кафедры истории и политологии общеэкономического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
soc@meria.sbor.ru

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Статья посвящена исследованию развития социальной защиты населения в условиях региона и влияния ее совершенствования на создание условий для существования региональной общности. Анализируется реализация комплекса мер по развитию социальной сферы в регионе (на примере Ленинградской области) в 2010 году.

Ключевые слова: региональная общность, меры социальной поддержки, качество жизни, самодостаточность, территориальная стабилизация, социально незащищенные категории населения

При переходе России на сложный путь рыночных преобразований ранее существовавшие механизмы управления обществом перестали быть эффективными или были утрачены вовсе. Революционное внедрение новых механизмов, открытие Россией своего пространства для глобальной экономики привели к разрушению отдельных социальных институтов, снижению эффективности регулирования происходящими процессами, уничтожению общедоступных ресурсов окружающей среды. Процессы глобализации принесли с собой интеграцию, связывая далекие локальные сообщества, ускоряя их развитие и преобразование, но при этом оказали давление на региональную, культурную идентичность, усилили неравномерность в распределении благ. Чтобы избежать негативных процессов, обострения социальной напряженности, необходимо в первую очередь выделить инструмент познания происходящих процессов, разработать социальную модель управления, которая опирается на систему взаимоотношений человек – территориальная общность – общество и ориентируется на особенности территории и интересы различных групп общности.

Во взаимоотношениях отдельного члена территориальной общности и общности в целом территория взаимодействия может никак организационно не фиксироваться, но все равно пространственные перемещения в ходе взаимодействия не выйдут за пределы некоторого региона [4]. Региональная общность, по мнению Д. В. Доленко, – это специфический тип социально-территориальной общности, «наиболее адекватно воспроизводящий структуру общества и характеризующийся наибольшей степенью организации самой территориальной системы (наличием системы управления, власти)» [2; 13]. Стоит отметить, что территориальную общность поселения, как правило, образуют люди преимущественно одного из видов труда – сельскохозяйственно го либо промышленного, региональная же общ-

ность объединяет все виды общественного разделения труда – и промышленного, и сельскохозяйственного. В этом смысле, справедливо утверждает Д. В. Доленко, региональная общность представляет собой «региональную модель всей общественной системы с теми или иными региональными особенностями» [2; 41–42]. Это единственный из всех типов общностей, который отличается высокой степенью автономности и самодостаточности. Только региональная общность включает в себя все многообразие социальных отношений и взаимодействий, характерных для общества в целом. Вместе с тем региональная общность, будучи включенной в единое политико-экономическое пространство государства, не обладает достаточной автономностью, чтобы стать полноценным обществом, из-за существующей зависимости от политического центра. И. П. Рязанцев характеризует региональную общность как реально существующую и эмпирически фиксируемую совокупность социальных групп и общностей, дислоцированных на территории региона и включенных в систему внутрирегиональных отношений и взаимодействий посредством выполнения специфических социальных, политических, экономических и социокультурных функций, превращающих регион в целостную социально-экономическую систему [3; 175].

По справедливому замечанию Т. Ф. Шубиной, управление социальным развитием в рамках территориальной общности невозможно без учета ее особенностей [6].

Для устойчивого развития государства, как и общности в целом, необходимы непрерывные и длящиеся во времени отношения между обществом и окружающей средой, между социальной системой и территориальными сообществами, между обществом и составляющими его сферами. Одним из главных условий этого является привлечение территориальных общностей к процессу регулирования, поскольку они «создают, управляют и поддерживают экономическую, со-

циальную и экологическую инфраструктуру, помогают разработке и реализации национальной и региональной экологической политики» [1].

В сложившихся условиях появляется необходимость укрепления социальной защиты населения, интенсификации развития всего механизма социального обеспечения и негосударственных институтов социальной поддержки, усиления государственного воздействия на процессы, а также изучения и учета опыта развития социальной природы зарубежных государств. Все это позволит смягчить негативные влияния на уровень и качество жизни территориальных общинностей, повысить ее солидарность и самодостаточность. Указанные обстоятельства предполагают всестороннее и системное изучение уже существующих механизмов социальной защиты населения с целью их развития и совершенствования, обеспечение поддержки особо нуждающихся категорий граждан, входящих в территориальную общность, и, конечно же, исследование форм участия негосударственных структур в оказании социальной помощи и поддержки населению. Актуальность темы обусловлена и тем, что в настоящее время отсутствуют четкие правовые механизмы социальной защиты тех категорий граждан, которые действительно нуждаются в такой поддержке, с учетом территориальных особенностей. Иногда отсутствие ясных представлений о реальном уровне жизни людей приводит к разработке излишне жестко регламентированных правовых процедур и правил оказания гражданам социальной помощи, что, в свою очередь, приводит к уменьшению целевой группы нуждающихся в социальной поддержке.

Наиболее полное представление о складывающейся в отдельном регионе системе социальной защиты как социального института можно получить при исследовании всех взаимосвязанных политических, экономических, социологических и правовых условий, созданных для стабильного существования социально-территориальной общности региона (региональной общности).

Социальная политика в регионе вырабатывается его органами власти при участии органов местного самоуправления с учетом сформированной федеральным центром концепции региональной социальной политики. Для разработки эффективных программ развития региона региональная общность подвергается сканированию, по результатам которого определяются наиболее уязвимые и нуждающиеся в социальной поддержке группы и категории общности, а также их количественные характеристики.

Правительство Ленинградской области проводит в жизнь социальную политику, ориентируясь на приоритеты правительства РФ в этой сфере. В первую очередь это последовательное повышение уровня жизни населения, обеспече-

ние всеобщей доступности основных социальных услуг, обеспечение бюджетного контроля.

Начиная с 2006 года функционирование системы социальной защиты населения Ленинградской области было направлено на совершенствование механизмов и внедрение новых технологий в предоставление мер социальной поддержки отдельным категориям граждан и социальному обслуживанию населения. В целом по региону оказание мер социальной поддержки и социальных выплат, направленных на минимизацию уровня бедности населения, в 2010 году характеризуется следующими показателями: общая численность получателей льгот и социальных грантий составила 524 тыс. граждан (около трети населения региона); установление льготного статуса 20 категориям граждан (осуществляется через органы социальной защиты населения); предоставление 98 видов выплат и более 20 видов мер социальной поддержки. В 2010 году на предоставление мер социальной поддержки, направленных на снижение уровня бедности, израсходовано 221 млн руб.

На сегодняшний день правительство Ленинградской области реализует самое большое количество государственных услуг по сравнению с другими региональными органами исполнительной власти в сфере социальной поддержки населения.

Несмотря на кризисные явления в экономике, публично-нормативные обязательства перед жителями Ленинградской области в 2010 году выполнены в полном объеме. Финансирование сферы социальной защиты населения составило 7020,7 млн руб., доля федерального бюджета – 32,3 % от общего объема финансирования, областного бюджета – 67,7 %. Из общей суммы финансирования 6008 млн руб., или 85,6 %, – это субвенции бюджетам муниципальных образований на выполнение переданных отдельных государственных полномочий. Исполнение бюджета по отрасли составило 99,8 %.

Предоставление мер социальной поддержки и социальных выплат позволило увеличить годовые доходы ветеранов труда, жертв политических репрессий и тружеников тыла на сумму от 5,5 до 24,3 тыс. руб., многодетных семей – в среднем на 31,5 тыс. руб., ветеранов труда Ленинградской области – на 6,6 тыс. руб.

Наиболее массовой группой среди российских бедных являются семьи с несовершеннолетними детьми. Поскольку вопросы демографического развития России позиционируются как пятый национальный проект стратегического характера, тема благосостояния семей с детьми становится особенно актуальной как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных регионов. Так, в Ленинградской области за 2010 год денежные выплаты в виде ежемесячного пособия на детей, ежемесячной компенсации на пи-

тание, государственную социальную помощь получили 83,1 тыс. человек.

На 13 % в сравнении с предыдущим периодом увеличилась доля социально уязвимых групп населения (малоимущих семей, имеющих детей-инвалидов, детей, потерявших кормильца, детей из многодетных семей), получивших государственную социальную помощь. За счет социальных выплат годовой доход малоимущих граждан и семей с детьми увеличился в среднем тоже на 13 %. Доля детей, преодолевших «порог бедности» за счет предоставленных социальных выплат, составила 21 %. Уровень бедности населения в целом снижен на 0,6 %.

Однако принимаемые меры не решают полностью проблемы малообеспеченных семей, особенно неполных и многодетных, имеющих большую иждивенческую нагрузку. Около 24,5 тыс. детей после получения пособий по-прежнему остаются в зоне «черты бедности». Для решения проблемы бедности социально уязвимых категорий семей с детьми в области разрабатывается проект областного закона, предусматривающий доплаты до прожиточного минимума на детей малоимущих родителей, по объективным причинам не имеющих возможности увеличить уровень доходов своей семьи.

Правительство Ленинградской области ведет подготовку к внедрению новых механизмов оказания мер социальной поддержки с учетом определения действительной нуждаемости жителей области и применения дифференцированных подходов.

В борьбе с бедностью важным резервом остается развитие технологий «самообеспечения», то есть содействие активизации собственного потенциала человека в рамках социального контракта. В ряде регионов России эта технология используется при оказании материальной помощи и предполагает предоставление помощи при условии ответных социальных обязательств получателя с целью повышения его ответственности и снижения иждивенческих тенденций.

Сегодня существует необходимость создания режима наибольшего благоприятствования для многодетных семей в регионе, эффективной политики в области семьи и детства в целом. Безусловно, это затратное направление, но результаты оправдывают затраты. Многие регионы, в том числе Ленинградская область, уже работают над этим вопросом.

Решение сложнейшей задачи информационного взаимодействия позволит освободить граждан от необходимости предоставления документов и информации, которые находятся в распоряжении других государственных и муниципальных органов, в органы социальной защиты. Началом этой работы послужит организация служб «Одного окна», а продолжением – проект «Универсальная электронная карта». Предоставление

социального обслуживания семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, – важная составная часть региональной политики в отношении детства в Ленинградской области. Всего в течение 2010 года услугами муниципальных учреждений социального обслуживания воспользовались 36,7 тыс. детей и 25,8 тыс. семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, что составило 83,9 % потребности в данных социальных услугах при выполнении регионального задания в стопроцентном объеме.

В 2010 году сохранилась устойчивая тенденция к снижению численности безнадзорных детей и семей, находящихся в социально опасном положении. В течение года количество безнадзорных детей сократилось с 1468 до 1109 человек, количество семей в социально опасном положении – с 1004 до 571 семьи. Доля безнадзорных детей от общего количества детей в Ленинградской области равна 0,44 %, что значительно ниже общероссийского показателя (2,17 %). Охват семейными формами устройства детей после реабилитации в социальных приютах в 2010 году составил 85,8 % детей.

Услуги по социальной реабилитации получили 7518 детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями, в том числе 2112 детей-инвалидов. Достижению положительных результатов социальной реабилитации способствует организованное учреждениями обучение родителей детей-инвалидов приемам ухода и реабилитации. Приемам ухода за детьми обучены 3633 семьи с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями, в том числе 1753 семьи с детьми-инвалидами. Доля детей-инвалидов, прошедших социальную реабилитацию и имеющих положительные результаты в социальной адаптации, составляет 96 %.

Сегодня в Ленинградской области реализуется комплексный подход к решению проблем семейного неблагополучия и детской безнадзорности и инвалидности. Наряду с коррекционной работой с несовершеннолетними и их родителями активно развиваются превентивные технологии. Это обусловлено тем, что в настоящее время четким ориентиром государственной политики в отношении детей является переход от политики ликвидации последствий, предполагающей стационарные формы обслуживания детей, к политике профилактики трудных жизненных ситуаций, предупреждения изъятия и передачи детей в государственные учреждения.

По итогам 2010 года доля детей, охваченных профилактическими формами социального обслуживания, соответствует уровню 2009 года и составляет 89,1 % от общей численности обслуженных. В семейных воспитательных группах социальную реабилитацию прошли 156 несовершеннолетних. Из числа воспитанников семейных воспитательных групп 21 ребенок устро-

ен в приемные семьи или взят под опеку. Различными формами летнего отдыха, оздоровления и занятости в 2010 году охвачены 6209 детей из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, на эти цели израсходовано 36931,5 тыс. руб.

Перспективным направлением работы с детьми в современных условиях остается внедрение передовых социальных технологий, подтвердивших свою эффективность: технология раннего вмешательства, мультидисциплинарные мобильные бригады, межведомственная служба по предотвращению отказов от детей в родильных домах, сетевая семейная технология.

Приоритетами правительства Ленинградской области в социальной работе с семьями будут являться развитие форм работы с семьями с детьми, направленных на профилактику семейного неблагополучия, социального сиротства, детской инвалидности, внедрение эффективных социальных технологий, дальнейшее развитие межведомственного взаимодействия в интересах детей. Другим не менее важным приоритетом региональной социальной политики является обеспечение защищенной старости. Важным фактором, характеризующим потребность населения в социальных услугах, является старение населения. Доля людей пожилого возраста и инвалидов в составе населения ежегодно растет. В Российской Федерации каждый пятый житель пенсионного возраста, в Ленинградской области – каждый четвертый. Сегодня в регионе проживает более 393 тыс. пенсионеров по старости, из них в возрасте старше 70 лет – 46 %. Старение населения ведет к росту потребностей граждан старшего поколения в социальных услугах. Сегодня по-прежнему наиболее востребованными остаются услуги по постоянному постороннему уходу, которые предоставляются государственными стационарными учреждениями социального обслуживания.

Граждане пожилого возраста и инвалиды в значительной мере формируют устойчивый спрос на социальные услуги разнообразного характера, что требует от правительства Ленинградской области развития системы социального обслуживания, поиска новых технологий и форм работы. Приоритетными здесь являются полустанционарные и нестационарные формы обслуживания.

В 2010 году муниципальными учреждениями обслужено 79,3 тыс. пожилых граждан и инвалидов, региональное задание выполнено на 100 %. Охват пожилых людей и инвалидов социальным обслуживанием в сравнении с 2009 годом вырос и составил 83,0 % от общего количества нуждающихся. Плановое значение доли инвалидов, прошедших социальную реабилитацию и имеющих положительный результат в социальной адаптации, достигнуто и составляет 96,0 %, что соответствует уровню предыдущего периода.

Объем средств, привлеченных учреждениями в качестве платы за социальное обслуживание, увеличился в сравнении с 2009 годом на 10,2 % и составил 48,4 млн руб. В 2010 году была продолжена работа по повышению эффективности предоставления социального обслуживания на дому, увеличения охвата пожилых людей без увеличения штата социальных работников путем внедрения прогрессивных принципов организации труда на основе норм временных затрат на предоставление услуг.

Огромное значение как механизм финансового обеспечения и реализации социальной защиты населения в регионе имеют региональные целевые программы. Программы разрабатываются на основе концепций и комплексных программ социально-экономического развития области с учетом федеральных программ и предложений органов местного самоуправления. Под эффективностью региональных целевых программ чаще всего понимают их социальную эффективность, то есть изменения в уровне доходов, состоянии здоровья и продолжительности жизни, в уровне рождаемости и смертности, образования, безработицы и в иных составляющих уровня и качества жизни населения и т. д.

В 2010 году финансовые средства были направлены на выполнение мероприятий долгосрочных целевых программ «Развитие системы социального обслуживания семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Ленинградской области на 2007–2010 годы» и «Социальная поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов в Ленинградской области на 2009–2010 годы». Реализация данных программ была направлена на улучшение положения семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, создание благоприятных условий для комплексного развития детей, на повышение качества жизни пожилых людей и инвалидов, их общественную интеграцию. Разработка новых и реализация утвержденных региональных целевых программ идет непрерывно. Так, в конце 2010 – начале 2011 года утверждены новые региональные целевые программы: «Социальная поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов в Ленинградской области на 2011–2013 годы», «Дети Ленинградской области на 2011–2013 годы», «Формирование доступной среды для инвалидов на 2011–2013 годы» и др.

Стратегическим направлением правительства Ленинградской области остается модернизация системы социальной защиты населения, повышение качества жизни населения и улучшение социального климата в регионе.

Таким образом, результаты преобразований в конкретных территориальных общностях в значительной мере связаны с особенностями социальной базы реформирования. Процессы интеграции в рамках территориальной общности, уси-

ление внутренних связей зависят от степени удовлетворенности жителей условиями жизнедеятельности, привязанности к месту жительства, осознания своей принадлежности к территориальной общности. Совершенствование системы социальной защиты, направленное на создание территориальной стабилизации населения, изменяет соотношение основных видов территориально ориентированных интересов и поведения населения: сокращаются миграционные намерения, усиливается связь со своим местом жительства и ориентация на изменение жизни на месте собственными силами.

В советский период значение территориальных факторов в развитии государства и общества и управлении ими не просто недооценивалось, но зачастую и вовсе отрицалось: географический детерминизм трактовался как «простое приспособление людей к окружающей природе» [5; 350]. Сегодня существует понимание того, что совершенствование социальных институтов, изучение

влияния их существования и развития на формирование устойчивой территориальной общности предполагает знание пространственных, территориальных взаимоотношений в регионе на межличностном и межгрупповом уровнях, умение учитывать территориальный фактор в решении любых вопросов организации общественной жизни и управления общественными отношениями, глубокое понимание особенностей территории региона, специфического характера распределения производства и населения по территории и протекания миграционных процессов.

Все, что происходит в обществе, все экономические, социальные, политические, культурно-бытовые процессы, многообразные взаимоотношения людей происходят на территории, имеют явно или неявно выраженный (но все равно существующий) пространственный, территориальный аспект, без осознания и учета которого управление государством или регионом не может быть эффективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А и т о в Н. А. Социальное развитие регионов. М.: Мысль, 1985. 220 с.
2. Д о л е н к о Д. В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск: НИИ регионологии, 1993. 100 с.
3. Социология региона: Учеб. пособие. М.: КДУ, 2009. 408 с.
4. Ф и л и п п о в А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45–69.
5. Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1. 744 с.
6. Ш у б и н а Т. Ф. Территориальная общность: Институциализация понятия и концептуальный анализ; на примере Архангельской области: Дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2000. 119 с.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОРНИЕНКО

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)
info@imli.ru

PRO ET CONTRA ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ «ИСКУССТВО ЕСТЬ ПОЗНАНИЕ ЖИЗНИ» КРИТИКОВ «ПЕРЕВАЛА»

В статье предложен новый подход к изучению критики «Перевала». На большом материале периодики 1923–1927 годов анализируются литературно-критические выступления ведущих критиков этого направления, их оценки литературы Серебряного века и русской эмиграции, разрабатываемая А. Воронским концепция «нового реализма».

Ключевые слова: история литературы, литературная критика, «Перевал», ЛЕФ, «На литературном посту», Александр Воронский

Феномен критики «Перевала» как историко-литературной реальности двадцатых активно начал описываться в советской филологической науке с 1960-х годов, тогда же определились и парадигмы описания: борьба Воронского с напостовством и РАППом; эстетические концепции; союз критиков «Перевала» и В. Полонского в борьбе с «упрощением культуры»; критики «Перевала» и М. Горький в борьбе за становление советской литературы. Романтический образ группы кристаллизовался в названии самой обстоятельной и на сегодняшний день монографии Г. А. Белой о критиках этой генерации – «Дон-Кихоты 20-х годов» (1989).

Историко-литературные неточности подходов к «Перевалу» проявились в замалчивании некоторых явлений и очевидных натяжках. Так, к примеру, если Лефу не раз инкриминировался упрощенческий подход к М. Булгакову, то об оценках перевальской критикой творчества Булгакова в 1926–1927 годах, когда развернется со-крушильная кампания уничтожения автора «Белой гвардии» и «Дней Турбина», старались порой даже не упоминать, уходя от анализа истоков сложившейся ситуации. Во многом за бортом исследований оказались перевальские концепции литературы Серебряного века и эмиграции, общие у всех критиков этого лагеря. В прямом смысле как казус смотрится зачисление в «Перевал» Андрея Платонова (под декларацией группы стоит подпись другого А. Платонова – Алексея) (см. [27; 24, 406, 603]), а главное – попытки вывести его эстетику из перевальской. Это при том, что сам Платонов неизменно идентифицировал себя как пролетарского писателя, в 1924 году весьма иронично высказался об эстетической теории Воронского [37; 259–260], а в 1929-м – о «моцартианстве» Д. Горбова (см. предисловие к первой редакции повести «Впрок» [36; 113]). Да и руководители «Красной нови» и «Нового мира» в этот период не заинтересовались одним

из самых органичных произведений писателя – повестью «Сокровенный человек». (Рукопись повести Платонов предлагал в «Красную новь» А. Воронскому и в «Новый мир» В. Полонскому; она будет опубликована в пролетарском издательстве «Молодая гвардия».) В 1924-м Воронский отправляет написанное Платоновым в низовой журнал для массового читателя, нет Платонова в «Красной нови» и «Новом мире» и в 1926–1927 годах, хотя он обращается в оба журнала с просьбой напечатать свои повести, рассказы и даже статью «Фабрика литературы» – для участия в открытой журналами дискуссии «Писатели – о критике». Но сегодня масштаб имени Платонова столь безусловен, что в обстоятельной монографии о Воронском критику приписывается провидческий и дерзкий отзыв якобы о повести Платонова «Сокровенный человек» [20; 200], хотя к этому времени повесть была еще не написана. И т. д. и т. п.

Наши источниковедческие коррективы никак не затрагивают масштаба выполненной А. Воронским и В. Полонским культурной миссии по собиранию литературы советской России. «Иваном Каливой советской литературы» (Полонский о Воронском) был не только Воронский, но и сам Вяч. Полонский. Через «Красную новь» и «Новый мир» прошли практически все писатели, от представителей «внеоктябрьской литературы», «попутчиков» – до пролетарских и лефовцев. Это характерно и для критики, публикуемой в редактируемых Воронским и Полонским журналах. Воронский печатает в «Красной нови» статьи футуристов и лефовцев Асеева, Маяковского, Левидова, Полонский в «Новом мире» и «Печати и революции» – вечно борющегося с ним Асеева, яростного напостовца Лелевича, кузнеца Якубовского и т. д. Противоположные стороны в подобной эстетической широте не замечены. Именно этот фронт критики сыграл в первое советское десятилетие стабилизирующую и защититель-

ную роль литературы как искусства (подробно об этом см. [1]). «Воронский начал с очень резких и решительных статей, но постепенно тон его начал смягчаться. Из прокурора и следователя Воронский превратился в своего рода право-заступника современной литературы...» [43; 289], – писал в 1924 году Б. Эйхенбаум. За борьбу с критиками «На посту», «группы с полицейскими функциями», русская эмиграция многое простит Воронскому, отмечая «художественно-литературный либерализм» его позиции [30; 426] и весомый вклад критика в сохранение русской литературы советской России. Близкий к Воронскому-критику путь эволюции пройдет и В. Полонский, во многом принявший с 1927 года эстафету борьбы с радикальным направлением критики – новым напостовством и «новым» Лефом.

Организационно ни А. Воронский, редактор «Красной нови» и «Прожектора», ни В. Полонский, редактор «Печати и революции» и «Нового мира» (с 1926 года), в группу «Перевал» (она возникает при журнале «Красная новь» в конце 1923 года) не входили, но именно с ними связано становление самого понятия «критика “Перевала”», а с редактируемыми ими журналами – имена критиков, подписавших в 1926 году декларацию группы (Д. Горбов, А. Лежнев, Н. Замошкин, Н. Смирнов, В. Дынник, И. Кубиков, С. Пакентрейгер). Это критики разных тем, различных эстетических пристрастий в выборе своих любимых, менее любимых и нелюбимых писателей, отличных критических и стилистических подходов и решений, да и разного пути в критику и места в ней. Их объединила в группу ожесточенная литературная борьба 1923–1924 годов, в которой они солидаризировались с Воронским и поддержали предложенный им в статье «На перевал» (лето 1923 года) лозунг: «вперед к классикам, к Гоголю, к Толстому, к Щедрину» [5; 337]. На «содержательном» направлении Воронский выдвинул задачу художественного познания жизни, создания героя современности, преодоления бытовизма и освобождения от «областничества» (последний тезис, без ссылки на Воронского, будет востребован в дискуссии о языке русской литературы 1934 года). В качестве формальной стратегии обосновывался «реализм» и «неореализм, своеобразное сочетание романтики, символизма с реализмом» [5; 338]. Близкую формулу несколько позже выдвинет В. Полонский – «романтический реализм» [38; 11].

Одни из базовых у Воронского-критика понятия «органичность» и «живая жизнь» («У них – быт, народ, данное, то, что перед глазами, живая жизнь» [2] – из рецензии 1922 года на альманах «Серапионовы братья») вошли в своеобразный метатекст литературно-критического языка группы «Перевала». Квинтэссенцию перевальского языка являются организационные документы груп-

пы. В группу объединились в 1924 году писатели с дореволюционным стажем (М. Пришвин), пролетарские (В. Казин), комсомольские (М. Голодный, М. Светлов), крестьянские (И. Доронин, В. Наседкин) – «органически связанные с рабоче-крестьянской средой» [33; 3] (из текста «От редакции», открывающего первый сборник «Перевал», 1924; курсив здесь и далее наш. – Н. К.); они выступают за «органическое развитие художника, тесно связанного со своим классом», считают «единственным путем художника органически здорового и восходящего класса – путь углубленного реализма» [27; 408, 409] (докладная записка группы «Перевал» в ЦК РКП, 1925); опираются на «свою органическую принадлежность к революции, в которой большинство из них получило свое общественное воспитание», ставят проблему «необходимости органического сочетания социального заказа со своей творческой индивидуальностью», связывают свою работу с «лучшими достижениями художественной мысли человечества», вносят в повестку литературной жизни вопросы творчества как органического процесса, «революционной совести всякого художника», которая «не позволяет скрывать своего внутреннего мира» [18], [19] (декларация группы, 1926) и т. п. В декларации 1926 года были подведены и некоторые итоги участия «Красной нови» и «Печати и революции» в литературно-критической борьбе первой половины десятилетия с «безответственной критикой» в лице напостовцев и лефовцев.

На страницах сборников «Перевал» (1924–1928) критики было немного, но в целом она отстаивала заявленные в декларациях положения. Воронский печатает (в 4-м сборнике) журналистский фельетон «Пролазы и подхалимы» о тотальном лицемерии в среде якобы коммунистических писателей, где на теме Октября жидают «прохвосты» и «подхалимы» типа напостовца С. Родова, «испытанного борца за коммунизм». На их фоне «сердечный» писатель с его творческими муками и сомнениями, стремлением написать что-то «сердечное» и «совершенное» выглядит бедным Макаром, на которого набрасываются литературные шулеры. Воронский не называет имен, кроме почти эмблематичного Родова, с которым как явлением «родовщины» в это время борются сами пролетарские писатели. Это сдается в том же номере прозаик Н. Зарудин в статье «Музей восковых фигур», посвященной роману «Комиссары» Ю. Либединского. Через анализ стилистики и героев романа одного из столпов пролетарской литературы и критики Зарудин описывает тип вапповского прозаика («ум ленивый, ограниченный, идущий не дальше вызубренной формулы, возводящей ее в догму») и его художественное мышление: «Сложный, иногда катастрофический процесс интуитивно-образного познания окружающего мира заменялся узкой

политической рецептурой. <...> У художника нет чувства, что он – вот, вот нашел свое, последнее, самое главное, без познания чего ему не стоило и рождаться... А потому – нет и стиля, нет личности, нет совершенных сочетаний слов. И, конечно, нет художественной убедительности». Портрет прозаика Либединского выполнен Зарудиным только серыми красками: «вялость и убогость языка»; неряшество, «выпирающее из каждой строчки»; он «не чувствует ни крепости и радости воздуха, ни холода алеющей осины, ни детского облика русского пейзажа»; ведущие «поучительные разговоры» герои-комиссары представляют «паноптикум печальный» с «восковыми фигурами» коммунистов, подернутых «дешевой надсоновщиной» [34; 149–155].

Выдвинутая критиками-перевальцами программа учебы у классиков исходила из общей для них и партийной критики (книга «Литература и революция» Л. Троцкого) оценки литературы начала века как явления крайнего упадка русской литературы, когда в ней взяли верх индивидуалистические школы и направления, поэтому революция рассматривалась ими как великое благо для литературы. «Мучительный перелом в литературной преемственности», утверждал Воронский в итоговой статье «Десятилетие Октября и советская литература» (1927), вернул в литературу с периферии большие темы общественного порядка и навсегда закрыл тему религиозных исканий литературы начала века. Современная литература – реалистична по форме и содержанию, она «не “богоносна”, она атеистическая, языческая литература» [5; 440–441]. Лежнев внесет существенные добавления в концепцию Воронского, утверждая, что «разрыв постепенности» [26; 81] в развитии русской литературы прервал ложный путь, на который она вступила в начале века. Ложный, потому что отступила от заветов «героического периода русской литературы» XIX века, прервала линию выдающегося явления русской классической литературы – реализма. Ложный путь виделся и на формальном уровне: русская литература начала века вторична по отношению к западной, ее главные школы (особенно символизм) – сплошь калька с литературных направлений Запада: «Она стала “европеизироваться”, и кто знает, до какой степени европеизации сумела бы дойти, если бы революция 1917 г. не прервала этот “естественный” процесс»; «Она становилась похожей на среднюю, “нормальную”, стабилизованную европейскую литературу времен упадка: все, как в лучших домах» [26; 84]. Используя любимое понятие перевальцев, резюмируем смысл этой концепции. Получилось, что благодаря именно революции русская литература возвращается на свой – организчный – путь развития.

Как всецело вписанная в парадигму литературы начала века, ушедшей от больших тем, рас-

сматривалась перевальцами критика Е. Замятиной, Серапионов, формалистов. Замятину в вину Воронским ставится «словопоклонничество, увлечение мастерством, формой» у Серапионов [5; 137], формалистам – то, что они «никогда не говорят о содержании» [5; 356], эмоционалистам (имя М. Кузмина, правда, не называется) – ложная идея, что искусство организует эмоции [5; 426]. Если на «левом» фланге для критиков-перевальцев находились напостовцы-рапповцы и лефовцы, то на «правом» (от «правых опасностей» партийной резолюции 1922 года) располагались русская эмиграция, сменовеховский журнал «Россия» и журнал петроградской литературы и критики «Русский современник». По последним двум перевальцы выпустили не одну критическую стрелу. Критика «России» (здесь печатались И. Лежнев, Е. Замятин, А. Белый, О. Мандельштам, М. Кузмин, Я. Браун и др.) – это «собственно не критика, а критический фокстрот», а критики «Русского современника», возглавляемые «почтенным епископом формальной школы Б. Эйхенбаумом», выступают против марксистской критики, не зная ее азов [23; 124]. Публикуемая на страницах журналов художественная продукция «неоригинальна» и «несовременна», «безнадежно мертвa» (речь идет о «Крысолове» Грина, «Записях Ковякина» Леонова, лирике Ахматовой, Мандельштама, Клюева и др.) [23]. Досталось от Лежнева и В. Шкловскому за его книгу «Третья фабрика» (1926): «...позирующий Гамлет из Опояза, готовый через минуту превратиться в самоотверженного Дон-Кихота, жертвуя жизнью за лучшее качество литературного волокна» [25; 83].

Если Лежнев и Полонский обеспечивали борьбу с внутрироссийским «правым флангом», то на русскую эмиграцию перевальцами были выдвинуты не меньшие силы: А. Воронский, Д. Горбов, Н. Смирнов. После чисто журналистских приемов войны с литературой эмиграции в статьях 1921–1922 годов, за которые Воронский удостоился ответной характеристики возглавляемого им журнала – «литературная ЧК» (М. Слоним), критик в 1925-м печатает статью «Советская литература и белая эмиграция», где с нескрываемым раздражением пишет о критике эмиграции, которая «заигрывает» с советскими писателями, перепечатывает их и доказывает, что все значительные явления (Б. Пильняк, М. Зощенко, И. Бабель, Вс. Иванов, Л. Леонов) никак не связаны и идеологией коммунизма, а скорее своим творчеством ей противостоят. У писателей советской России – кризис, парирует Воронский, а в эмиграции даже у реалистов – полный тупик и импотенция. По количеству браны в адрес литературы и критики русской эмиграции перевальцы не уступали напостовцам: «литература уже умершей, окаменевающей старой России»; «черносотенно-погромные статьи» З. Гиппиус и М. Арцыбашева; «отдадим должное врагу» (о рассказе

И. Бунина «Косцы»); «погромная, мстительнейшей злобой пылающая вещь» (о «Солнце мертвых» И. Шмелева); «похоронная книга» К. Бальмонта. В этой же похоронной стилистике выдержана и общая оценка настоящего и будущего литературы русской эмиграции: «Солнце мертвых погружается в вечные воды» [40].

Лозунг «вперед к классикам» вводился перевальцами в тщательно прописанную идеологическую парадигму новой культуры. Поначалу Воронский-критик особо не углублялся ни в проблематику масштаба русской литературы, которым он предлагал своим оппонентам измерять современную литературу, ни в вопросы наследования традиции и ставил их в развернувшейся в 1923 году журнальной полемике с напостовцами чисто журналистскими приемами. Так, он никогда не говорит от своего имени, но только от имени партии, тем самым придавая вопросу об искусстве и наследии государственный статус, а партию позиционирует едва ли не главным собственником и оценщиком классического наследия.

Теоретический инструментарий лозунга учебы у классиков, изложенный в статьях Воронского 1923 года, не отличается особой сложностью и эстетической проработанностью:

«Поэтому-то и Белинский, и Плеханов, и другие наши учителя не уставали твердить, что поэзия есть истина в форме созерцания, что поэт мыслит образами...» [7; 293].

«Прежде всего искусство есть познание жизни. <...> “Поэзия, – писал еще Белинский, – есть истина в форме созерцания. <...> Поэт не украшает действительности, не изображает людей, какими они должны быть, но каковы суть” (из статьи “Горе от ума”). Настоящий поэт, настоящий художник – тот, кто видит идеи...»

«Когда поэт или писатель... не удовлетворен окружающей действительностью, он стремится изобразить не ее, а то, каковой она должна быть; он пытается приоткрыть завесу будущего и показать человека в его идеале. <...> Но это отнюдь не противоречит определению художества как познания жизни...»

«И журнал “Красная новь”, и артель писателей “Круг” поставили своей задачей художественное познание жизни. И в этом их особенность и отличие и от “Лефа”, и от журнала “На посту”, и от многих других изданий» [6; 302, 304, 332].

На очевидную эклектику литературно-критических построений Воронского ему не раз указывали не только его идеологические оппоненты. Воронский действительно пытается наполнить новым содержанием классические эстетические формы, за которыми стояла философия жизни и искусства. Так, эстетика философского реализма В. Белинского, к которому чаще всего апеллирует Воронский, рождена эпохой его гегельянства (тема «Белинский и Гегель» широко освещалась в многочисленных исследованиях этого

десятилетия; в 1923 году вышла книга Г. Плеханова «Белинский. Сборник статей», включавшая статью «Белинский и разумная действительность», посвященную гегельянству критика) и погружением в созданную Гегелем теорию диалектики познания, которая рассматривала искусство как одну из форм познания абсолюта, мирового Духа. Согласно Гегелю, «искусство призвано раскрыть истину в чувственной форме» и оно разрешает высшую задачу только тогда, когда становится одним из способов «сознания и выражения божественного, глубочайших человеческих интересов, всеобъемлющих истин духа» [8; 61, 13–14]. Воронский-критик как огня боится «идеализма», в борьбе с которым он принимал столь активное участие. «Мир развивается не по Шпенглеру, а по Марксу» [5; 295] – звучит как заклинание. Похоже звучит и лозунг «учебы» у русских классиков – из мира Толстого и Пушкина современный писатель не должен выносить «ничего мистического» [5; 360].

Подобным же образом оформляется перевальцами и комплекс толстовских эстетических идей, важных для современной литературы, которая у русских классиков должна учиться: во-первых, умению «синтетически оформлять материал», умению типизировать, «преломлять мир сквозь призму своей индивидуальности», но без всякого индивидуализма [5; 359]; во-вторых, умению «снимать покровы» с действительности, то есть «обнажать жизнь», что невозможно без интуиции, но все это делать в интересах своего класса; в-третьих, пониманию творческого акта, в котором форма неотделима от содержания и диктуется им; в-четвертых, интуитивному пониманию жизни и образа при четкой установке, что в «интуиции нет ничего божественного, мет-эмпирического» [5; 352]; в-пятых, руководствоваться при описании жизни идеалом, но не толстовской «правдой Царствия Божия», потому что «у нас есть свой идеал царствия...» [5; 346].

Краеугольный для русского романа XIX века вопрос об эстетическом и этическом идеале с его христологическим ядром у Достоевского и Толстого формулировался Полонским и Воронским без особой рефлексии: «“Герой нашего времени” идет от Ленина, а не от Толстого, Белинского и Пушкина» [4; 12].

В соответствии с данным сводом литературных заданий для новой литературы Воронским формулируются задачи критики, которая должна: 1) выяснить, в интересах какого класса снимаются покровы с жизни; 2) анализировать, «в какой мере объективно, точно воспроизведена действительность» и «содержательны ли... художественные открытия»; 3) объяснять, «чем объясняется правильность или неправильность, допущенные художником в изображении “реальности жизни”...» [5; 363] и т. п. Система поправок Воронского к «новому реализму», позже почти це-

ликом вошедшая в теорию соцреализма, весьма симптоматична. Допустив в споре с «нашими рационалистами» (напостовской и лефовской критикой) субъективность и интуитивность художника, перевальцы мотивировали высокую – воспитательную – миссию критика, который должен заниматься «переводом произведения с языка интуиции на язык логики» [5; 353], ибо писатель, как тот платоновский «дубъект» («Чевенгур»), художественной аналитикой не обладает, а «слепые интуиции» могут быть ложными и завести его неизвестно куда.

О том, что «вперед к классикам» – это лишь лозунг, можно прочитать в статье А. Луначарского «Наши задачи в области художественной жизни», помещенной в первом, программном номере «Красной нови» (1921). Луначарский, озабоченный в это время состоянием массовых библиотек и подготовкой его ведомством инструкций по изъятию оттуда контрреволюционной литературы, пишет о читателях, но ведь и Воронский предлагает молодым писателям также стать читателями Толстого, Достоевского и Гоголя. У Луначарского же получилось, что и содержание, и форма у русских классиков не совсем безобидная вещь: «...чтение классиков русских и мировых малоподготовленными людьми иногда бывает неплодотворным, подчас даже вредным. Чужой быт, непривычные мысли встречаются здесь на каждом шагу; бывает так, что произведения вроде “Войны и мира” или “Анны Карениной” вызывают в сердцах пролетария только глухое раздражение против бар, не позволяющее ему дочитать книгу. Но бывает и так, что те или другие для нас совершенно неприемлемые идеи, выраженные в чарующей форме и с огромной силой, словом, художественно выявленная идеология чужого класса, – вносят естественный беспорядок в еще не устоявшееся мироизмерение молодого или неопытного читателя» (цит. по [29; 249]).

«Неприемлемые идеи» и элементы «чарующей формы» русской классики и их присутствие в современной литературе доставят немало хлопот перевальцам, когда они от теории и формулировок литературной стратегии переходят к написанию портретов современных писателей – сквозь призму субъективности, интуитивности, «органичности» образа и творческой эволюции. Наиболее просто оказалось с «внеоктябрьским» (по классификации Троцкого) Е. Замятином, чей творческий путь рассматривался под знаменем «утраты» писателем контакта с действительностью, отсюда и получилось, по Воронскому, что Замятин – «рационалист», почти как писатели-напостовцы, только он пишет «художественные памфлеты», а те – агитки. Критика-организатора Воронского естественно не устраивает роман «Мы», потому что это клевета на коммунизм, а формальные достоинства романа («С художе-

ственной стороны роман прекрасен») еще в большей степени увеличивают его вредоносность, ибо дарование «пошло на служение злу делу» [5; 136]. Однако и в анализе творческого пути писателей-попутчиков, не утративших контакта с действительностью, содержание и форма не пребывали, как у классиков, в гармонии, литература типизировала явления действительности, но как-то идеологически неправильно. Таким оказался путь Вс. Иванова к книге «Тайное тайных» (1926), лучшей книге писателя, но, по Воронскому, «Тайное тайных» «не только отрадная, но и печальная книга», ибо Иванов подошел «к “вечным”, к “проклятым” вопросам... и не знает, как сочетать личное с общественным» [5; 118–119]. Подобный же упрек делается Воронским Есенину, А. Толстому, Леонову, Бабелю, Клычкову, также зараженным, по мнению критика, этими «вечными вопросами» русской классической литературы. Полонский напишет об эволюции Вс. Иванова еще жестче: «Тайное тайных» Вс. Иванова показывает не только «реакционных людей», но «суть в том, что он показывает их “реакционно”! Не только герои его сделались носителями упаднической философии, она овладела сознанием самого автора...» [38; 119]. Вспоминал ли Полонский о собственной оценке книги «Тайное тайных», когда записывал в дневнике 1931 года о «перестройке» Вс. Иванова, к которой он его последовательно призывал в 1927–1928 годах: «Эти вещи (речь идет о производственно-колхозных очерках “Из записок бригадира Синицына”. – Н. К.) он выполнял по “социальному заказу”. На “индустриальные темы” – Оставил свой стиль “Тайное тайных”, то есть свою настоящую манеру, и пытался потрафить напостовской критике» [39; 132]?

Худо оказалось с мировоззрением у «необычайно талантливого» Клычкова, чья поэтическая книга «Домашние песни», написанная в лирической фетовской манере, квалифицировалась Воронским как «узкий лирический кругозор» поэта [5; 227], а движение прозаика к третьему роману «Князь тьмы», явно проигрывающему в художественности и «Чертухинскому балакирю», и «Сахарному немцу», поставлено в заслугу – за чисто мировоззренческие подвижки: «Он хоронит в нем патриархальную деревню. Жалеть об этом не приходится» [5; 228].

Все перевальцы писали и о творческом пути А. Толстого, однако в его «радостном реализме» (Воронский) [5; 215] также обнаружились черты неверного понимания писателем русской классики и влияние особенно нелюбимого критиками-коммунистами Гончарова, что сказалось в главном его «завете заветов», испортившем концы всех его произведений – от дореволюционного «Хромого барина», эмигрантских «Хождений по мукам» и «Детства Никиты» до современных «Голубых городов»: «Простые вещи, любовь, жен-

щина, природа, дети – вот в чем ищет Толстой выхода из тупиков. <...> Но выход ли это? <...> Завет заветов Толстого – простая отписка. Эта отписка постоянно ослабляет художественную позицию писателя. Замечательная вещь: романы и повести Толстого занимательны, содержательны, правдивы, а окончания их почти всегда разочаровывают. <...> Отчего это? В окончаниях своих романов, повестей Толстой обычно выражает излюбленный им завет заветов...» [5; 213–214]. В этом высказывании о природе отмеченной Е. Замятиным «концепции» [22; 105] в прозе о современности Воронский-критик как идеолог «органичности» солидаризировался с прозвучавшим мнением критиков-кузнецов. Так, скрывшийся за инициалами Я. Ф. рецензент «Хождений по мукам» и «Похождений Невзорова» писал в 1925 году, что художнику, который вместе со своими героями смотрит на события революции из «окна изящной квартиры» и исповедует как высшую ценность («нетленное») любовь, естественнее, органичнее, а потому логичнее закончить «Хождение по мукам» эмиграцией Даши и Телегина [46; 149–150]. Однако для «критика-организатора» Воронского такой последовательный вывод из перевальской концепции «органичности» был неприемлем. У статьи Воронского о Толстом – не только свое задание, но и свой собственно критический контекст.

Идеологическая статья Воронского об Алексее Толстом 1926 года имеет своим прицелом даже не напостовскую яростную критику самой фигуры графа Толстого, а главным образом «беспечного» (А. Лежнев) в вопросах методологии и идеологии К. Чуковского, одного из постоянных объектов неизменно уничижительной критики Троцкого («Литература и революции») и одновременно автора статьи «Алексей Толстой», опубликованной в «Русском современнике» и, кажется, являющейся последним образцом эстетической критики на страницах советской печати. Чуковский никаких советов Алексею Толстому не давал, писал именно о генезисе художественного мировоззрения и об источниках не принимаемого Воронским «завета заветов писателя». По Чуковскому, Толстой как раз и находится на том не «ложном» пути (если пользоваться терминологией Лежнева) русского классического реализма и «завершает собою вереницу наших усадебных классиков». Эстетикой последних определяется, утверждает Чуковский, и форма, и содержание, и пафос, и уникальность А. Толстого-прозаика: «плавное» повествование, лишенное свойственной современной литературе «неврастенической композиции, с перебоями, сдвигами плоскостей, ежеминутными сюрпризами и словесными выстрелами» [44; 266], центральность темы любви и счастья, а также финалы, для которых критиком найдено тончайшее определение – «шествие к радости» [44; 259].

Противоречия и непоследовательность применения выработанной методологии ощущима и в других портретах писателей, особенно рельефно они проявились в трех статьях Воронского о Есенине, которого он печатал, защищал и, конечно, воспитывал. Показательна статья 1924 года, представляющая первый в советском литературоведении очерк творческого пути Есенина. Статья писалась в качестве предисловия к первому тому прижизненного собрания сочинений Есенина и была адресована не столько поэту (хотя и ему тоже), но главным образом читателю. Счет ошибок, выставленных Воронским в статье «искреннейшему» поэту Есенину, мы затем обнаружим у Н. Бухарина в «Злых заметках». Эти ошибки без ссылок на Воронского будут десятилетиями тиражироваться в монографиях о Есенине в пору его первого возвращения к читателю: «пагубность» религиозных чувств (ранний период); «аполитичность»; крестьянская двойственность; неверное отношение к революции; необходимость принять другую «Инию» – ленинскую; «опасность стихов Есенина», особенно «Москвы кабацкой», против которых читатель должен «поднять знамя за бодрость»; «реакционный романтик»; неспособность Есенина к радикальной переработке своего мировоззрения [4; 173–211] и т. п. Критик-организатор Воронский победил здесь литературного критика. Во многом именно в полемике с этой педагогической статьей Воронского написана статья Б. Эйхенбаума о Есенине (статья никогда не печаталась в СССР). Б. Эйхенбаум, как и все формалисты, не видел Есенина на выстраиваемой ими столбовой дороге русской поэзии, однако, по мнению критика-формалиста, путь Есенина представляет единственный в своей уникальности пример подчинения поэзии той жизни, обнажать которую предлагали критики-перевальцы: «Пресловутое “хулиганство” Есенина, которое, в конце концов, выражалось трогательными лирическими стихами, было выражением напряженного морального чувства. Именно оно привело его от проблемы поэзии и поэтического образа к проблеме личности, судьбы поэта. <...> Граница между жизнью и поэзией стерлась – проблема самой жизни вошла в стихи и стала царить над ними» (цит. по [41; 125]). Немного смягчается Воронский в статье «Об отошедшем», хотя вновь в остатке у критика интуитивный Есенин с его интуитивными образами, поворотом от имажинизма к классике (Пушкину), умением обнажать жизнь, непреложным для перевальцев гуманизмом, «со всей своей непосредственностью и напряжением» [5; 167] оказался вне самого понятия культуры. В последней статье о Есенине, написанной как воспоминание (1926), Воронский фактически деконструирует все главные методологические положения первой статьи, однако в книгу «Литературные типы»

(1927) он включает первую статью. Но это понятно, учитывая развернувшуюся госкампанию борьбы с «есенинщиной».

В писаниях молодого поколения критиков-перевальцев критические дефиниции «органичность» и «искренность» зачастую просто превращались в пустые формулы и использовались в оргцелях. Так, к примеру, без оргконтекста не понять, почему у Пакентрейгера прозаик Пант. Романов, «имитатор классических фигур и мотивов» [31; 86], наделяется «талантом равнодушия», то есть напрочь лишен, по мнению критика, и органичности, и искренности, а поэт Михаил Светлов первом критика превращается в фигуру масштаба Пушкина: «...обладает тонким даром интимизировать самые большие, самые глубокие социальные чувства», «молодой создатель духовных ценностей» [32; 198, 200] и т. п. Ответ на поставленный вопрос на самом деле прост. «Органичность» и «искренность» используются критиком в целях литературной борьбы, ибо Светлов – бывший молодогвардеец, перешел в «Перевал», а никогда не входивший ни в «Перевал», ни тем более в «Молодую гвардию» П. Романов в 1926 году печатает в журнале «Молодая гвардия» рассказы о любви комсомольцев («Без черемухи»), построенные как откровенная деконструкция тематики и поэтики комсомольской поэзии, так и оставшейся близкой перешедшим в «Перевал» поэтам-комсомольцам и их критику. Далее, рассказы П. Романова повысили читаемость журнала среди молодежи и т. п. Воронский, хорошо знавший приемы оргkritики и блистательно ими владевший, попытается несколько скорректировать восторженно-возвышенные оценки Пакентрейгера. Он писал о комсомольской поэзии в пору ее взлета, то есть еще до перехода некоторых комсомольцев в «Перевал» («О группе писателей “Октябрь” и “Молодая Гвардия”», 1924). В доброжелательной, но не хвалебной статье-рецензии 1927 года «На хорошей дороге», посвященной новым книгам М. Светлова и И. Уткина, Воронский отметит все те же комсомольские штампы: «плen романтики Гражданской войны», утрату чувства меры, внешний психологизм («иногда не хватает естественности, непринужденности и простоты в стихе...» [5; 259]).

Погружаясь в сферу проблематики художественного познания, критики-перевальцы вышли к вопросам художественной интуиции, сферы бессознательного в творчестве и самым современным теориям психологизма. Вопросы психоанализа и советской культуры широко обсуждались на страницах «Красной нови» и «Печати и революции». Воронский посвятит фрейдовской теории снов-видений большую статью «Фрейдизм и искусство» (1925). Безусловной заслугой учения Фрейда, считал Воронский, является изучение душевной жизни отдельного человека, в ув-

лечении же психоанализом в современной советской литературе критик видел естественную реакцию на рациональные и утилитарные концепции искусства, а зараженность «идеалистическим» фрейдизмом у пролетарских критиков из Коммунистической академии объяснял слабым знанием марксизма, а также русской и европейской литературы XIX века: «...если, по мнению фрейдистов, к Толстому и Достоевскому необходимо применять психоанализ, то, с другой стороны, Толстой и Достоевский сами пользовались психоанализом. Своебразный психоанализ в искусстве применялся давно до Фрейда. Художники разоблачали и себя, и своих героев. Но их свидетельства далеко не совпадают с учением Фрейда. Несмотря на колоссальную силу интуиции, ни Толстой, ни Достоевский не нашли, что в человеческой психике господствует, по существу, психопатологические сексуальные чувства (эдипов комплекс), или что бессознательные намерения, антиобщественные по своему содержанию покрывают все поле нашего сознания и руководят нашими поступками» [3], [5; 385] (см. также статью [16]). Тот факт, что это был век девятнадцатый, в котором противоречия сознания («Я») и коллективного бессознательного («Оно») разрешались внутри парадигмы религиозного сознания, Воронский предпочитает, как и при обосновании лозунга «учебы» у русских классиков, вовсе не замечать: сознание художника не может быть рабом бессознательного, ибо сознание не только в науке, но и в «интимном» искусстве связано не только с бессознательным, но и с действительностью, средой и ими определяется.

И даже оскопив русскую классику, критики-перевальцы, отвечая на вопрос, за кем идти художнику в познании человека и современности – за психоанализом или психологизмом Толстого и Достоевского, отвечали: за классикой. Там – любовь к человеку, сострадание, жизнь и художественный образ. Так, Д. Горбов бытовой натурализм и внимание к «задворкам» и «отбросам быта», «эстетику грязного и отвратительного» в современной прозе считал следствием падения классического «искусства внутреннего подхода к теме», предполагающего наличие двух традиционных для классической культуры парадигм: «культы художественного слова» и «любовной пристальности» к деталям и мелочам психологии и быта [13; 237–238].

Внимание критиков-перевальцев к сфере бессознательного в жизни и искусстве диктовалось не только литературно-эстетической борьбой, но и самой текущей литературой как пролетарского, так и попутнического крыла. Надо было объяснить тему «большого человека» в современной литературе (название повести популярного прозаика Малашкина), мировоззренческие болезни писателей (нашумевшая статья М. Шагинян «Писатель болен» [45]), волну самоубийств

в литературной среде (молодой поэт-комсомолец Н. Кузнецов, С. Есенин, политкаторжанин прозаик А. Соболь и др.).

Статья Н. Замошкина «К вопросу о творчестве “гениев” и “безумцев”», написанная в развитие полемики Воронского с современными критиками-фрейдистами, посвящена популярной в писательской среде книге психиатра П. И. Карпова «Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники» (1926). Контрапарменты к психиатрическим аналогиям между творчеством «гениев» (художников) и душевнобольных выстраиваются критиком на материале классической и современной литературы. Природа художественной деятельности осталась прежней: душевые переживания являются основой художественной интуиции, но если у больных отсутствует контроль сознания, то сфера создания художественного образа не может быть объяснена лишь доминированием подсознательного: «Делание же художественного произведения протекает всегда в сфере бодрствующего сознания. Чем же иначе объяснить рациональную структуру произведений искусства?» [21; 95]. В качестве примеров «рациональных структур» художественного текста Замошキン берет стихотворение Э. По «Ворон» и поэму С. Есенина «Черный человек», произведения, которые в критике принято, замечает он, считать явлениями аномальными, болезненными и потому фантастическими. Автобиографизм, сердечность и искренность выражения темы «больного человека» у Есенина нужно читать по коду важного для художника подсознательного опыта, но поэму не понять, если не обнаружить, что в ее структуре «непроизвольные крики, почти клинического происхождения» чередуются с мастерски отлityми образами, и уже в экспозиции за заявкой темы болезни («Друг мой, друг мой, / Я очень и очень болен...») следует «страшный, напоминающий скульптурность своего рисунка средневековую химеру, образ» («Голова моя машет ушами, / Как крыльями птица»), но этот образ создан «волею художника», контролирующего сферу бессознательной интуиции сознанием.

В остатке подобного подхода получалось, что «интуитивисты» приходили почти к тому же выводу, что и их оппоненты «рационалисты», с небольшой поправкой на некую европейскую культуру, которая не позволит свалиться в яму бессознательного: «Для успеха в творчестве необходимо самообуздание и длительная тренировка “нутра”, что и достигается контролирующей и организаторской деятельностью сознания. Художник всегда является хозяином своего “подсознания”. Поэтому-то “забвение себя” и означает в некотором роде “начало” писательской деятельности» [21; 97].

Перевальские *pro et contra* темы бессознательного в искусстве приходятся на 1925–1927 годы

и проецируются на их полемику с рапповскими и лефовскими концепциями, поэтому как только на левом фронте обозначался тот или иной радикальный выпад в сторону перевальской концепции искусства как образного познания жизни, следовала акцентация той или иной стороны дилеммы сознательного-бессознательного, рационального-интуитивного. Так, в 1927 году Воронский уже советует современным писателям учиться реализму не только у Толстого, но и у интуитивиста Пруста, в творчестве которого выходы за пределы нормального зрения контролируются культурностью писателя (статья «Марсель Пруст (К вопросу о психологии творчества)»), и даже признает в качестве одного из учителей Андрея Белого, с мистицизмом которого и влиянием на попутнический молодняк он так яростно сражался в начале десятилетия. В статье «Андрей Белый (Мраморный гром)» Воронский объясняет, почему вдруг стал «недостаточен и скучен реализм доброго старого времени», и заключает: «...реализм Толстого, Тургенева требует существеннейших поправок, изменений и дополнений». Все дело оказывается в самой действительности, где идет переустройство старого быта и «где старое ведет с новым гигантскую и неустанную борьбу». Для современного бытописательства традиции классики не годились, но допускался Андрей Белый, правда, без его субъективного символизма: «Новый реализм должен восстановить нам мир во всей его независимости от нас, в его прочной данности, — но вместе с тем он должен уметь применить с успехом и заостренную манеру письма импрессионистов, модернистов и символистов. Только таким нам мыслится новый реализм. Значение Андрея Белого здесь очевидно» [5; 253].

Наиболее последовательным в разработке вопросов эстетики интуитивизма и эстетического идеала современной литературы был Д. Горбов, который к концу 1927 года придет к весьма схожей с серапионовской теории о моцартианских началах художественного творчества. Горбов был профессиональным филологом (в 1917-м окончил историко-филологический факультет Московского университета), в 1920 году вступил в партию. Он писал стихи, некоторые из них даже публиковал в советской печати [10] и в эмигрантской «Накануне». Это тихая лирика любви и созерцания мира, открывающая эстетические пристрастия будущего критика, воспитанного на Фете и не чуждого поэтическим исканиям Серебряного века:

Сады земные тесны нам.
Любовь скорбит о неизвестном.
Пойдем бродить по облакам,
Ликующим и бестелесным [9].

Как и положено критику-марксисту нэпа, Горбов отметил на фронте борьбы с «правыми опасностями». В рецензии на литературно-московский сборник «Феникс» он выразился весьма

жестко об опубликованных на его страницах статьях русских философов Л. Карсавина, П. Флоренского и Б. Вышеславцева – «российских корректорах шпенглеризма», которые заводят культуру в тупики идеализма, ложно понятой идеи свободы, «средневековой схоластики и богословия» [11]. Путь литературы и критики Серебряного века Горбов считал тупиком «интеллигентской культуры» и исчерпаным: «Индивидуализм, упадничество, кокетничанье самодовлеющей “красотой” переживания или литературной формы, – все то, что хотело бы оскалить зубы, но, за неимением их, ввиду старческого одряхления, ограничивалось высовыванием языка со страниц Ильи Эренбурга, “Русского современника”, “России”, – все это как будто отошло в прошлое» [12; 130], – писал Горбов в 1925 году в статье «Итоги литературного года», являющейся своеобразной квинтэссенцией его концепции советского литературного процесса. Как и все критики-марксисты этой генерации, Горбов был центристом, считал, что, в отличие от критики, литература и попутчиков, и пролетарских писателей развивается в едином направлении, у нее есть свои нелитературные главные темы, это темы жизни самой страны (революция и Гражданская война, взаимоотношение города и деревни, трудового подъема), и именно они формируют общее лицо советской литературы как литературы реалистической в своей основе, литературы «большого стиля» [12; 131]. К последней он относил произведения, «охватывающие все коренные наболевшие вопросы, причем автор берет их не внешне-описательным изображением, но, став как бы в сердцевину эпохи и выведя ее больные вопросы и противоречия из себя (или включив их в себя), дает им типическое воплощение в ряде законченных, объективированно-выпуклых, живущих своею собственной жизнью образов и отнюдь не играющих роль бытовых подробностей только образов...» [12; 130–131]. Победой пролетарской литературы на этом направлении он называет «Цемент» Гладкова, в котором тема хозяйственного возрождения страны переведена во внутренний план и раскрывает «внутреннюю трагедию общественного человека» [12; 131], и роман «Барсуки» попутчика Леонова. Главным недостатком же яростного оппонента Воронского прозаика Либединского считает даже не слабый изобразительный дар (об этом напишет Зарудин), а «жизнебоязнь», «известную боязнь автора перед жизнью жизнью». Он советует Либединскому-художнику извлекать художественные обобщения не из книжных источников, а из жизни – «из нее одной» [12; 137–138]. Схожий совет он дает и Бабелю – писателю «острого художественного взгляда на детали внешнего мира и мира внутреннего», однако застывшего в «броне экспрессионизма и эстетики», которые стесняют путь прозаика: «Путь реализма – от жизни к искус-

ству. Но Бабель всегда идет от искусства к жизни. Первое у него является приматом над вторым» [12; 141]. Вписав и другие произведения в концепцию советского литературного процесса (анализируются «Экзотические рассказы» Вс. Иванова, «Сахарный немец» Клычкова, «Машины и волки» Б. Пильняка, рассказы Л. Сейфуллиной и К. Федина), Горбов останавливается перед «Белой гвардией» и «Роковыми яйцами» Булгакова, не находя им места в советской литературе: «инородное тело» [12; 147]. Горбов – переводец, для него неприемлемы напостовские ярлыки: «Мы далеки от того, чтобы видеть в произведениях Булгакова осознанную и выраженную в прикровенной форме контрреволюцию» [12; 147]. Горбовское решение булгаковского вопроса вполне вписывается в перевальскую (и партийную) концепцию воспитательных задач критики, опробованной Воронским при «осовечивании» Серапионов. Как только Булгаков перестанет смотреть на современность глазами Николки Турбина, уверен критик, он «более спокойно» начнет относиться к происходящему в советской России: «Это дает нам возможность надеяться, что дарование М. Булгакова рано или поздно определится, примкнет к жизни подлинной России, пережившей Октябрь, и ему уже не придется рядить неопределенность своей идеологии...» [12; 148]. Но где же главный порок молодого и еще «идеологически неоформленного» Булгакова, чтение которого доставило критику, по его признанию, «большое художественное наслаждение» [12; 148]?

В ответе на этот вопрос появляется у Горбова ключевое понятие, отрицание которого и привело его в 1928-м к мифической Галатее: «Не иначе как тут притаилась тенденция» [12; 147].

Своебразной лабораторией, где Горбовым разрабатывались базовые идеи его будущей книги «Поиски Галатеи», стали статьи о русской литературе эмиграции: «Мертвая красота и живущее безобразие» (1926) и «10 лет литературы за рубежом» (1927). В этих, как не раз отмечалось Г. Белой, «глубоко несправедливых в отношении эмиграции» статьях, сквозной оставалась базовая перевальская оппозиция «тенденциозности» / «органичности» искусства. Правда, если в цитированной выше статье 1925 года вопрос тенденциозности поставлен в связи с Булгаковым, в статье «В поисках темы» (1926) «тенденциозность» как «гипноз обобщения при отрыве от живой жизни» всецело ассоциируется с пролетарским направлением [13; 240], то в статьях об эмиграции – с писателями радикально иной идеологии. Но главным остается все тот же вопрос и последовательная установка на «органичность» как главный признак «подлинного искусства, свободного от внехудожественных пристрастий, мелкой злобы, личной заинтересованности и мудро владеющего своими средствами» [14; 235], «органического мироощущения писателя, которое

в одном случае включает его в эпоху, в другом – изолирует его» [15; 10]. Иван Бунин для Горбова остается «художником первой величины» [14; 239], несмотря на все свои антисоветские памфлеты, ибо он художник и в творчестве «далек от злобы дня» [14; 235]: «К чести Бунина надо сказать, что он предпочитает все же выносить свои злобные излияния на революцию за скобки художественного творчества, компенсируя себя за это воздержание совершенно изуверскими публицистическими выступлениями. Фельетон и статья под его пером превращаются в подлинные жертвы его общественного темперамента. Зато «магический кристалл» художественного творчества, за редкими указанными исключениями, остается незамутненным» [15; 12]. В творчестве же Мережковского «задняя мысль реакционного публициста, бесцеремонно оттирающего в Мережковском художника, вытравляет из его романа (речь идет о романе «Мессия». – Н. К.) последние признаки искусства и сообщает мертвящий налет его художественной работе, и без того имеющей пагубную склонность к резонерскому ходку» [14; 240]. При разработке эстетической оппозиции «органичности» – тенденциозности литературы Горбов доходит до крамолы, немыслимой в его статьях о советской литературе: неприятие писателями эмиграции революции – «признак несущественный» [15; 11]; материал, взятый художником, «по существу безразличен» и «не может характеризовать художника ни положительно, ни отрицательно» [15; 24]; «Нам совершенно нет дела до того, что М. Цветаева не желает изображать в своих поэмах борьбу на баррикадах» [15; 24]; «Мы можем пренебречь политическими взглядами М. Цветаевой» [15; 25]; «Можно без баррикад и кожаных курток. Заводы тоже отнюдь не обязательны. Не обязательен даже быть» [15; 25] и т. п. И вывод: «Всюду, где побеждает философская или политическая тенденция, – эти в большинстве своем маститые писатели (речь идет о реалистах. – Н. К.) бессильны скрыть грубую тенденциозность в цветах велепленного и льстивого красноречия» [15; 11].

Погрузив «магический кристалл» образного познания жизни практически в экзистенциальный тупик, Д. Горбов оказался своей методоло-

гией близок не столько «органической критике» Ап. Григорьева, как о том принято писать, сколько социологической критике В. Переверзева, также в литературно-критических спорах первой половины 1920-х годов более близкой позиции «Красной нови» и «Печати и революции», чем на «На посту» и «Лефа» [35].

Постулируя в качестве едва ли не главного в полемике с эмиграцией и «внутренними эмигрантами» тезис о том, что новая литература советской России – это литература «русского демоса» (А. Воронский), критики «Перевала» к излету первого советского десятилетия выступили едва ли не самыми последовательными оппонентами этой самой литературы. Об опасности формирования новой богемы в 1927 году пишут В. Полонский, А. Воронский, А. Лежнев; на эту тему рассуждают и не имеющие еще никаких критических заслуг С. Пакентрейгер и Б. Губер, также оперирующие лозунгами культуры и качества. С позиций этой мифической культурности Б. Губер обращается к начинающим пролетарским писателям, советует «новоиспеченным писателям», введенным недобросовестной критикой в ранг «пролетарских Гоголя и Чехова», не торопиться в профессиональные литераторы: «Ни в коем случае нельзя отрываться от производства и среды или тем паче строить свое материальное положение на литературном труде» [17; 163–164]. Эта дань отчасти троцкизму весьма сузила платформу литературной дискуссии с оппонентами и привела к раздорам в среде «Перевала», где объединились писатели, не имеющие никакого «органического» родства – ни мировоззренческого, ни эстетического, ни дружеского (в сравнении с Серапионами). Уже в 1928 году «органичный» И. Уткин пишет статью-донос на «органичного» А. Веселого, по которому в 1929-м принимается специальное постановление ЦК, и т. п.

Поучаствовав в едином фронте разгрома всех прежних метафизических основ русской литературы, срубив «под корень» (Д. Горбов) литературу внешней и внутренней эмиграции, критики-перевальцы оказались к концу 1927 года один на один с оппонентами, никогда не отказывавшимися от «тенденциозности» искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 395 с.
2. Воронский А. Серапионовы братья: Альманах первый. Алконост. Петербург. 1922 г. Стр. 125 / Петербургский альманах. Книга первая. Изд. Гржебина. Петербург-Берлин. 1922 г. Стр. 234 // Красная новь. 1922. № 3. С. 265–268.
3. Воронский А. Фрейдизм и искусство // Красная новь. 1922. № 7. С. 241–262.
4. Воронский А. Литературные типы. М.: Артель писателей «Круг», 1927. 269 с.
5. Воронский А. Избранные статьи о литературе / Сост. Г. А. Воронская. М.: Худож. лит., 1982. 527 с.
6. Воронский А. Искусство как познание жизни и современность (К вопросу о наших литературных разногласиях) [1923] // Воронский А. Избранные статьи о литературе / Сост. Г. А. Воронская. М.: Худож. лит., 1982. С. 300–333.
7. Воронский А. О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях) [1923] // Воронский А. Избранные статьи о литературе / Сост. Г. А. Воронская. М.: Худож. лит., 1982. С. 290–300.
8. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1969.

9. Г о р б о в Д. По облакам // Накануне. Литературное приложение. 1922. № 22. 15 окт.
10. Г о р б о в Д. «Ритмы свои, художник...» // Красная нива. 1923. № 45. С. 6.
11. Г о р б о в Д. «Феникс». Сборник художественно-литературный, научный и философский. Изд-ство «Костры». М. 1922. Стр. 190 // Печать и революция. 1923. № 2. С. 227–230.
12. Г о р б о в Д. Итоги литературного года // Новый мир. 1925. № 10.
13. Г о р б о в Д. В поисках темы // Красная новь. 1926. № 12. С. 234–242.
14. Г о р б о в Д. Мертвая красота и живущее безобразие // Красная новь. 1926. № 7. С. 234–245.
15. Г о р б о в Д. 10 лет литературы за рубежом // Печать и революция. 1927. № 8. С. 9–35.
16. Г р и г о р' е в И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // Красная новь. 1925. № 7.
17. Г у б е р Б. О быте и нравах советского Передовника // Перевал. Сборник IV. М.; Л., 1926.
18. Декларация Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» // Красная новь. 1927. № 2.
19. Декларация Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» // Красная новь. 1937. № 2. С. 232–233.
20. Д и н е р ш т е й н Е. А. К. Воронский: в поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 360 с.
21. З а м о ш к и н Н. К вопросу о творчестве «гениев» и «безумцев» // Печать и революция. 1927. № 5.
22. З а м я т и н Е. О сегодняшнем и современном [1924] // Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и comment. А. Ю. Галушкина. М.: Наследие, 1999.
23. Л е ж н е в А. Заметки о журналах. 1. На правом фланге (О журналах «Россия» и «Русский современник») // Печать и революция. 1924. № 6. С. 123–130.
24. Л е ж н е в А. «Русский современник». Литературно-художественный журнал. № 1. Л.-М., 1924 г. // Красная новь. 1924. № 4.
25. Л е ж н е в А. Три книги (С. Клычков, В. Шкловский, Ив. Евдокимов) // Печать и революция. 1926. № 8. С. 80–85.
26. Л е ж н е в А. Художественная литература // Печать и революция. 1927. № 7. С. 81–118.
27. Л и т е р а т у р н ы е манифесты от символизма до наших дней / Сост. и предисловие С. Б. Джимбикова. М.: XXI век – Согласие, 2000. 606 с.
28. Л у н а ч а р с к и й А. Чем может быть А. П. Чехов для нас // Печать и революция. 1924. № 4.
29. Л у н а ч а р с к и й А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1964.
30. О с о р г и н М. Российские журналы // Современные записки. XXII. Париж, 1924.
31. П а к е н т р е й г е р С. Талант равнодушия (Пант. Романов) // Печать и революция. 1926. № 8.
32. П а к е н т р е й г е р С. Лирика ума (М. Светлов) // Новый мир. 1927. № 10.
33. Перевал. Сборник № 1 / Под ред. А. Веселого, А. Воронского, М. Голодного, В. Казина. М., 1924.
34. Перевал. Сборник IV. М.; Л., 1926.
35. П е р е в е р з е в В. Ф. На фронтах текущей беллетристики // Печать и революция. 1924. № 4. С. 127–133.
36. П л а т о н о в А. Впрок // Новый мир. 1993. № 4.
37. П л а т о н о в А. Сочинения. Т. 1. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 512 с.
38. П о л о н с к и й В. О литературе. Избранные статьи. М.: Сов. писатель, 1988. 496 с.
39. П о л о н с к и й В. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник // Новый мир. 2008. № 4. С. 125–142.
40. С м и р н о в Н. Солнце мертвых (Заметки об эмигрантской литературе) // Красная новь. 1924. № 3. С. 251–266.
41. С у б б о т и н С. Борис Эйхенбаум о Сергее Есенине в 1926–1927 годах // Revue des Etudes slaves. Paris, 1995.
42. Э й д и н о в а В. О Вячеславе Полонском // Полонский В. О литературе. Избранные статьи. М., 1988. С. 3–28.
43. Э й х е н б а у м Б. В ожидании литературы // Русский современник. 1924. № 1.
44. Ч у к о в с к и й К. Портреты современных писателей: Алексей Толстой // Русский современник. 1924. № 1. С. 253–271.
45. Ш а г и н я н М. Писатель болен // Россия. 1925. № 5.
46. Я. Ф. Алексей Толстой. «Хождение по мукам». Роман (первая часть трилогии). Кн. I и II. Издание автора. Л. 1925 г. Стр. 126 плюс 198 / «Похождения Невзорова, или Ибикус». Пов. Гиз. Л.-М. 1925 г. Стр. 167 // Новый мир. 1925. № 11. С. 149–150.

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавских языков филологического факультета, Петрозаводский государственный университет

natshar@mail.ru

ОНЕЙРОСФЕРА РОМАНА «ПЕТЕРБУРГ» АНДРЕЯ БЕЛОГО (миф о жизнетворчестве)

В данной статье рассмотрена онейросфера (сновидения, галлюцинации, видения героев) романа Андрея Белого «Петербург» (1913). Выявлены сюжетообразующая, мифопоэтическая и символическая функции сновидений. Для истолкования онейросферы романа привлечен методологический инструментарий аналитической психологии К.-Г. Юнга, антропософского учения Р. Штайнера, теории мифа М. Элиаде. В качестве синонимов употребляются понятия «сон» как физиологическое состояние человека и «сновидение» как его продукт. В онейросфере романа реализуется символистский миф о жизнетворчестве.

Ключевые слова: Андрей Белый, онейропоэтика, онейросфера, сновидение, роман «Петербург»

Сновидение как феномен человеческой психической жизни, как предсказание будущего (Сократ), как «специфическое выражение бессознательного» [27; 22], как «нереальная реальность» [14; 125] привлекает к себе внимание мыслителей, ученых и писателей с глубокой древности до наших дней. Для архаичного человека сновидение было пространством, «подобно реальному», но «одновременно реальностью не являвшимся» [14; 125]. Сон аккумулирует коллективный (генетический) опыт человечества. К.-Г. Юнг выявил способность человека к «генерированию символов» и особую роль сновидений «в их изъявлении» [27; 42]. С. С. Аверинцев подчеркивает, что архетипы К.-Г. Юнга (первичные схемы образов, воспроизведимые бессознательно) могут быть выявлены «в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства, в снах и бредовых фантазиях» [17; 110].

М. Юнггрен связывает мировоззрения мыслителей через категорию мифа: «И Белый, и Юнг подчеркивали основополагающее значение и общенееческие корни Мифа» [29; 6]. К.-Г. Юнг делает вывод, повлиявший на всю теорию сновидений: «Многие сны являются образами и ассоциаций, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам» [27; 42].

Сновидение обладает особым кодированным языком, порой непонятным и самому сновидцу. Язык сна «индивидуален», «повыщенно семиотичен», это «язык для одного человека» [14; 126]. Соглашаясь с установками Ю. М. Лотмана, возьмем на себя смелость истолковать сны главных героев романа А. Белого «Петербург» в контексте построения мифа о жизнетворчестве. Сновидения в художественном мире Андрея Белого привлекали внимание исследователей (Л. К. Долгополов, В. М. Пискунов, О. Мюллер-Кук, Д. М. Магомедова, Ш. Кастеллано, М. Юнггрен, Г. В. Недефьев, Н. А. Нагорная, О. В. Федунина).

Роман «Петербург» (1913) стал уже в сознании читателей и критиков своего рода эмблемой и квинтэссенцией философских, эстетических, антропософских и литературно-экспериментаторских интенций Андрея Белого.

Петербург Андрея Белого – отражение балансирующего сознания, пребывающего на грани двух реальностей (материальной и сновидческой, земной и водной, телесной и астральной).

Онейросфера «Петербурга» вбирает в себя и сновидения (Аблеухов-отец, Аблеухов-сын), и галлюцинации (революционер-террорист А. И. Дудкин), и состояния бреда, визионерства (Николай Аблеухов). Сон в романе «Петербург» является средством выхода в другую необъектную реальность («второе пространство сенатора» [2; 137], «сон-видение над бомбой» сына сенатора). «Второе пространство» – художественный сновидческий образ «астрального мира», особый тип сознания (Р. Штайнер), «пространство человеческого сознания» [20; 134]. Русский философ Н. А. Бердяев назвал «Петербург» «астральным романом»: «А. Белый погружает человека в космическую безмерность, отдает его на растерзание космических вихрей. <...> Раскрывается астральный мир» [3; 416].

Отхождение ко сну сенатора А. А. Аблеухова подано странным образом: «раскрылось вдруг темя» [2; 138], а из него вытекает «коридор» как «бесконечное продолжение самой головы» «в неизмеримость» [2; 138]. Через этот «коридор» («кло-кочущий крутень» [2; 138]) сознание героя и устремляется в другое – сновидческое (астральное) «второе пространство». Аполлон Аполлонович во сне влетел звездой, «высвистнул сознание». Сон сенатора подан в тексте как измененное состояние сознания. Погружение в онейросферу вызывает у героя видения «странных токов»: «блики, блески, туманные, радужно заплясавшие пятна», которые «заволакивали в сумраке преде-

лы материальных пространств» [2; 137], «словом: вселенная странностей» [2; 138]. Н. А. Нагорная связывает этот сверкающий мир геометрических фигур, возникающий в сознании героя в момент засыпания, с «медитациями-визуализациями» «на цвет, свет, звук, символы креста, круга» [18; 98]. Функция зрения отдана в этом состоянии не глазам, а мозгу героя («будто смотрит он не глазами, а центром самой головы» [2; 138]). Повествователь фиксирует узловый момент перехода от восприятия себя как физического тела к чистому сознанию. Герой не ощущает более опоры, силы тяготения: «повис над безвременной пустотой», а сама кровать «стояла, так сказать, на неведомом» [2; 138].

Нarrативная техника в сцене сновидения сенатора усложняется: автор воспроизводит своего рода «двойной сон» [2; 141] (или сон во сне). Герою кажется, что он проснулся, но все события (разглядывание себя в зеркале, встреча с Монголом) принадлежат сновидческому миру. Герой слышит «цоканье быстро бивших копытец» [2; 138] – в действительности это вернулся домой сын, Николай Аблеухов, – и направляется в зеркальную залу. Зеркало в искусстве – предмет повышенной семиотичности. Способность зеркала удваивать мир, создавать обратное («наоборотное») пространство привлекало к себе писателей, поэтов, философов, культурологов [7]. Зеркало, в которое в сновиденииглядывается Аполлон Аполлонович, связывает его с сыном (Монгол имеет лицо Николая Аполлоновича): «...там какой-то толстый монгол с физиономией, виданной Аполлоном Аполлоновичем в его бытность в Токио (Аполлон Аполлонович был однажды послан в Токио) – там какой-то толстый монгол присваивал себе физиономию Николая Аполлоновича – присваивал, говорю я, потому что это был не Николай Аполлонович, а просто монгол, виданный уж в Токио; тем не менее физиономия его была физиономией Николая Аполлоновича» [2; 139]. Онейрический образ пребывает в сфере модальности, взаимоперехода (толстый монгол, Николай Аполлонович, реальный монгол, виденный в Токио). Сновидческий Монгол (Николай Аполлонович) разбивает упорядоченный космос отца, выстроенный по законам прямых линий и циркуляров² («Уже нет теперь ни параграфов, ни правил!» [2; 140]), ввергает его в мир хаотической бесформенности. Переход от встречи с монголом-сыном к высшему (астральному) пространству передан в тексте графически (пропуск строки с пунктирами). Тем самым автор визуально прочерчивает границу между двумя реальностями. В астральном мире, в котором оказался герой, нет чувства телесности: Аполлон Аполлонович, «лишенный самого ощущения тела», превратился «лишь в зрение и слух» [2; 140]. Герой переживает «выход из тела», «ветер высвистнул сознание» [2; 140], и... Аполлон Апол-

лонович «вылетел через круглую брешь в синеву, в темноту, златопёрай звездою» [2; 140]. Сознание героя погружается в первородный Хаос, и нарратор воссоздает картину зарождения сознания: «Мгновение не было ничего: был до-временный мрак; и в мраке роилось сознание – не какое-нибудь иное, например мировое, а сознание совершенно простое: сознание Аполлона Аполлоновича» [2; 140].

Конец «астрального путешествия» знаменует собой возвращение сознания в физическое тело. «У сознания открылись глаза» [2; 140], оно «увидело» физическое тело, в котором обитало. Причем восприятие формы, конфигурации тела приходит не сразу, да и сама телесность, в которую предстоит опускаться сознанию, «дурно пахнет» (тело при первом приближении напоминало «ванну», «до краев налитую липкою и вонючею скверною» [2; 140]). И только затем возникает образ «желтого старичка» [2; 140] – носителя сознания, Аполлона Аполлоновича.

Особая роль в описании сновидения сенатора Аблеухова отведена повествователю, который вторгается в сновидческое пространство Аполлона Аполлоновича, дает оккультный (антропософский) комментарий. «Сон (скажем мы от себя) – путешествие» [2; 137]. Выход в онейросферу разламывает «плоскость сознания» (В. М. Пискунов), делает сквозным художественное пространство романа, усложняет и обновляет нарративную технику.

Л. К. Долгополов подчеркивал двойственность авторской позиции, «ее открытую двуплановость» [6; 77]. Повествователь наделен особым «всезнанием», он провидец, причем «не только истории их жизни», но и «праистории» – предшествующие реинкарнации героев, «генетические и даже космогонические связи» [6; 77]. Так, герой во сне переживает свои прежние воплощения: «...рушился материк Атлантиды: Николай Аполлонович, Атлант, был развратным чудовищем (земля под ним не держалась – опустилась под воды)» [2; 238]. «И Николай Аполлонович вспомнил: он – старый турец – воплощался многое множество раз; воплотился и ныне: в кровь и плоть столбового дворянства Российской империи» [2; 236]. И туранцы, и тлаватли (согласно теософской истории земной цивилизации) принадлежат к расе атлантов. Атлантида в понимании писателя-антропософа – и исчезнувший потонувший материк, и особый оккультный термин для обозначения четвертой расы, предшествующей нынешней, арийской. Г. В. Нефедьев, анализируя сон героя, делает вывод: «Инспирированные и реинкарнированные из далекого прошлого, “атланты” пытаются разрушить современный мир путем возврата его к состоянию хаоса» [19].

Повествователь «видит с героями их сны и переживает их бредовые и галлюцинационные состояния» [6; 77]. По наблюдению О. А. Клинга,

«автор в романе Белого соединил в себе, “сшил” разные уровни произведения» [11; 282], среди которых один из сюжетообразующих мотивов романа – мотив «мозговой игры» и «теневые сознания» сенатора. А. В. Лавров в этой связи подчеркивает, что Андрей Белый «задавался целью воспроизведения главным образом событий внутреннего мира, фактов собственного сознания, а не целью описания и обобщения мира наблюдаемого или выстраиваемого в соответствии с нормами внешнего жизнеподобия» [12; 7].

«Описание сущности сна как “astralного” путешествия» [8; 375] связывает сновидения отца и сына Аблеуховых. Николай Аполлонович приготовился «к далекому астральному путешествию, или сну (что заметим – то же)» [2; 235].

Николай Аблеухов дал некой таинственной организации обещание совершить отцеубийство (его отец-сенатор служит в Учреждении, являясь столпом бюрократической машины Российской империи). Террорист-разночинец А. И. Дудкин приносит сыну сенатора узелок с «сардиницей ужасного содержания» (бомбой). Герой хочет отказаться от данного и забытого обещания. Поддавшись странному порыву, Аблеухов-сын заводит механизм бомбы и погружается в промежуточное состояние между сном и галлюцинацией. Этот эпизод вызывает у исследователей живой интерес (Ш. Кастеллано, О. Мюллер-Кук, В. М. Пискунов, Н. А. Нагорная, И. Иван).

До погружения в «полусонное состояние» (следует указать, что автор сознательно подчеркивает промежуточность состояния своего героя) сенаторский сын испытывает метафизический первородный страх: «что было за дверью» [2; 235]. Пространство романа построено таким образом, что выход в иномирное, «бездонное» [2; 235] совершается за реальной дверью комнаты. В сновидении Николая Аполлоновича возникает «открытая дверь», ведущая в «космическую безмерность» [2; 235]. Именно в эту открытую дверь и «низринется» сенаторский сын «вниз головой», «верх тормашками», чтобы «лететь, лететь и лететь – и куда пролетевши, узнаешь, что та безмерность есть небо и звезды – те же небо и звезды, что видим мы над собой, и видя – не видим» [2; 235].

Сновидение раздвигает не только пространственную горизонталь, но и вертикаль времени. Кронос (римский Сатурн), «образ-символ», «навязчиво преследует всех трех центральных персонажей романа» [2; 623] (Аполлона Аполлоновича, Николая Аполлоновича Аблеуховых и Александра Ивановича Дудкина). В сознании римлян Кронос слился с Сатурном, ставшим символом неумолимого и бесконечно текущего времени [16; 299]. Кроме того, «народная этимология сблизила имя Кроноса с наименованием времени Хроноса (др. греч. “Хρόνος”)» [16; 299]. Хронос происходит от самого Хаоса, является одной из

главных космических сил, персонификацией времени.

Николай видит, как в дверь просунулась «голова какого-то бога» [2; 235], древнего божка, предка Аб-Лай-Ухова. В сновидении герой вспоминает своих «киргиз-кайсацких предков» [2; 235], которые, «по преданию, находились в сношениях с тибетскими ламами» [2; 235]. Древний прародитель Аб-Лай-Ухов связан с Николаем Аполлоновичем через яркую деталь его внешнего облика – бухарский халат. Эта знаковая деталь гардероба сенаторского сына, выведенная за грань повседневной реальности, вводится в сновидении в особый метафизический контекст. Вот каким предстает облаченье уже самого Древнего предка: «Пестрый шелковый переливный халат, на котором по дымному, дымно-сапфирному полу (и в дымное поле) ползли все дракончики, остроклювые, золотые, крылатые, малых размеров» [2; 236]. Эти «дракончики» как элемент декора разрастутся в сознании спящего Аблеухова в Дракона Апокалипсиса: «В испорченной крови арийской должен разгореться Старинный Дракон и все пожрать пламенем» [2; 236]. Николай Аблеухов взглядывается в черты старца, полагая, что «под видом монгольского предка, Аб-Лая, к нему пожаловал сам Хронос (вот что таилось в нем!)» [2; 236]. Итак, в сцене «Страшный суд» Аб-Лай, явившийся во сне к Николаю Аполлоновичу, перерождается в XX веке в нем самом, как и в его отце, Аполлоне Аполлоновиче (и автор называет его Сатурном).

«Это был Страшный суд.

.....

“Как же это такое? Кто же это такое?”

“Кто такое? Отец твой...”

“Кто же отец мой?”

“Сатурн...”» [2; 238].

Герой пытается разглядеть непременный атрибут Хроноса – «косу» («он в руках Незнакомца отыскивал лезвиё традиционной косы; но косы в руках не было» [2; 236]). Безусловно, миф о низвержении Кроноса (Сатурна) и миф о бунте сына против отца, страх отца потерять свою власть не могут не войти в сознание А. Белого без психоаналитической подоплеки (учений З. Фрейда и К.-Г. Юнга). В русле психоанализа З. Фрейда эта борьба, безусловно, воплощает в романе и «эдипов комплекс» [32]. В тексте романа возникает поле «смысловых смешений и переплетений» [8; 374], в котором трансформируются мифологические, антропософские и авторские смыслы. В романе сенатор – отец, но введение метафор-сравнений его с Зевсом, Сатурном, Монголом переводит его в юнгианский архетип старшего, отца, мудрого старца (в сновидении Коленька разговаривает с отцом о постулатах Канта).

Николай Аблеухов, находясь в «странном, полусонном состоянии» [2; 235], будет опрокинут на «небо и звезды». В сновидении это произой-

дет так: «Всё падало на Сатурн» [2; 235]. На «Сатурне» Николай Аблеухов, «окончательно лишившийся тела» [2; 239], сидит «пред отцом (как сиживал и раньше) – без тела, но в теле» [2; 239]. Перед онейрическим взором героя воссоздается грандиозная космогоническая картина в координатах антропософского мирового генезиса. Приведем «акт творения» Солнечной системы полностью: «Какие-то протекшие сновидения тут были действительно; тут бежали действительно планетные циклы – в миллиардногодинной волне: не было ни Земли, ни Венеры, ни Марса, лишь бежали вокруг Солнца три туманных кольца; еще только что разорвалось четвертое, и огромный Юпитер собирался стать миром; один стародавний Сатурн поднимал из огневого центра черные эзонные волны: бежали туманности; а уж Сатурном, родителем, Николай Аполлонович был сброшен в безмерность; и текли вокруг одни расстояния» [2; 238].

Этот странный пассаж имеет корни в антропософских построениях Р. Штайнера. Для основоположника антропософии Сатурн¹ – первая космическая инкарнация Земли (время, когда появились существа, наделенные физическим телом). В «Очерке тайноведения» антропософ прослеживает «развитие Земли в обратном порядке» [24; 83]. Этот же путь совершают во сне и Николай Аблеухов: в момент «Страшного суда», когда «быстротекущее время» повернуло вспять («круг времени повернулся, замкнулся», [2; 238]), «сатурново царство вернулось» [2; 238]. Миф о «вечном возвращении»², цикличности времени, дурной повторяемости реализуется в образе мифологического Сатурна (Хроноса). То, что переживает в своем сне-видении герой, близко архаическим практикам многих народов. Описывая древние сакральные техники, М. Элиаде подчеркивает, что «речь не идет о том, чтобы повторить створение Космоса, но о том, чтобы обрести вновь состояние, предшествующее космогонии, состояние Хаоса» [26; 90].

Аполлон Аполлонович, представший в сновидении сына Сатурном, и есть само «быстротекущее время» [2; 228], взорвать отца-Сатурна – значит привести мир в нулевое состояние.

«То летоисчисление бежало обратно.

“Да какого же мы летоисчисления?”

Но Сатурн, Аполлон Аполлонович, расхочетавшись, ответил:

“Никакого, Коленька, никакого: времяисчисление, мой родной, – нулевое”» [2; 239].

«Нулевая точка» знаменует собой отсутствие времени, то есть возврат мира в «первоначальное состояние (или Хаос, пракосмическое состояние, или само мгновение творения)» [26; 94]. Бунт Николая Аблеухова против отца через антично-антропософский миф о Сатурне приобретает извечный смысл (не только социальное «отцы и дети», но и эпохальное «новое и старое»,

«приходящее и уходящее», «умирающее и возрождающее», «космос и хаос», «время и вечность»). Посягая на жизнь отца (дав террористам устное согласие), Николай Аполлонович тем самым покушается на само жизненное устройство, существующий порядок (космос).

Николай Аполлонович назван в романе «Дионисом терзаемым» [2; 259], но в самом имени (отчестве) героя скрыто «гармонирующее», согласно Ф. Ницше, аполлоническое начало. Двойственность облика Николая Аблеухова, зафиксированная в романе, углубляет древнегреческая мифологическая пара (Аполлон / Дионис). Противостояние двух богов, подхваченное Ф. Ницше в его знаменитой работе, было и в момент созревания культа Диониса. Дионис – божество земледельческого пантеона, «связанное со стихийными силами земли» [16; 190], противопоставлялся Аполлону, «божеству родовой аристократии» [16; 190]. «Дионисом терзаемым» называет Николая Аполлонович террорист-разnochинец Александр Иванович Дудкин во время их важнейшего разговора, окрашенного в антропософские тона. В назывании Николая Аблеухова Дионисом есть и «иронический холодок». Дионис, как известно, – «бог плодоносящих сил земли» [16; 190], знаковым атрибутом которого является фаллос. Герой «Петербурга» же представлен, скорее, в своей любовной неудаче (фабульная линия Николая Аблеухова и Софьи Лихутиной). Сенаторский сын поведает Неуловимому (кличка Дудкина), что он испытывал, склонясь над бомбой («кардиницей ужасного содержания»): «Верите ли, – так меня распирало, тошнило!.. Ну, будто бы я ее проглотил...» [2; 258]. Разnochинец Дудкин пытается гармонизировать эти состояния Николая Аблеухова в соответствии с учением определенных оккультных «школ» [2; 475]. На признания Аблеухова Дудкин замечает: «Словом, были Вы, Николай Аполлонович, как Дионис терзаемый...» [2; 259]. «Ужас» [2; 260], переживаемый героем, в интерпретации Дудкина становится мистерией Диониса («настоящее потрясение жизни» [2; 259]). «Не ужас, а подлинное переживание Диониса: не словесное, не книжное, разумеется... Умирающего Диониса...» [2; 260]. Герой погружается в стихию становящегося, развивающегося, разбивающего объект-субъектные отношения (то есть сферу дионисийства).

Немецкий исследователь Й. Хольтхузен комментирует данный эпизод: «Дудкин обозначает это поэтически описанное переживание как переживание страданий “умирающего Диониса”, что у знатока Ницше Белого может значить только то, что здесь прицельно воплощается вид иронической оппозиции отцу Аполлону Аполлоновичу» (перевод наш. – Н. Щ.) [31; 282]. В словосочетании «Дионис терзаемый» зашифрован на мифологическом уровне все тот же конфликт «отца» и «сына» [31], который в романе включает в себя

и автобиографический, и мифологический, и антропософский слои.

Все эти значимые детали в облике героя помогут приблизиться к адекватной интерпретации финала. Исследователи традиционно считают эпилог романа «Петербург» слабым местом, противоречащим авторской повествовательной стратегии. В. М. Пискунов близко подошел к пониманию мистериального толкования финала через расшифровку сна-видения Николая Аполлоновича: «...его жертвенное самозаклание, пережитое во сне над тикающей сардинницей, ведет – не сразу, трудно и медленно – к духовному возрождению» [20; 124]. И далее: «Создается возможность катарсиса, “мистериального перерождения”, которое мы усматриваем в эпилоге к роману» [20; 124]. Внутреннее преображение младшего Аблеухова Л. К. Долгополов связывает с образом «печального и грустного» призрака, в облике которого угадывается Христос. В эпилоге Николай Аблеухов «сидит перед Сфинксом часами» [2; 418], изучает сочинения Г. Сковороды, затем путь его лежит в Назарет. Обращаясь к жене, Аблеухов-старший спрашивает: «Он, говоришь, в Назарете?» [2; 419].

Встреча отца и сына в финальной зарисовке произойдет на «необъектном уровне реальности», в «видениях» того и другого. «Николай Аполлонович не слушает звуков “там – там”²³; и не видит он бербера; видит то, что стоит перед ним: Аполлон Аполлонович – лысенький, маленький, старенький» [2; 417]. В этом финальном «видении» героя возникает гротескный, но трогательный сновидческий образ. В свою очередь, старичик-сенатор различает «тени и тени». «Николай Аполлонович – нежный, внимательный, чуткий, – наклонив голову, переступает: из тени – в кружево фонарного света; переступает: из светлого этого кружева – в тень» [2; 417].

В finale романа Аблеухов-сын уходит от кантовских умственных штудий и открывает для себя мир подлинного переживания, который, правда, грозит «расщепить его личность». Переживание «мистерии Диониса» словно бы подготавливает героя к встрече с Христом («белое домино»). Л. К. Долгополов выявил в романе христианские мотивы и образы: «Николай Аполлонович... представляется сенатору Аблеухову, сидящему в мифостофеевском облике перед камином⁴, страдающим и распинаемым на кресте Христом» [2; 607]. Николай Аблеухов («Петербург») совмещает в себе черты распятого Христа и «терзаемого», умирающего Диониса. Через образы распя-

того Диониса и Христа автор воссоздает мистерию умирания и рождения высшего «Я» Николая Аблеухова (тем самым автор шифрует свои сокровенные интуиции)⁵. Пережитое Николаем над бомбой (страшный сон, переживания своего уже «не тела»⁶, возврат к «нулевому летоисчислению», пропамять: переживание предшествующих реинкарнаций) «подвергают его тяжелому потрясению», «предваряющему встречу с Христом» [25; 478].

А. Белый (с опорой на теософскую теорию развития человечества) объявляет «властителя дум» Ф. Ницше «представителем шестой, грядущей рации, одаренной ясновидением» [1; 179]. Трагическая судьба немецкого мыслителя на новом развороте истории и цивилизации есть «реинкарнация» Христа и Диониса: «Смерть или воскресение: вот пароль Ницше» [1; 178].

Немецкий философ в понимании А. Белого предстает в ореоле неомифологирования (со скрытой авторской жизнетворческой проекцией). В этой связи справедливо утверждение Т. А. Шарыпиной применительно к литературе XX века: «Потерявшаяся в хаосе мировых катализмов личность начинает заново космологизировать миф» [23; 19].

Андрей Белый связывает архиважную для символизма идею жизнетворчества с подвигом Христа и Ницше: «Они суть “художники жизни”. Ницше вызывает к жизни миф, «этот предохранительный клапан, закрывающий от нас музыкальную сущность жизни» [1; 192]. Н. Л. Лейдерман делает важный для нашего исследования вывод, что для символизма свойственно «эстетическое освоение мира как хаоса», создание собственных «хаологических» моделей мира [13; 346]. Это справедливо с учетом, правда, и обратной стратегии – в попытке этот хаос «заклясть». Конструирующем моментом «саморегуляции хаоса» исследователь считает построение «человеческого космоса внутри онтологического хаоса» [13; 364].

Онейросфера романа реализует подлинную мистерию сотворения переживания себя как «стремительного отхода к Хаосу» и «повторением космогонии» [28; 94]. В этом теургическом действе «переплавляется» и сакральный центр личности самого автора, Андрея Белого. Русский символист толковал собственную жизнь как мистериальный текст, в центре которого возвышалась фигура самого художника, творца «антропологического мифа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая жена писателя и последовательница учения Штайнера А. А Тургенева пишет: «Нашей группе достался архитектор Сатурна» [22; 64].

² Значимая идея для Белого с ранних симфоний – Второй Драматической (Московской) и «Возвращение» – до «Котика Летаева» и «Петербурга».

³ Гонг, бубен, там-там – музыкальные инструменты, имеющие хождение в Индии, Китае, Африке.

⁴ Образ героя пребывает в сфере взаимоперехода: от демонического (Мефистофель) к светоносному (Христос). «В мефистофелевской позе» – скульптурная аллюзия, по всей видимости, на работу М. М. Антокольского «Мефистофель» (1883, мрамор), хранящуюся в Русском музее (Санкт-Петербург).

⁵ Отсюда понятен и весь автобиографический слой образа Николая Аблеухова, на который неоднократно указывают исследователи. Н. Валентинов о А. Белом 1907–1908 годов пишет: «...с ранних лет он стал мыслить себя неким страдающим, распятым Дионисом» [4; 91].

⁶ Речь идет об эфирном (стихийном) теле, согласно теософской и антропософской градации человеческого существа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е л ы й А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
2. Б е л ы й А. Петербург. СПб.: Наука, 2004. 699 с.
3. Б е р д յ е в Н. А. Русский соблазн (по поводу «Серебряного голубя» А. Белого) // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 267–278.
4. В а л е н т и н о в Н. Два года с символистами. М.: XXI век – Согласие, 2000. 384 с.
5. Г о г о л ь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1967.
6. Д о л г о п о л о в Л. К. Роман Андрея Белого «Петербург». М.: Сов. писатель, 1988. 414 с.
7. Зеркало. Семиотика зеркальности: Сб. ст. / Ред. З. Г. Минц // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1988. Вып. 831 (Труды по знаковым системам. 22). 166 с.
8. И в а н И. Заметки к антропософскому контексту романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: Наука, 2008. С. 374–381.
9. И л ь ё в С. П. Куликовская битва как «символическое событие» // Ал. Блок. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 22–40.
10. К а с т е л л а н о Ш. Синестезия: языки чувств и время повествования в романе А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Публикации. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 211–219.
11. К л и н г О. А. Андрей Белый: место поэта в эволюции Б. Пастернака (к проблеме символистских влияний) // Андрей Белый. Публикации. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 279–294.
12. Л а в р о в А. В. Андрей Белый в 900-е гг. Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 335 с.
13. Л е й д е р м а н Н. Л. «Магистральный сюжет» (XX век как литературный мегацикл) // Лейдерман Н. А. С веком наравне. Русская литература в советскую эпоху. СПб.: Златоуст, 2005. С. 346–365.
14. Л о т м а н Ю. М. Сон – семиотическое окно // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 123–126.
15. М и н ц З. Г., Б е з р о д н ы й М. В., Д а н и л е в с к и й А. А. «Петербургский текст» и русский символизм // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII.
16. М и ф о л о г и я / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 736 с.
17. М и фы народов мира: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. 671 с.
18. Н а г о р н а я Н. А. «Второе пространство» и сновидения в романе А. Белого «Петербург» // Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М.: МАКС-Пресс, 2006. С. 88–116.
19. Н е ф е д ѿ в Г. В. «Сон об Атланте»: К подтексту мотива провокации в романах А. Белого «Петербург» и «Москва» // Russian Literature. 2005. Vol. LVIII-I/II.
20. П и с к у н о в В. М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа М, 2005. 608 с.
21. Т и м е н ч и к Р. Д., Т о п о р о в В. Н., Ц и в ь я н Т. В. Сны Блока и «Петербургский текст» начала XX века // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 129–132.
22. Т у р г е н е в А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. М.: Новалис, 2002. 137 с.
23. Ш а р ы п и н а Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX–XX вв. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 112 с.
24. Ш т а й н е р Р. Очерт тайноведения: Пер. с нем. Л.: ЭГО, 1991. 272 с.
25. Ш т а л ь Х. «Оккультные письмена» в романе Андрея Белого «Петербург» // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: Наука, 2008. С. 465–488.
26. Э л и а д е М. Аспекты мифа: Пер. с франц. М.: Академический проект, 2010. 251 с.
27. Ю н г К.-Г. Человек и его символы: Пер. с нем. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.
28. Ю н г К.-Г. Душа и миф. Шесть архетипов: Пер. с нем. М.: Совершенство, 1998. 383 с.
29. Ю н г г р е н М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера: Пер. с англ. СПб.: Академический проект, 2001. 288 с.
30. Ebert Christa «Väter und Söhne» in Andrej Belyjs Roman «Peterburg» // Zeitschrift für Slawistik 35, 1990. S. 762–771.
31. H o l t h u s e n J. Belyj. Petersburg // Holthusen, J. Studien zur Ästhetik und Poetic des russischen Symbolismus. Gottingen, 1957.
32. L j u n g g r e n M. The Dream of Rebirth – A Study of Andrey Bely's Novel «Peterburg». Stockholm, 1982.

ОКСАНА ГЕННАДЬЕВНА АБРАМОВА

старший преподаватель кафедры скандинавских языков филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
oksana.abramova@yahoo.com

ПОЭМА В. МАЯКОВСКОГО «ОБЛАКО В ШТАНАХ» В ШВЕЦИИ (Проблема перевода)

«Облако в штанах» – самое известное произведение В. Маяковского в Швеции, оно существует на шведском языке в нескольких переводах. В данной статье рассматриваются особенности поэтики «Облака в штанах» с точки зрения переводческих стратегий.

Ключевые слова: Маяковский, «Облако в штанах», поэтика, перевод, шведский язык, переводческая стратегия

Существует мнение, что главным документом художника является его творчество. Нераздельность творческого и биографического стала квинтэссенцией понимания феномена В. Маяковского в Швеции, а его поэма «Облако в штанах» – главным источником, раскрывающим личность автора, самым узнаваемым произведением Маяковского в шведской культурной среде (поэма существует в нескольких переводах и многократно переиздавалась в Швеции).

Пролог поэмы «Облако в штанах» в переводе Рафаэля Линдквиста был опубликован в 1924 году. Впервые же целиком и в книжном формате¹ поэма выходит в Швеции в 1958 году в переводе Вернера Аспенстрема, известного шведского поэта. К этому времени поэзия Маяковского была уже знакома шведскому читателю благодаря переводам Р. Линдквиста, Н. О. Нильссона и И. Лундстрема. Однако публикация 1958 года стала особенной, так как это был первый авторский сборник поэта в Швеции.

Сборник открывается стихотворением «Маяковский», написанным Артуром Лундквистом, поэтом, хорошо известным независимостью своих суждений². В нем Лундквист представляет Маяковского и его поэзию рядом динамично сменяющих друг друга образов. «Стих, марширующий / в сапогах / по глине, по снегу»³ [13; 5–6], – олицетворение, которое передает идею «мобилизации» поэзии революцией, многократно озвученную в стихах самого Маяковского от «Левого марша» (1918) до «Во весь голос» (1929–1930). Венчает стихотворение лирический, полный драматизма образ «грозди рябины на снегу», аккумулирующий в себе биографический финал пути Маяковского.

Статью, предваряющую сборник 1958 года, Эрвин Лейсер называет «Актуальный Маяковский», предсказывая поэзии советского поэта период ренессанса по обе стороны железного занавеса. Лейсер отмечает, что «и утопические фантазии, и политические карикатуры Маяковского приобрели непредвиденную актуальность»

[12; 14]. Автор также обращает внимание читателя на «не ретушированный автопортрет» Маяковского, представленный не только в автобиографии «Я сам» и статье «Как делать стихи?», но и в таких произведениях, как «Облако в штанах», «Флейта- позвоночник», «Человек». Лейсер замечает, что это вовсе не увлечение самим собой: «Когда Маяковский говорит о себе, он в то же время говорит о тех массах, которые идут за знаменем революции» [12; 7]. Автобиографизм творчества Маяковского, его желание самому рассказать «о времени и о себе» очень тонко чувствовалось шведским читателем и воспринимались как один из важнейших принципов художественного метода поэта-футуриста. Созвучное восприятие творческих установок Маяковского прочитывается и во многих работах отечественных исследователей, например, Л. А. Булавка пишет об этом принципе так: «...не о себе, а что важно – от себя и о своем. И это “свое”, прозвучавшее как откровение всему миру... имело подоплеку того всеобщего, что делало его общественным событием культуры, причем не только советской» [1; 241].

Во вступлении к публикации 1958 года Аспенстрем сравнивает поэму «Облако в штанах» Маяковского со «Страданиями юного Вертера» Гёте, замечая, что разница между ними заключается в том, что «сердечные страдания русского Вертера соединялись с социальными страданиями и, так сказать, отвлекались ими, в его случае должно было пройти пятнадцать лет, прежде чем он зарядил пистолет» [9; 16]. Таким образом, Аспенстрем не только представляет творчество Маяковского в контексте мировой литературы, но и ставит знак равенства между лирическим героем Маяковского и самим поэтом. Такое видение во многом определило и дальнейшую судьбу поэмы в Швеции.

Аспенстрем не владел русским языком, поэтому его перевод основывался главным образом на английском переводе Х. Маршала и немецком переводе А. Е. Тосса. Такая опосредованная вер-

сия, как выразился автор, «должно быть, имеет большие недостатки, в особенности если учесть, что переводы, на которые она опирается, между собой достаточно различны и в вопросе выбора образов, и в вопросе построения стиха» [9; 16]. Однако в течение почти 20 лет перевод Аспенстрема был единственным переводом поэмы на шведский язык в полном ее варианте. Цепочка трансформаций, которым подвергся оригинальный текст в процессе перевода, безусловно, представляет особый научный интерес, однако для нас перевод Аспенстрема важен в первую очередь с точки зрения рецептивной поэтики. Перевод мы рассматриваем как результат и как основу восприятия поэмы В. Маяковского в Швеции.

При внимательном чтении и сравнении переводного и оригинального текстов легко обнаруживаются фрагменты, в которых расхождения в поэтической структуре очевидны. В переводе Аспенстрема заметно стремление к более или менее точной передаче фактуальной информации поэтического текста, однако концептуальная и эстетическая информация⁴ передается со значительными потерями, что неудивительно при опосредованном переводе. Ряд тропов исчезает, другие трансформируются в варианты, далекие от оригинальных.

Знаменитая первая строфа оригинала⁵ у Аспенстрема интерпретируется так:

De sköna idealen,
de mjuka hjärnornas idéer:
dessa feta lakejer på flottiga kanapeér
– jag hånar dem öppet och fräckt
klädd i det sönderslitna hjärtats dräkt!

Приятные идеалы,
мягких мозгов идеи:
эти жирные лакеи на засаленных канапе
– я высмеиваю их открыто и дерзко,
одетый в изношенного сердца костюм.

Мысль заменяют идеи и идеалы, что прибавляет адресату, публике, которую высмеивает лирический герой, интеллектуальную значимость. Сохранено сатирическое олицетворение (выживший лакей), но зооморфное представление мысли обывателя (возникающее в контексте образной параллели мысль – бык, которая усиливает

сатирическое остранение героя от публики) в переводе исчезает. Метафора «окровавленный сердца лоскут» Маяковского, обладающая мощным ассоциативным потенциалом – от искусства испанской корриды до революционной символики русской литературы (образ Данко у М. Горького), в переводе трансформируется, по сути, в антиметафору «изношенного сердца костюм», которая снимает и жертвенность, и героику.

Для поэта Аспенстрема фактуальная информация и рифма при переводе оказываются наиболее важными элементами структуры поэтического текста. Ритмический рисунок и графика стиха, являющиеся особым средством художественной выразительности поэзии Маяковского⁶, в переводе Аспенстрема не получают должного отражения, что объясняется фактом «непрямого» обращения к оригиналу. Главное, на наш взгляд, «прагматика» данного перевода – Аспенстрем представил шведскому читателю поэму «Облако в штанах».

Совершенно иным с точки зрения переводческой стратегии является перевод поэмы «Облако в штанах» Гуннара Хардинга и Бенгта Янгфельдта, опубликованный в 1976 году в книге «Рыкающий парнас: русский футуризм в поэзии, фотографиях и документах» [10]. Он выполнен с языка оригинала и изначально предполагал более адекватную передачу его особенностей. Версия Хардинга и Янгфельдта уникальна тем, что установка на сохранение схемы рифмовки Маяковского и адекватную передачу содержательной стороны текста позволила донести до читателя и содержание, и звучание стиха Маяковского. Даже при некоторой трансформации тропов, а это при переводе может и не влиять на поэтический потенциал [2], строки во многом звучат «по-маяковски». Для сравнения приведем пример «Звереют улицы выгоны / На шее ссадиной пальцы давки»:

Gatans betesmarker har plötsligt förvildats.
Folkmassans snara om min hals dras till.

Улицы выгоны внезапно озверели.
Толпы удавка вокруг моей шеи затягивается.

Сравним также ритмический рисунок в следующих строках:

		Кол-во ударных / безударных слогов
Проклятая! / Что же и этого не хватит?	/ _ / _ / _ / _ / _	4 / 9
Скоро криком издерется рот.	/ _ / _ / _ / _	4 / 5
Слышиу: / тихо, / как больной с кровати,	/ _ / _ / _ / _	4 / 6
спрыгнул нерв. / И вот, –	/ _ / _ /	3 / 2
сначала прошелся / едва-едва,	/ _ / _ / _ / _	4 / 6
потом забегал, / взволнованный, / четкий.	/ _ / _ / _ / _	4 / 7
Теперь и он, и новые два	/ _ / _ / _ /	4 / 5
мечутся отчаянной чечеткой.	/ _ / _ / _ / _	3 / 7

		Кол-во ударных / безударных слогов
Åt helvete med henne! / Har jag inte väntat tillräckligt länge ?	/ - - - - / _ / _ / _	4 / 14
Snart slits munnen sönder i ett tjut .	/ _ / _ / _ /	4 / 5
Jag hör: / mjukt / som en sjukling ur sängen	_ / / _ / _ / _	4 / 6
hoppade en nerv ut .	/ _ _ / /	3 / 3
Först / gick den sakta sakta / varv efter varv	/ _ / _ / _ / _ /	5 / 6
sen satte den upp / en oerhörd / fart .	____ / _ / _ / /	4 / 5
Nu flänger den runt med en annan nerv	_ / _ / _ / _ /	4 / 6
i en ursinnig dans.	_ _ / / _ /	3 / 3

Ритмический рисунок оригинала воспроизводится в переводе с помощью соблюдения равного количества ударных слово⁷, а также чередованием мужской и женской рифмы в первой части анализируемого отрывка (см. выделение жирным шрифтом: хватит-кровати *läge-sängen*; рот-вот *tjut-ut*). Исключение составляет 5-я строчка перевода, в которой мы наблюдаем 5 ударных слов, что, в свою очередь, можно объяснить смещением положения рифмы. И только рифма четкий-чечеткой не находит своего эквивалента в переводе.

В целом для перевода Хардинга и Янгфельдта характерны адекватная передача графики стиха Маяковского и соответствующая схема рифмовки, больше отступлений наблюдается в ритмическом рисунке.

В послесловии к публикации своего перевода поэмы «Облако в штанах» 1979 года Хардинг и Янгфельдт сравнивают ее с произведениями французских авторов – «Зона» Г. Аполлинера (1912) и «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» Б. Сендрака (1913). Обнаруживая сходства трех произведений в тематическом и стилистическом аспектах, в системе образов, а также в стихотворных характеристиках, Хардинг и Янгфельдт обращают внимание читателя на общие литературные корни и типологическое родство творчества этих авторов. Ф. Ницше, У. Уитман, А. Рембо повлияли в той или иной степени на творчество каждого из поэтов. Примечательно, что о типологическом сходстве и буквальных совпадениях Маяковского и Аполлинера, равно как и о влиянии Ницше на европейскую авангардную поэзию начала XX века, писал Вячеслав Вс. Иванов в статье «Маяковский, Ницше и Аполлинер» [3]. Таким образом, Хардинг и Янгфельдт, как и Аспенстрём, представляют «Облако в штанах» в контексте мировой литературы, заключая, что это «первая из крупных значительных поэм Маяковского, которая также является одной из вершин поэзии XX века, передовое произведение, которое по-прежнему пылает жизнью» [11; 84].

Третий из ныне существующих переводов поэмы «Облако в штанах» на шведский язык,

выполненный Бенгтом Самуэльсоном и опубликованный в 2002 году, весьма интересен в контексте размышлений о месте переводной литературы и ее национальной привязанности. Художественный перевод – это всегда интерпретация, объединяющая в себе особенности оригинального текста, а следовательно, и дух порождающей культуры, и лингвокультурологическое своеобразие принимающей стороны. Более того, «независимо от субъективных намерений восприятие переводчика входит составной частью в созданное переводное произведение» [6; 659]. Таким образом, мы можем говорить о переводной литературе как о явлении не только переводимой, но и переводящей литературы. Р. Р. Чайковский предложил определить особое место для переводной литературы в контексте мировой. По его мнению, с возникновением художественного перевода начинают существовать три литературы: национальная литература исходного языка, литература принимающего языка и переводная литература, которая предстает в виде «некоей третьей литературы» [7; 9]. Однако вопрос о национальной принадлежности, или более конкретно, о соотношении «своего» и «чужого» в переведенном на другой язык произведении это не снимает. Некоторые переводчики сознательно выбирают такую стратегию перевода, при которой произведение зарубежной литературы читалось бы как «свое» в литературе переводящей.

Вариант поэмы «Облако в штанах» Б. Самуэльсона по сути является попыткой сблизить русский оригинальный текст начала XX века с особенностями шведского мировосприятия начала XXI века. Огромную историческую и социально-культурную дистанцию переводчик старается нивелировать при помощи адаптирующих замен, сохраняя один из важнейших принципов поэзии Маяковского – опору на живой разговорный язык. Самуэльсон часто использует формы, слова и выражения, помеченные в шведском толковом словаре как «vardagligt» (разговорное). Отличительной чертой версии Самуэльсона можно назвать использование современной разговорной речи, что делает поэму актуальной для современного шведского читателя. Так, например, в строках

«Мир огромив мощью голоса, / иду – красивый, / двадцатидвухлетний» слово «красивый» переводчик интерпретирует как «läcker» (лакомый, вкусный). В современном разговорном шведском языке это слово используется по отношению к людям, чаще особам женского пола, в значении «привлекательный, соблазнительный, сексуальный».

Приведем еще один пример, интересный не только в связи с употреблением стилистически окрашенной лексики, но и ввиду изменений смысловой составляющей. Строки первой части поэмы «а самое страшное / видели – / лицо мое, / когда / я / абсолютно спокоен?» Самуэльсон переводит следующим образом:

har ni skådat den värsta horrören –
вы видели самый страшный ужас –
mitt ansikte när jag slaggar⁸?
мое лицо, когда я кемарю?

В интерпретации Самуэльсона состояние «спокойствия» главного героя поэмы заменяется состоянием «сна», что значительно понижает степень напряженности эпизода. «Абсолютное спокойствие» у Маяковского – это состояние невыразимой, запредельной ярости, которая через мгновение может превратиться в «извержение Везувия».

Установка переводчика сделать поэму частью своего национального мира проявляется в следующих примерах. По версии Самуэльсона, в строках «Меньше, чем у нищего копеек / у вас изумрудов безумий» вместо «копеек» появляется «ören» («эр», наименьшая разменная монета шведской кроны). Во второй части поэмы, в строках «только два живут, жирея – / “сволочь” / и еще какое-то, / кажется – “борщ”» Самуэльсон заменяет слово «борщ» на «havregryns» (овсяная крупа), несмотря на то что национальное русское блюдо борщ широко известно в Швеции.

В переводе строк «а я одно видел: / вы – Джиоконда, / которую надо украдь!» Самуэльсон заменяет «Джиоконду» Маяковского на «Mona Lisa», так как в шведской культурной традиции в качестве названия известной картины Леонардо да Винчи закрепилось именно «Мона Лиза», а не «Джоконда».

Менее оправданной (и относящейся к «наднациональному» уровню) является замена «генерал Галифе» на «general Galon» в третьей части поэмы. Появление выдуманного переводчиком генерала Галона снимает прямое указание Маяковского на историческую личность французского кавалерийского генерала, что, соответственно, влияет и на полноту передачи смысловой информации оригинала.

В третьей части поэмы мы обнаруживаем еще одну любопытную замену: вместо имени Мамай появляется Djingis Khan (Чингисхан). С точки зрения русского читателя эта замена искажает

смысл оригинальных строк, так как и Чингисхан, и Мамай – фигуры хорошо известные русскому реципиенту. Однако в Швеции Мамай является малоизвестной исторической фигурой: например, в шведской национальной энциклопедии (Nationalencyklopedin), крупнейшем рецензируемом справочном издании Швеции, статьи о нем нет. Чингисхан, в свою очередь, известен в Швеции как один из величайших монгольских правителей, отличавшихся жестокостью и своим правлением. В данном случае благодаря замене шведский читатель получает эквивалентный ассоциативный ряд. В примечаниях академического собрания сочинений В. В. Маяковского о строках «Пирует Мамаем, / задом на город насыв» В. А Катанян пишет: «Здесь речь идет о победителях, которые пировали, сидя на досках, положенных на тела побежденных. В действительности так пировал не хан Золотой Орды Мамай, а полководцы Чингисхана после битвы на Калке в 1223 году» [5; 442]. Вполне возможно, что переводчик об этом знал, поэтому и прибегнул к замене.

Графика стиха, а также схема рифмовки Маяковского в большинстве случаев сохраняются Самуэльсоном, однако ритмический рисунок, как и в переводе Хардинга и Янгфельдта, значительно отличается от оригинального.

Существование нескольких вариантов перевода одного и того же произведения на один и тот же язык может быть вызвано разными факторами, но оно всегда свидетельствует о том, что произведение «укоренилось» в другой культуре, стало ее непреходящим художественным событием. В данном случае возникновение переводной множественности во многом связано с концепцией и стратегией перевода. Первый вариант поэмы «Облако в штанах» на шведском языке представил известный шведский поэт В. Аспенстрём (1957), второй перевод был выполнен исследователями творчества В. Маяковского Г. Хардингом и Б. Янгфельдтом (1976), а третий – профессиональным переводчиком с русского языка на шведский Б. Самуэльсоном (2002). Каждый из переводчиков преследовал свою цель, что отразилось и на продукте их творческого труда, это демонстрируют некоторые положения нашего исследования. Напомним также, что впервые на шведском языке вступление к поэме «Облако в штанах» появилось еще в 1924 году в переводе Р. Линдквиста. Временной промежуток между «новыми» обращениями переводчиков к тексту поэмы составляет в среднем 25 лет. Эта цифра принята учеными как средняя единица периодичности смены поколений людей. В связи с этим утверждение Е. С. Шерстневой о том, что «актуализация оригинала в виде нового перевода осуществляется, как правило, в иной культурно-исторической эпохе» [8; 5], находит свое подтверждение и на материале шведских переводов поэмы В. Маяковского «Облако в штанах».

Судьба поэмы «Облако в штанах» в Швеции уникальна. Это произведение не только привлекало к себе внимание разных переводчиков, но и становилось катализатором творческих исследований шведских поэтов и писателей. Так, в 1972 году сюжет поэмы пересказывается Б. Ю. Викхольмом в радиопьесе «Владимир Маяковский» как

эпизод из жизни главного героя, В. Маяковского. В 1984 году сюжет и образный язык поэмы воспроизводятся в романе Т. Сефве «Я горю». Сквозь призму «Облака в штанах» шведский читатель воспринимает автора поэмы, прочитывая в этом произведении наиболее важные особенности «громады» поэта и человека В. Маяковского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые Аспенстрём опубликовал перевод поэмы в 1957 году в журнале «Lyrikvänner».

² В 1957 году он стал лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» – одним из немногих шведов, удостоенных этой награды.

³ Здесь и далее перевод со шведского языка наш.

⁴ Здесь мы пользуемся понятийным аппаратом И. Р. Гальперина и С. Ф. Гончаренко.

⁵ «Вашу мысль, / мечтающую на размягченном мозгу, / как выжиревший лакей на засаленной кушетке, / буду дразнить об окровавленный сердца лоскут; / досыта изъязвеваюсь, нахальный и едкий».

⁶ О ритме В. Маяковский писал: «Ритм – это основная сила, основная энергия стиха. Объяснить его нельзя, про него можно сказать только так, как говорится про магнетизм или электричество» [4; 101].

⁷ Гласный ударного слога в переводе обозначен подчеркиванием.

⁸ Глагол «slagga» имеет при себе помету «разговорное», в некоторых словарях – «слэнг», означает «спать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булавка Л. Маяковский: единство понятия и образа советской культуры (определение предпосылок) // Языки культуры: образ – понятие – образ. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2009. С. 227–248.
- Гончаренко С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе // Тетради переводчика. Вып. 9. М.: Международные отношения, 1972. С. 81–91.
- Иванов В. Вс. Маяковский, Ницше и Аполлинер // Поэзия и живопись. М., 2000. С. 424–425.
- Маяковский В. В. Как делать стихи? // Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Худож. лит., 1959. Т. 12. С. 81–117.
- Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Худож. лит., 1959. Т. 1. 463 с.
- Топор П. М. Перевод художественный // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978. Т. 5. 1968. Стлб. 656–665.
- Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
- Шерстнева Е. С. Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода: на материале переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауриса Бригге» на английский язык: Автограф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
- Aspenström W. Inledning till «Ett moln i byxor» // V. Majakovskij. Ett moln i byxor. Stockholm, 1958. S. 15–16.
- Harding G., Jangfeldt B. Den vrålande parnassen: den ryska futurismen i poesi, bild och dokument. Stockholm, 1976. 230 s.
- Harding G., Jangfeldt B. Vladimir Majakovskij och ett moln i byxor // V. V. Majakovskij. Ett moln i byxor: Tetraptyk. Stockholm, 1979. S. 59–84.
- Leiser E. Den aktuelle Majakovskij // V. Majakovskij. Ett moln i byxor. Stockholm, 1958. S. 7–14.
- Lundkvist A. Majakovskij // V. Majakovskij. Ett moln i byxor. Stockholm, 1958. S. 5–6.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА БОЛГОВА

аспирант кафедры литературы факультета филологии и журналистики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
rbook.lib@pomorsu.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«АРХАНГЕЛЬСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»
(1901–1917 годы)**

В статье предпринят анализ религиозных легенд, опубликованных на страницах журнала «Архангельские епархиальные ведомости» 1901–1917 годов. Выделены группы легенд, отмечены их специфические черты и причины публикации в духовной периодике.

Ключевые слова: «Архангельские епархиальные ведомости», фольклор, священник, легенда

На страницах журнала «Архангельские епархиальные ведомости» (далее – АЕВ) в 1901–1917 годах опубликован ряд религиозных текстов, записанных священниками в народной среде. По отношению к этим текстам мы будем использовать термины «легенда» и «агиографический нарратив». В последние десятилетия в науке широко используются термины «народная агиография» и «народное житие», вошедшие в научный оборот в начале 2000-х годов. Под ними, как правило, понимается среда возникновения и сфера бытования фольклорных текстов агиографического характера [27; 19]. По мнению Ю. М. Шеваренковой, «письменный религиозный фольклор – понятие и привычное, и не очень. В последнее время наука только подходит к изучению этого явления, пытаясь на разном жанровом и региональном материале и в разных аспектах коснуться и осветить его» [38; 5].

Основой агиографических нарративов были прежде всего жития святых [25], «чудеса», сотворенные ими после смерти, история и формы почитания сакральных объектов [36; 13], а также фольклорные легенды, связанные со святынями конкретной местности.

Легенда как жанр несказочной прозы давно привлекает внимание собирателей и исследователей. Об этом свидетельствуют появившиеся еще в XIX веке публикации легенд в сборниках сказок [16], [20], [21], [33], [34]. В XX–XXI веках изучение легенды продолжилось [22], [23], [24], [26], [27], [35]. Существуют различные определения термина «легенда». Фольклористика дореволюционного периода определяла ее как повествование религиозного характера, возникшее из житий и апокрифов и имевшее назидательную функцию [17], [20]. Прежде всего исследователей интересовал вопрос происхождения народной легенды, позже – ее жанровые особенности и классификация. К. В. Чистов применял термин «легенда» к социально-утопическим рассказам [36], [37]. В. Я. Пропп называл легендами «рас-

казы, содержание которых прямо или косвенно связано с христианской религией» [29; 378]. В последние годы появились новые определения легенд. А. Б. Мороз считает легендами «гипотетически существовавшие тексты, содержащие информацию о чудесных событиях, не имеющие литературного источника» [27; 21]. Ю. М. Шеваренкова понимает легенду как «совокупность народных религиозных представлений, выраженных сюжетным повествованием» [38]. Каждый исследователь вкладывает свой смысл в понятие «легенда», самым точным нам представляется определение В. Я. Проппа [29; 378].

В современной науке легенды, опубликованные на страницах дореволюционных периодических изданий, остаются недостаточно изученными. С. В. Федорова обратилась к фольклорно-этнографическим публикациям в «Олонецких губернских ведомостях» и «Олонецких епархиальных ведомостях» (1838–1917), выделила среди них группы авторов и дала характеристику их работам [35; 6–9]. Автор статьи упомянула о том, что в «Олонецких епархиальных ведомостях» публиковались «рассказы о чудесах и пalomничествах», однако их не проанализировала [35; 7]. Также изучению фольклорно-этнографических материалов на страницах «Епархиальных ведомостей» ряда губерний (Олонецкой, Пензенской и др.) посвящены работы А. Н. Розова [31], [30], В. Г. Смолицкого, А. В. Кулагиной [28]. Н. А. Криничная обратилась к дореволюционным публикациям преданий из газет «Архангельские губернские ведомости» и «Архангельск» [25], [32]. Однако до настоящего момента не введены в научный оборот публикации легенд из журнала «Архангельские епархиальные ведомости».

В начале XX века на страницах АЕВ часто размещались фольклорные тексты о «чудесных» явлениях, среди которых можно выделить несколько групп. Первую, самую большую, составляют рассказы о чудесном исцелении, которое происходит благодаря а) силе молитвы, б) воздей-

ствию иконы. Ко второй группе можно отнести тексты о внезапной болезни и последующем исцелении больного (часто богоугодного человека, чье предназначение – служение Богу) после выполнения данного им обета святому, которого он увидел во сне. В третью группу вошли тексты о религиозном «прозрении» человека после совершения чуда, очевидцем которого он становится; в четвертую – о чудесах в быту.

Трудно выделить какую-либо закономерность в публикации интересующих нас текстов. Некоторые из них были приурочены к юбилейным датам, например к 300-летию явления иконы Святой Троицы, 350-летию со дня кончины преподобного Антония Сийского. Основную часть легенд составляют сюжеты о местных праведниках (преподобном Антонии Сийском, Иоанне и Лонгине Яренских и пр.) [1], [2], [7]. Для текстов подобного рода характерны указания на место, где происходили события, временные пометы, сведения об информантах – все они направлены на подтверждение достоверности описываемых событий. «Мне довелось быть свидетелем благодарности одного молодого человека из Архангельска с Быку (к сожалению, не записал фамилии)» [9; 683]; «Самоедин Колвинского прихода Печор. у. рода Хатанзейского, Тимофей Павлов Зотов с другим незначительным оленеводом пасли свои стада на западном склоне Уральских гор...» [11; 28]; «Чудесное знамение милости Божией явлено Богоматерью над больной женой священника Вологодской губернии Тотемского уезда села Шуйского Успенской церкви Никтополиона Церковницкого, Лидией, и совершилось 17 июня 1897 года...» [10; 682] и др.

Одна из задач дореволюционной церковной периодики состояла в том, чтобы на фактическом материале подтвердить существование Бога, поэтому рассказы о «божественных чудесах», о произошедших ранее событиях дополнялись современными фактами «Божьей милости» [3], [4], [8]. Чаще других публиковались рассказы о чудесном исцелении / спасении какого-то человека. На страницах АЕВ встречаются републикации из таких духовных изданий XIX – начала XX века, как «Русский Паломник», «Тверские / Московские / Рязанские епархиальные ведомости», «Воскресный день», «Руководство для сельских пастырей» и др., подтверждавшие широкое распространение «чудес» на территории Российской империи [15]. Первую группу христианских легенд составляют тексты о чудесном исцелении, произошедшем благодаря молитве, обращенной к святому. Например, священник А. Х-зов рассказывает о случае, произошедшем в начале его пастырского служения с заблудившейся восьмилетней девочкой, чудесным образом спасенной и возвратившейся домой здоровой и невредимой, благодаря молитвам родителей к Николаю чудотворцу – одному из любимых святых не толь-

ко русского, но и других северных народов, проживавших на территории Архангельской губернии [14; 361–362]. В рассказе нет упоминания о месте событий, сказано лишь, что ранней весной по причине бескормицы дети вместе с родителями гоняли скот на пастище. Во время такого перегона одна из девочек в башмаках, обутых на босу ногу, в легком платье и в платке потерялась вблизи топкого болота. Найти ее удалось только на следующий день после вечерни. На вопрос, как она не замерзла холодной ночью, девочка ответила, что она будто «сидела на холмушке», и около нее стоял седенький (как на иконе) старичок. Потом зазвонили к обедне, и она вышла [14; 361–362]. Святой Николай Чудотворец в данном тексте выступает как спаситель ребенка. Текст направлен на фиксацию произошедшего чуда, описание его обстоятельств играет второстепенную роль. Внимание читателя обращается на достоверность изложенного, подчеркивается, что случай произошел с реально существующими людьми, которые могут его подтвердить.

Другая публикация связана с исцелением крестьянской девушки, которое произошло благодаря ее молитвам, обращенным к святому Феодосию Черниговскому [4; 54–55]. Автор публикации – протоиерей Соломбальско-кладбищенской церкви города Архангельска Н. Замяткин – повествует о заболевшей корью в начале 1901 года семнадцатилетней дочери Анне крестьянина Семена Семяшкина из села Усть-Цильмы Сизябского прихода Печорского уезда. Во время сна с ней будто бы говорил святой Феодосий: «По твоей молитве я пришел посетить тебя; 12-го будешь здорова; приезжай ко мне в гости в Чернигов» [4; 54]. Обет решено было исполнить летом, но по рекомендации врача поездка была отложена. Анна вновь заболела, в конце декабря отец все же повез дочь в Чернигов, благодаря чему она совершенно поправилась. В начале 1902 года «верность писанного» протоиереем засвидетельствована ею вместе с отцом. Акцент в публикации сделан на свидетельства совершения чуда, а факт влияния святого на жизнь человека ушел на второй план. В данном тексте предстает образ святого-исцелителя, а приемом для передачи его предсказания является сон [4].

В рассказе, опубликованном священником В. П. Невским из Колвинского прихода Печорского уезда, повествуется о молитвенном обращении ненца Тимофея Зотова к святому Николаю Мирликийскому и целителю Пантелеимону за помощью во время падежа его лучших оленей от сибирской язвы [11; 28]. Зотов дал обет, по которому, если его молитва будет услышана, он съездит за 600 верст в приходскую Колвинскую церковь для совершения водосвятного молебна перед иконами святых угодников. Священник свидетельствует о последовавшей остановке язвы, в чем он видел «благодатную помощь свыше».

Первая публикация о чудесном воздействии иконы на человека относится к 1901 году [13; 627–630]. Как правило, в текстах, относящихся к этой группе, указание места и времени описываемых событий дается уже в названии, например: «300-летие явления иконы Св. Троицы в Лампоженском приходе Мезенского уезда (1 февр. 1602 – февр. 1902)» [13], «Из Лявленского прихода...» [9; 682–684]. Подобные рассказы были рассчитаны на малограмотного читателя. Они имели незатейливый сюжет, их главными героями были обычные люди. Простые фразы, ненавязчивая форма изложения – все это способствовало усвоению крестьянством основ христианского вероучения. В отличие от поучений и проповедей, содержащих много сложных понятий, услышанные или прочитанные тексты хорошо запоминались. Легенды о чудотворных иконах связаны с их культурами в той или иной местности. Письменной фиксацией подобных легенд занимались в основном представители духовенства, публикации которых отражали «память» жителей определенного локуса. Кульмиационным в подобных текстах является момент, разрешающийся неожиданным образом – «чудом» исцеления. В качестве примера приведем публикацию, сделанную протоиереем Кузнецеслободского прихода А. Ивановским, – «Сказание о Нерукотворном Образе Христа Спасителя» [6; 222]. С начала XVII века этот чудотворный образ являлся объектом почитания жителей Мезени, а также богомольцев из других мест, приходивших к нему для поклонения и молитв.

Тексты об исцелениях, произошедших от икон, публиковались в АЕВ начала XX века в разные годы (1901, 1902, 1911). Для всех них характерно обращение к настоящему времени и использование формул достоверности. Публикаторы выполняли роль «регистраторов» или «фиксаторов» информации, чаще всего не проявляя в приведенном ими тексте своей позиции или своего отношения к ней. Исключением является заметка «Чудесное исцеление от иконы Божией Матери Грузинской» 1902 года, перепечатанная из журнала «Русский Паломник». В ней приводится текст письма священника Н. Церковницкого Успенской церкви села Шуйского настоятелю Красногорского монастыря о болезни и исцелении своей жены от этой иконы [15; 414–415]. В этом письме эмоционально выражены чувства и пережива-

ния автора. В целом публикаторы данных текстов ориентировались на книжный стиль, поэтому ими использовались газетные штампы, книжная лексика, элементы канцелярского стиля («внезапное исцеление наполнило сердце его великою радостию...» [12], «замечательный случай помочь усматривается в спасении от гибельного крушения яхты...» [5] и др.).

АЕВ стремились заменить народные представления о божественном «чуде» фактографическими свидетельствами. Именно это послужило толчком к ряду публикаций о святых Архангельского края: преподобных Антонии Сийском [2], [5], Вассиане и Ионе Пертоминских [7; 679–683], о святых праведных Иоанне и Лонгине Яренгских [12; 563–567], преподобном Серафиме Саровском [10; 241–252]. Представления о чудотворном покровителе и заступнике, к которому можно обратиться за помощью и моши которого находятся неподалеку, легче осознавались народом, чем мысль о невидимом Боге.

Продолжающиеся в течение ряда лет публикации содержали сведения об исцелениях при жизни святого и после его смерти. Они были направлены на подтверждение достоверности описанных случаев. Характерными для легенд о «чудесах» являются описания переживаний героя, оказавшегося в неразрешимой жизненной ситуации. Его болезнь чаще всего объяснялась нарушением запрета, невыполнением данного обета и пр.

Таким образом, АЕВ можно рассматривать как источник, отражающий представления о духовно-нравственной и религиозной жизни народа и способствовавший развитию локальной истории. Отмеченные нами легенды о «чудесах» в жизни человека – снах, видениях, исцелениях – способствовали поддержанию, сохранению и распространению веры в чудодейственную силу мощей святых, икон, молитв.

Агиографические нарративы представлены на страницах журнала в разных формах: в виде писем, воспоминаний, сообщений. Во всех них в большей или меньшей степени сохранились приметы устного рассказа, такие как вставные конструкции, сбивчивость речи, вводные слова, повторы. Рассказы о «чудесах», бытовавшие в крестьянской среде и записанные служителями церкви, представляют собой произведения устно-письменной традиции.

ИСТОЧНИКИ

1. В е р ю ж с к и й М. Милость Божия по молитвам Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев // Архангельские епархиальные ведомости (далее – АЕВ). 1912. Ч. неоф. № 19. 1 октября. С. 545–547.
2. Ко з м и н Н. Преподобный Антоний, Сийский чудотворец. К 350-летию со дня блаженной кончины преподобного (1556–1906) // АЕВ. 1906. Ч. неоф. № 23. 15 декабря. С. 743–762; № 24. 30 декабря. С. 798–804.
3. Милость Божия / Прот. Мол-в Н. // АЕВ. 1912. Ч. неоф. № 16. 15 августа. С. 465–466.
4. Милость Божия, явленная по молитвам Святителя Феодосия Черниговского / Прот. Ник. Замяткина // АЕВ. 1902. Ч. неоф. № 2. 15 января. С. 54–55.
5. Преподобный Антоний, Сийский Чудотворец (Посмертные чудеса преподобного Антония) // АЕВ. 1910. Ч. неоф. № 7. 1 апреля. С. 267–276; № 8. 15 апреля. С. 306–314; № 9. 1 мая. С. 341–347; № 11. 1 июня. С. 378–384; № 12. 15 июня. С. 401–407; № 14. 15 июля. С. 463–470; № 15. 30 июля. С. 493–501.

6. Прот. Ивановский А. Сказание о нерукотворном Образе Христа Спасителя, находящемся в Кузнецеслободском приходе // АЕВ. 1902. Ч. неоф. № 8. 30 апреля. С. 220–224.
7. Прот. Легатов И. Сказание о чудесах преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских // АЕВ. 1908. Ч. неоф. № 20. 30 октября. С. 679–683.
8. Проявление милости Божией / Н. // АЕВ. 1912. № 13–14. 1 июля / 15 июля. С. 390–391.
9. Свящ. Боголепов А. Из Лявленского прихода [о чудотворном исцелении от иконы Царицы Небесной] // АЕВ. 1911. Ч. неоф. № 16. 15 августа. С. 682–684.
10. Свящ. Любавский В. Преподобный Серафим Саровский чудотворец (К предстоящему торжеству открытия св. мощей его, 19 июля 1903 года) // АЕВ. 1903. Ч. неоф. № 5. 15 марта. С. 133–143; № 6. 30 марта. С. 69–82; № 7. 15 апреля. С. 212–223; № 8. 30 апреля. С. 241–252.
11. Свящ. Невский В. П. Из Колвинского прихода, Печорского уезда (Сила молитвы) // АЕВ. 1910. Ч. неоф. № 1. 1 января. С. 28.
12. Свящ. Сидоровский А. О св. праведных Иоанне и Лонгине, Яренгских чудотворцах // АЕВ. 1910. Ч. неоф. № 16. 15 августа. С. 529–533; № 17. 1 сентября. С. 563–567.
13. Свящ. Фирсов А. 300-летие явления иконы Св. Троицы в Лампоженском приходе Мезенского уезда. (1 февраля 1602 – 1 февраля 1902) // АЕВ. 1901. Ч. неоф. № 22. 30 ноября. С. 627–630.
14. Свящ. Хозов А. Милость Божия по молитвам Святителя и чудотворца Николая // АЕВ. 1907. Ч. неоф. № 11. 15 июня. С. 361–362.
15. Чудесное исцеление от иконы Божией Матери Грузинской / («Русск. Паломник») // АЕВ. 1902. Ч. неоф. № 12–13. 30 июня / 15 июля. С. 414–415.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 4. М., 2000. 316 с.
17. Буслاءев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произн. в торж. собр. имп. Моск. унив. 12 января 1859 г.) // Буслاءев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 15–31.
18. Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов 1879–1891 // Сборник имп. Академии наук ОРЯС. СПб., 1890. Т. 46.
19. Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. 303 с.
20. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии: с прилож. двенадцати башкирских сказок и одной мещерякской. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 583 с.
21. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии: с прилож. шести вотяцких сказок. СПб., 2002. 734 с.
22. Иванова А. А., Калутков В. Н., Фадеева Л. В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М., 2009. 509 с.
23. Колесничая И. М. Русские предания и легенды в публикациях 1860–1870 годов // Русский фольклор. Вып. XIII: Русская народная проза. Л., 1972. С. 20–40.
24. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 321 с.
25. Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. А. Криничной. М., 1989. 286 с.
26. Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2008. 526 с.
27. Мороз А. Б. Народная агиография: к постановке вопроса // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2009. Т. 68. № 6. С. 19.
28. Православные священники – собиратели русского фольклора: Е. А. Фаворский, А. Н. Соболев, П. А. Флоренский. М., 2004. 416 с.
29. Пропп В. Я. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. 464 с.
30. Розов А. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866–1917) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 33. СПб., 2008. С. 381–424.
31. Розов А. Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1918) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2008. Т. 33. С. 366–380.
32. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничной. Л.: Наука, 1978. 253 с.
33. Северные сказки. Сб. Н. Е. Ончукова // Полное собрание русских сказок: предреволюционные собрания: В 3 т. Т. 1. СПб.: Тропа Троянова, 1998. 474 с.
34. Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым // Полное собрание русских сказок. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Т. 10. 446 с.
35. Федорова С. В. Фольклорно-этнографические материалы на страницах олонецких газет XIX – начала XX в. // Живая старина. 2010. № 1. С. 6–9.
36. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XX вв. М., 1967. 341 с.
37. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 44–51.
38. Шеваренкова Ю. М. Рукописная религиозная проза Нижегородского края в современном бытовании // Рукописная религиозная проза Нижегородского края: Тексты и комментарии. Н. Новгород: Растр-НН, 2008.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА САФРОН

преподаватель кафедры скандинавских языков филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
aldona2@rambler.ru

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА БОГА ВЕЛЕСА
В «СЛАВЯНСКОЙ» ФЭНТЕЗИ (на материале романов Е. А. Дворецкой)**

Целью статьи является анализ литературной трансформации образа одного из членов славянского пантеона – бога Велеса в романах Е. А. Дворецкой из циклов «Князья Леса» и «Лес На Той Стороне». Делается вывод, что образ Велеса изображается в духе традиционных народных представлений, как участник «основного» мифа, вступающий в конфликт с громовержцем Перуном.

Ключевые слова: Велес, «славянская» фэнтези, «основной» миф, борьба за невесту, медведь, вода, загробный мир

Данная статья посвящена жанру «славянской» фэнтези в творчестве Е. А. Дворецкой. Выбор этой темы обусловлен растущей популярностью жанра среди современных российских читателей. Как замечает К. М. Королев, именно двадцатый век стал временем растущего интереса к мифологии [15; 419].

Главная особенность «славянской» фэнтези заключается в том, что национальный компонент в ней представлен гораздо ярче, чем в других разновидностях фэнтези, по той причине, что авторы стремятся наиболее полно передать отдельные элементы славянской культуры, часто даже не прибегая к творческой литературной обработке, оставляя указанные элементы в первозданном виде.

При анализе мифологического материала, положенного в основу «славянской» фэнтези, исследователь неизбежно сталкивается со сложностью, которая заключается в том, что мифология славян в корне отличается от традиционных верований других народов, прежде всего античных. Дело в том, что к 988 году славяне формировали собственный этнос, поэтому языческие представления еще не систематизировались. Восточные славяне не имели единой письменности, которая появилась, как полагают многие ученые, только с приходом новой религии. В. Я. Петрухин замечает, что книжники прошлого не стремились записывать враждебные им языческие убеждения, но лишь фанатично обличали их в бесчисленных религиозных поучениях [11; 255]. В. Н. Топоров объясняет нетерпимое отношение православных церковников к язычеству тем, что именно боги древних славян и были мерилом всеобщей нравственности [13; 204–215]. Для новой же религии исключительно Иисус из Назарета мог диктовать этические законы, поэтому старые кумиры должны были быть полностью уничтожены.

«Славянская» фэнтези, будучи прежде всего творением писателя, вольного в своей фантазии, изобилует и образами богов славянского язычества. Целью данной статьи является анализ ли-

тературной трансформации образа одного из членов славянского пантеона – бога Велеса на примере произведений Е. А. Дворецкой (1970 г. р.) – русской писательницы, работающей в жанре «славянской» и «скандинавской» фэнтези, «исторической» фэнтези и традиционного исторического романа. Впервые ее произведения увидели свет в 1997 году: исторический роман «Ветер с Варяжского моря» и три книги в жанре фэнтези – «Огненный Волк», «Оружие скальда» и «Стоячие Камни». В качестве предмета исследования взяты ее романы из циклов «Князья Леса» (1997–2002) и «Лес на Той Стороне» (2006–2007) [4]. В связи с ограниченным объемом статьи разбираются только те романы, где фигура Велеса появляется чаще, чем в остальных: «Зимний Зверь», «Перекресток зимы и лета», «Тропы незримых».

Для достижения поставленной цели решаются две промежуточные задачи: рассматривается образ Велеса с точки зрения соответствия «классической» мифологеме; изучается авторская интерпретация, позволяющая играть с традиционным мифом, создавая новую модель, где миф становится не целью, а средством, помогающим писателю создать новый оригинальный литературный образ.

Велес (Волос), согласно «основному» мифу, извечный противник Перуна. «Основной» миф, реконструируемый в работах Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, повествует о следующем: «Перун, первоначально в образе всадника на коне... поражает своим оружием змеевидного врага. <...> После победы освобождаются воды (в архаических и боковых трансформациях мифа скот, женщина, похищенная противником)» [8; 307]. Эта сцена воспроизводится Е. А. Дворецкой в романе «Перекресток зимы и лета», где двое смертных, кузнец Громобой и князь Огнеяр, на земле воспроизводят небесное сражение. В пылу битвы, получая помощь свыше, они и сами становятся на время Перуном и Велесом: «...его соперник был перед ним, и сердце Огнеяра (сына Велеса. – Е. С.) ликовало: сын Перуна не обманул

его ожиданий. От... рыжеволосого парня веяло жаром грозы. <...> Напасть первым Огнеяр не мог – он должен был ждать, потому что Перун отбивает Лелю у Велеса, а не наоборот» [2; 360, 363]. Как замечает Н. В. Кургузова, сражение Перуна и Велеса по сути является битвой за невесту, и часто отголоски «основного» мифа можно встретить в традиционном свадебном обряде [9]. У Е. А. Дворецкой схватка князя Огнеяра и кузнеца Громобоя также происходит из-за женщины, однако Огнеяр сражается за Лелю, а Громобой – за свою земную невесту Даровану. Кузнец, лишь на время одержимый силой Перуна, надеется через ритуальное освобождение богини Лели добиться своей истинной цели – найти княжну Даровану, так как думает, что его противник спрятал их обеих. Через это непонимание героем самой ситуации и возникает удвоение конфликта: одновременно происходит борьба Перуна и Велеса за Лелю и битва Огнеяра с Громобоем за Даровану. Огнеяр же в данной ситуации только выполняет волю бога Велеса: «Огненная Река Подземелья текла теперь в его жилах, и хотелось скорее выпустить наружу этот палиящий жар» [2; 362]. Именно благодаря божественной одержимости он хочет напасть на противника первым, других причин для его конфликта с Громобоем нет, так как у самого Огнеяра уже есть любимая супруга – берегиня. Воспроизводя битву богов, Огнеяр и Громобой восстанавливают как небесный, так и земной порядок: «Битва Богов уже разрушила каменеющие границы, и божества выходили на волю из своих миров, так долго бывших их темницами» [1; 370].

Бог Велес часто фигурирует и в романе Е. А. Дворецкой «Тропы незримых», но не в качестве самостоятельного персонажа, а в виде различных упоминаний об элементах его культа, особенностях функционирования этой фигуры в древнеславянском пантеоне и пр. Велес в этом произведении предстает как страж Нижнего мира, вместе со своей сестрой Мареной оберегающий мир людей от Вселенского Зла, не позволяющий «силам Бездны проникнуть в мир. Боятся Марены, считая ее, богиню смерти, той самой Бездной, в то время как Велес и Марена оберегают нижние ярусы упорядоченного мира. Они принадлежат к Всеобщью Родову и тем самым противоположны бездне в той же мере, что и боги Верхнего Мира – Перун, Сварог, Макошь, Даждьбог... часто бывает – борющегося с каким-либо злом часто смешивают с самим этим злом, потому что привыкли видеть их рядом» [3; 81]. Представления о Велесе как о боге подземного, загробного мира писательница заимствует из традиционных славянских верований о Велесе как о скотьем боже – на земле, среди живых, и в мире мертвых, где этот бог является пастухом душ покойников. Как утверждает Б. А. Успенский, корень *vel-* в балтийских языках имеет

сходное значение: латышское *Vels*, литовское *Veles* и др. могут обозначать «бога (или духа) смерти, соотносясь также с “dues animarum”» [14; 57].

В творчестве Дворецкой образ Велеса не только подчинен авторской концепции, но также изображается в духе традиционных народных представлений. В частности, Б. А. Успенский приводит ряд примеров из памятников славянской письменности, свидетельствующих в пользу уподобления Велеса мифическому Змею. Так, в чешской повести «*Tkadleček*» (начало XV века) герой произносит: «*ký jest črt, aneb ký veles, aneb ký zmek tě proti mně zbudil?*» («Какой черт, или какой Велес, или какой змей восстановил тебя против меня?») [14; 57]. Вслед за учеными писательница часто отождествляет его с Огненным Змеем: «...эта Перунова Стрела, попавшая наконец в Змея-Велеса, расколола землю до самых глубоких подземелий» [1; 26]. Змей-Велес у Дворецкой принимает на себя традиционную для народных верований функцию охранителя, только он охраняет не вход в «тридцатое царство», которое, по замечанию Б. А. Успенского, символизировало мир мертвых, но похищенную им богиню весны: «Огненному Змею теперь суждено летать над Ледяными Горами, охранять свою добычу и ожидать своего противника... ждать ради битвы, что ежегодно потрясает мир и дает новый толчок к его существованию» [2; 404–405]. В данной ситуации Змей-Велес становится амбивалентной мифологемой умирания и возрождения жизни: его поцелуй дарит Весне сон-смерть, но именно этот сон дает надежду на дальнейшее воскрешение природы. С научной точки зрения данную ситуацию можно объяснить словами Б. А. Успенского о связи Велеса-Волоса с царством мертвых, где нет «старения и умирания... соответственно, здесь никогда не прекращается изобилие. Поэтому загробный мир является источником целительной и плодоносящей силы» [14; 66]. С позиций традиционных языческих представлений о неразрывности жизни и смерти и их взаимопереходе данная ситуация возрождения через смерть так же естественна, как воскрешение героя волшебной сказки с помощью Мертвой и Живой воды.

В авторской фантазии Е. А. Дворецкой Велес – муж Марены, своей собственной сестры, «потому что тогда для него других жен не имелось» [3; 165]. Такая трактовка образов Велеса и Марены кажется наиболее оригинальной, так как в других произведениях «славянской» фэнтези эти боги «нижнего мира» противопоставлены богам «верхнего мира» как боги темных сил – богам сил светлых.

Многие ученые подчеркивают связь культа Велеса с медведем [10; 27]. По мнению Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, такие встречающиеся в различных мифологиях мотивы, как

«медведь – сын небесного бога», «перемещение медведя с неба на землю», «медведь и плодородие», как раз и позволяют включить этот образ в схему «основного» мифа [7; 129], о котором уже было сказано ранее. Так, в работе «Филологические разыскания в области славянских древностей» Б. А. Успенский говорит о пересечении в семантическом поле образа Велеса образов лешего и медведя: «...мифический змей, понимаемый как разновидность нечистой силы, может представляться именно в виде медведя». В подтверждение этого ученый приводит запись, сделанную в Полесской экспедиции под руководством Н. И. Толстого: на вопрос об облике змея информант ответил: «...голова, как у медведя похожа, только у медведя уши стоят, а у няю кашлатые [т. е. лохматые]» (записано в деревне Золотуха Калиновичского района Гомельской области в июле 1975 года, запись А. Б. Страхова) [14; 88–89]. Дворецкая, в свою очередь, описывает игру, которая, по ее словам, является отголоском древнего обряда жертвоприношения Велесу в образе медведя: «Рослый “медведь”, одетый в настоящую косматую шкуру, с ревом бегал по пустырю... ловя визжащих девушек... сам древний бог-зверь обнимал ее, ежегодно приходящий за жертвой» [1; 13–14]. По задумке писательницы этот обряд приходился на время празднования Нового года. Скорее всего, медведь в данной ситуации предстает в виде тотемного предка племени. Некий эротизм, присущий этой сцене, находит свое объ-

яснение в традиционных народных верованиях, согласно которым под шкурой медведя скрывается человек, который ворует женщин и сожительствует с ними [10; 108].

По свидетельству Б. А. Успенского, неотъемлемым элементом культа Велеса была вода, так как Велес считался покровителем земных вод. Данная функция проистекает из «основного» мифа о борьбе Перуна с Волосом в образе Змея, в котором после победы Громовержца начинается дождь, а змей «скрывается в земных водах» [6; 5]. Теория «основного» мифа позволяет Б. А. Успенскому предположить, что Волос обитает в земных водах, тогда как Перун – покровитель вод небесных; «однако Волос провоцирует дождь, исходящий с неба, и, таким образом, оказывается с ним связанным» [6; 80]. Мокошь, по мнению Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, связана с ночным временем, блудом, а корень *tok- повторяется в словах «мокрый», «моча» [5; 25], что и позволяет говорить о ее функциональной близости с Велесом.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что образ Велеса, созданный Е. А. Дворецкой, неоднозначен: с одной стороны, перед нами традиционный герой «основного» мифа, противник Перуна и «властелин земных вод»; с другой стороны, благодаря писательской фантазии Велес становится мужем богини смерти Марены, охраняющий мир людей от темных богов и сражающийся со злом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворецкая Е. А. Зимний зверь. СПб.: Крылов, 2007. 352 с.
2. Дворецкая Е. А. Перекресток зимы и лета. СПб.: Крылов, 2008. 416 с.
3. Дворецкая Е. А. Тропы незримых. СПб.: Крылов, 2008. 448 с.
4. Дворецкая Е. А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zaveta.ru/about-1024.html>
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы: (Древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.
6. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
7. Иванов В. В., Топоров В. Н. Медведь // Миры народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 129–131.
8. Иванов В. В., Топоров В. Н. Перун // Миры народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 306–307.
9. Кургузова Н. В. Архаические оппозиции ритуального пространства русской свадьбы (на материале свадебной лирики) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kurguzova1.htm>
10. Левкиевская Е. Е. Миры русского народа. М.: АСТ, 2002. 528 с.
11. Петрухин В. Я. «Боги и бесы» русского Средневековья: Род, Рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // Славянский и балканский фольклор. М.: Индрик, 2000. С. 243–259.
12. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 622 с.
13. Топоров В. Н. Боги // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 204–215.
14. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во МГУ, 1982. 248 с.
15. Языческие божества Западной Европы / Под ред. К. М. Королева. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 800 с.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕЛИС

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории филологического факультета, Удмуртский государственный университет
elena-lelis@mail.ru

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «НА СВЯТКАХ»: ПОЭТИКА ЖАНРА И ПОЭТИКА ПОДТЕКСТА

В статье характеризуется влияние жанровой полифонии произведения на формирование богатых подтекстовых смыслов, реализуемых языковыми и неязыковыми средствами на разных уровнях художественной системы.

Ключевые слова: жанр, подтекст, художественный текст

Рассказ А. П. Чехова «На святках» (1899) создан уже зреющим мастером, в нем явлена многомерность и глубина художественного мышления писателя, эстетическая мысль которого шире и весомее, чем может вместить в себя малый эпический жанр. Этот рассказ в плане его жанровых особенностей редко попадал в поле зрения исследователей. Пожалуй, наиболее остро эту проблему поставил В. И. Тюпа, убедительно доказавший, что в основе рассказа лежат устные долiterатурные жанры анекдота и притчи, которые образуют особый мир взаимопроникающих друг в друга слов анекдотического и притчевого характера. «Авторская картина мира, – пишет В. И. Тюпа, – вбирая в себя и ассилируя духовную глубину притчи и духовную свободу анекдота, сообщает чеховскому рассказу принципиальное жанровое своеобразие» [5; 27]. На наш взгляд, жанровые особенности рассказа связаны не только с включением в него элементов *притчи* и *анекдота*. Так, Чехов, посвятив созданию этого произведения несколько предновогодних дней и напечатав его 1 января 1900 года в «Петербургской газете», считал его *рождественским* (или *святочным*) *рассказом*. В нем соблюdenы основные требования жанра: события происходят на святках, в сознании персонажей жива вера в чудо.

Рассказ имеет много общего с юмористическими сценками, которые так часто встречаются у раннего Чехова, и в то же время в нем четко прослеживаются некоторые существенные для поэтики прозы Чехова черты *романного* мышления. Жанровой осложненности произведения служит и включенность в его повествовательную ткань слова героини, близкого по форме *причитанию* и *молитве*. «Сюжетное» слово *анекдота* и «фабульное» слово *притчи* содержательно значимы. Слово, обнажающее подтекстные смыслы *рождественского рассказа* и *романное* мышление автора, рамочно ограничивает текст. Речевая форма *сказа* проецирует рядовое событие в плоскость глубоких личных переживаний персонажей, эксплицируя эмпатийное начало автора и предполагая ответную эмоциональную реакцию чи-

тателя. Слово *причитания-молитвы* образует вокруг себя такое эмоциональное напряжение, которое «перелицовывает» *комическое в драматическое*. Дихотомия притчевой и анекдотической направленности в чеховском тексте трансформируется в различные поэтические модусы, презентируя многоголосие художественной реальности рассказа и емкость его подтекстовых смыслов. Черты разных жанров в рассказе не перечеркивают значимости друг друга, они гармонизированы, образуя смыслопорождающее эстетическое поле.

Жанровой полифонии служат особенности языкового, идейно-образного и сюжетно-композиционного уровней текста, которые продуцируют все разнообразие подтекстных смыслов. Форма и содержание художественного текста оказываются в тесных отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности: жанровая орнаментальность продуцирует глубину и содержательную емкость подтекстных смыслов, которые эксплицируются в жанровых формах. Поэтика подтекста и поэтика жанра способствуют восприятию текста как художественного целого, как инварианта индивидуально-авторского образа мира, каждый элемент которого эстетически значим и функционально нагружен.

Стимулами формирования подтекста служат фонетические, морфемные, лексические, синтаксические единицы, стилистические и орфографические выразительные средства. Особенно важными оказываются интонация, ритм, морфемная структура слова, лексический повтор, стилистически окрашенная лексика и фразеология, эпитеты, сравнения, особенности синтаксического членения речи, ключевые и идеословия.

На идейно-образном уровне созданию подтекста служат система образов персонажей и их речевая характеристика, словообразы *дороги*, *деревни*, *трактира*, *Петербурга*, *ночи* и *рассвета* и т. д. На сюжетно-композиционном – заглавие, принципы членения рассказа на главы, характер диалогов, речевая структура текста, динамический образ повествователя и т. д.

Архитектоническую значимость приобретают в рассказе временные координаты происходящих событий, апеллирующие к *притчевости*: несмотря на то что событие написания письма происходит днем, образ *ночи* пронизывает всю первую главу, открывая и закрывая ее: ночь – время тяжелых размышлений и тревог, и старуха-мать ночами не спит. Кольцевая символика ночи размыкается только в самом finale первой главы, уступая место надежде, явленной символикой *рассвета* и мотивом *дороги*, по которой Василисе предстоит пройти одиннадцать верст до станции, чтобы послать письмо. Мотиву ночи (первая глава) с ее страданиями и сомнениями противопоставлена гнетущая атмосфера *дня* (вторая глава), определяющая инвариантное содержание бытовой *сценки* с характерным для нее модусом бесцветной обыденности и незначительности происходящих событий. В пространстве текста эта аура усугубляется отчужденностью персонажей. Во второй части рассказа редуцированы не только диалоги, но и нарративное пространство: события, образы героев и их взаимоотношения поданы кратко, выпукло и емко: получено письмо из деревни, Андрей Хрисанфыч, не затрудняя себя чтением, отдает его Ефимье, которая, не дочитав, заливается слезами и причитывает. Бытовое время обрастает мифоэтическими смыслами: дневное время для жанра *прочтания* является обязательным атрибутом.

Подтекстные смыслы векторно разнонаправлены, создавая ауру нерасчлененности и взаимодополнительности высокого и низкого, комического и драматического, обобщенно-абстрактного и предметно-конкретного, светлого и темного, страдания и надежды, гнетущей человеческой разъединенности и теплой душевной близости.

Сюжет рассказа прост: старики-родители давно не получают писем от дочери, четыре года назад уехавшей с мужем в Петербург. Истосковавшись, они приходят к брату трактирщицы – Егору, чтобы тот за деньги написал Ефимье письмо. Не умея выразить неизбыточное чувство тоски и сиротства, они отдают деньги за бесполковое и бездушное послание, которое сочиняет этот самодовольный и недалекий человек.

Фабула рассказа ассоциативно отсылает читателя к известной евангельской *притче* о блудном сыне (так же, как отсылает читателя к этой притче и фабула «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина – повести, с которой в чеховском рассказе устанавливаются не менее прочные аллюзийные связи, формируя интертекстуальный подтекст как скрытый диалог авторских дискурсов).

Положив евангельскую притчу в основу фабульного действия первой главы рассказа, Чехов творчески перерабатывает ее: в конце главы не потерявшаяся дочь возвращается к родителям с мольбой о прощении, а старуха-мать идет за одиннадцать верст на станцию, чтобы отправить

письмо. Вторая глава строится на эффекте обманутого ожидания: дочь, как выясняется, заслуживает не меньшего сочувствия.

Для интерпретации произведения как *рождественского рассказа* есть все основания: это рассказ о возможности свершения чуда – чуда общения между матерью и дочерью, разделенных судьбой. Но чуда полноценного человеческого общения в рассказе все-таки не происходит, надежда и чувство безысходности в пространстве художественного целого пронизывают друг друга, создавая особую эмоциональную ауру – мимолетной радости и безысходной печали. По справедливому замечанию А. Д. Степанова, момент «контакта» в этом рассказе совсем не однозначен: «Обычный тезис исследователей: человечность победила пошлость, – представляет уже расширенное толкование этого факта, дополненное положительной оценкой» [3; 234].

Жанровую принадлежность рассказа актуализирует его заглавие, но, как это часто бывает у Чехова, оно ориентировано на творческое восприятие читателя, его сопреживание, интерпретацию событий и образов. Сам факт свершившегося чуда читателем может быть и не признан вовсе, поскольку не вполне очевиден и противоречит идейно-тематическому лейтмотиву – всеобщей разобщенности и принципиальной невозможности человеческого общения в условиях окружающей героев действительности.

Композиционно рассказ «На святках» разделен на две главы-*сценки*, внутреннее пространство которых организуют два основных события – написание письма и его получение. Эти события внутренне уравновешивают композицию рассказа, вводя в него две системы пространственно-временных координат: действие первой главы происходит в деревне и занимает около суток, действие второй – в Петербурге и укладывается в один час. В каждой главе-*сценке* очень узкий круг персонажей, которые образуют между собой замкнутую систему: ни один из них не переступает невидимую пространственно-временную черту «своей» главы. Жанр сценки обычно вмещает в себя одно событие, подчиняющее себе все другие составляющие художественного целого: время и место действия, характеры героев, конфликт, композицию, расстановку героев и т. д. В сценке обычно много диалогов, их участники проявляют коммуникативную активность, которая становится внутренним двигателем сюжета. Но в мире, где царствуют равнодущие и насилие, слово перестает быть средством общения. Герои друг друга не слышат, и вопросы чаще всего не вызывают у собеседника ответной реакции. Подлинного чуда общения не происходит даже между героями рассказа, от которых читатель готов ожидать взаимного понимания, – между Василисой и ее стариком. В трактире из их короткого диалога выясняется, что они по-разному пред-

ставляют себе положение Ефимыи, а потому и цель письма к дочери: «Старик пошевелил губами и сказал тихо:

— Внучат поглядеть, оно бы ничего.

— Каких внучат? — спросила старуха и поглядела на него сердито. — Да, может, их и нету!» (курсив наш. — Е. Л.) [6; 183].

Реакция старухи на реплику Петра обусловлена не столько желанием разразить старику (она и сама надеется на лучшее), сколько ее опасениями.

В смысловом и эмотивном пространстве рассказа реализации слова как средства общения мешают самые разные причины, и все они объяснимы в условиях созданной автором художественной реальности. Старики неграмотны, а значит, сами написать дочери не могут и поэтому вынуждены платить за письмо, вовсе не отражающее их мыслей и тревог. Они забиты и растеряны, поэтому не способны *выразить словами* то, о чем думают и что чувствуют. Их «бессловесность», обрастающая символикой иносказательности, принимает форму *притчевого* знака: у Чехова несчастные всегда несут свое бремя *молча*. При этом характеры героев, что типично для притчи, детально не обрисованы, место действия не конкретизировано. Это позволяет предельно обнажить концептуально значимую мысль о всеобъемлющем характере явления — невостребованности слова в мире безучастия и пошлости.

Письма Ефимыи не доходят до родителей, потому что их не отправляет Андрей Хрисанфыч, которому все время мешают «какие-то важные дела» (курсив наш. — Е. Л.). Егор нравственно глух, и потому страдания старииков не вызывают в нем чувства сострадания, которое могло бы выплыть в искреннее слово письма.

Нарушены главные законы и цели человеческого общения, основанные на интересе людей друг к другу, на сочувствии, милосердии, христианской любви. Человек, окруженный людьми, оказывается одиноким и непонятым.

Слово как средство общения в «глухонемом» мире недейственно, хотя живо. Так, речь повествователя вбирает в себя черты *притчевого* слова: оно напевно и безыскусно: «И доила ли старуха корову на рассвете, топила ли печку, дремала ли ночью — и все думала об одном: как-то там Ефимья, жива ли. Надо бы послать письмо, но старики писать не умел, а попросить было некого» (курсив наш. — Е. Л.) [6; 181].

Описание внутреннего состояния Василисы дано в имперфективно-длительном ключе, позволяющем читателю, вслед за повествователем, дистанцироваться от происходящего и одновременно осмысливать его. Информативный регистр речи способствует притчевому характеру повествования, поддерживаемому мелодикой и ритмом: звуковыми и лексическими повторами, использованием слов одинаковой ритмической струк-

туры, однотипными морфологическими формами глаголов, однородностью сказуемых.

В *притчевом* слове репрезентирован голос повествователя и реализуются высокие нравственные ориентиры, лежащие в основе его морально-этической оценки происходящего. Непререкаемость, характерная для *притчевого* модуса, в чеховском тексте преобразуется во взвешенную мудрость мысли и эмоциональную сдержанность, сквозь которую проглядывает авторская грусть. Но по ходу развития действия облик повествователя меняется: при описании Егора его голос звучит гневно-обличительно, что вовсе не характерно для поэтики позднего Чехова, но вполне объясняется двуголосием нарратора, взявшегося озвучить мысли Василисы: «Он сидел на табурете, раскинув широко ноги под столом, сыйтый, здоровый, мордатый, с красным затылком. Это была сама пошлость, грубая, надменная, непобедимая, гордая тем, что она родилась и выросла в трактире, и Василиса хорошо понимала, что тут пошлость, но не могла выразить на словах, а только глядела на Егора сердито и подозрительно» (курсив наш. — Е. Л.) [6; 183].

Отрывок насыщен языковыми выразительными средствами. Эпитеты, образующие градационный ряд, постпозитивная позиция однородных определений, актуализирующая их смысловую и эмоционально-оценочную значимость, рождают *анекдотически-гротескный* образ. Гротеск как эмоционально-экспрессивная оценка противоречит законам построения *притчи*, «остраняющей» картину, проецируя ее в *драматическую* углубленность ситуации и наполняя идеословом *пошлость* обобщенно-эстетическим значением.

Андрей Хрисанфыч — еще более уродливая фигура, поскольку в нем, в отличие от никчемного пьяницы Егора, в одном лице явлены сразу два порока — тиранство и лакайство. Держа в страхе свою жену, он с подобострастной готовностью способен сколь угодно раз отвечать на один и тот же бессмысленный вопрос генерала: «А в этой комнате что?»: «Андрей Хрисанфыч вытянулся, руки по швам, и произнес громко:

— Душ Шарко, ваше превосходительство!» [6; 185].

Его «душ Шарко» тонкими ассоциативными нитями связывает Андрея Хрисанфыча с двойником — Егором, которому *жарко*: языковая игра, реализуемая на фонетическом уровне (*жарко* — *Шарко*), заставляет читателя воспринимать все-поглощающую силу *пошлости*.

Безусловно, пословично-афористические черты повествования рассказа принадлежат *притчевой* сфере: *как в воду канула, ни слуху ни духу, утекло в море много воды, бог знает когда, на свете нет, отдаст богу душу*. Они нацелены на идейно-художественный контекст; ориентированы на более широкий, эстетически значимый смысл, чем тот, что эксплицирован в тексте; раз-

двигают пространственно-временные рамки сюжетных событий; рождают сеть сложных ассоциаций. Незначительные события, составившие сюжетную канву рассказа, начинают восприниматься в обобщающе-символической плоскости размышлений о нравственно-этических истоках народной жизни и христианских ценностях.

«Всеведение повествователя придает его скромному слову притчевую авторитетность», – делает тонкое наблюдение В. И. Тюпа [5; 29]. Найденное исследователем слово – *авторитетность* – очень точно определяет поэтику чеховской нарратии, не реализующей традиционную для классической *притчи* модальность *авторитарности*, а смягчающей ее субъектной расчлененностью речи. Пословично-поговорочная афористичность выходит за рамки речевой сферы повествователя и воплощает образ мыслей Василисы, голос которой слышен и в речи повествователя: «...пришла два письма и потом как в воду канула; ни слуху ни духу» [6; 181], «с того времени, как уехали дочь с мужем, утекло в море много воды» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 182].

Дальше эта афористичность проявит себя в прямой речи Василисы: «От Ефимьи получили, еще бог знает когда. Может, их уж и на свете нет» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 182]. И ниже, в ее несобственно-прямой речи: «Надо бы попросить денег, надо бы написать, что старик часто похврывает и скоро, должно быть, отдаст богу душу...» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 182].

Принадлежность этих фразеологизмов к разговорному стилю накладывает на них особый стилистический отпечаток. Через *притчевый* модус художественности прорастают черты *сказа*, для которого разговорность является одной из жанрообразующих черт. Показательно, что речь повествователя (в которой слышен голос Василисы) и речь самой героини оттеняют хотя и немногочисленные, но все-таки характеристически значимые разговорные слова: *умокнул* (перо), *ежели, сошлись, небось, задаром, похварывает*.

По мнению М. М. Бахтина, «сказ вводится именно ради чужого голоса, голоса социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, которые именно и нужны автору» [1; 113]. Но в пространстве рассказа голос персонажа и голос повествователя звучат в унисон, совмещая в себе *притчевое* и *сказовое* начала. Эта особенность субъектной организации текста эксплицирует авторское сострадание героине и нацелена на пробуждение ответного чувства у читателя, тем самым усиливая эстетическое воздействие на него.

В идейно-образной и сюжетно-композиционной плоскостях значимы речевые партии Егора (в первой главе) и Ефимьи (во второй главе), особенно их монологи. Егор «сочиняет» письмо, ни на минуту не задумываясь о том, какова будет реакция Ефимьи, когда она прочтет его бестол-

ковое послание. Его тешит самолюбие, возможно, единственного грамотного в деревне человека. Ефимья же, получив письмо, в отчаянии причитает и обращается с молитвой к Царице небесной.

Письмо Егора и причитание Ефимьи стилистически контрастны, акцентируя идейно-композиционное противопоставление двух глав рассказа. Речь Егора безграмотна, приземлена, бессвязна. Речь Ефимьи согрета теплыми воспоминаниями и страдальчески возвышенна.

Егор сначала записывает по памяти отрывок из Военного устава, а затем вслух читает его. Повествователю важно привести текст письма не в его устном исполнении, а в орфографии полуграмотного героя, чтобы показать: письмо носит характер глоссолалии – речи, состоящей из бессмысленных слов и словосочетаний, и придает его автору черты героя *анекдота*. Более того, его «остроумие наизнанку» – глупая шутка, которой Егор заканчивает свое послание, наделяет образ еще большим *анекдотически-гротескным* содержанием: «И поэтому Вы можете судить, – торопился Егор, – какой есть враг Иноzemный и какой Внутренний. Первейший наш Внутренний Враг есть: Бахус» [6; 183].

В ткань рассказа введены черты сразу двух видов *анекдотического* модуса: обыгрываются как нелепость ситуации (лежащая в основе *реперентиального анекдота*), так и стилистическая неуместность и речевая беспомощность персонажа (инвариантная основа *лингвистического анекдота*).

Неожиданный *комический* эффект достигается резким сдвигом, переключением повествования с одного модуса в другой. Неожиданность и нелепость поворота событий, когда Егор, так и не дождавшись от стариков диктовки, начинает «быстро писать» по памяти строки Военного устава, и в то же время убедительность бытовой ситуации, создаваемая детальным описанием проходящего, – жанровые черты *анекдота*. Лексическими средствами – словами, обладающими общей семой ‘торопливость’: *быстро, торопился, спешил* – повествователь подчеркивает желание Егора, используя подвернувшийся шанс, прихватнуть своей ученостью, покровительственно поучать и даже проявить «чувство юмора». В этом эпизоде, как обычно бывает в анекдоте, «возникает зона совершенно особой правдивости, открывающей владычество дурости, безумия и идиотизма» [2; 208].

Иные эмоционально-оценочные акценты расположены в слове Ефимьи, которая, не дочитав письма, плача и обнимая детей, причитает о своей горькой судьбе и невозможности вернуться в родимый дом. Восприятию ее монолога как *прочтания* способствует целый ряд языковых знаков: заунывшая мелодика, фиксируемая повторяющимися многоточиями и многосочиением, тембр-intonационный комплекс произносимых слов,

напоминающий речитатив, который не образует замкнутой музыкальной формы, нестабильность интонации, прерывистость речи, неполнота предложений, синтаксический параллелизм.

Обращение к Царице небесной и святителям-угодникам в начале и в конце монолога Ефимьи, так же как и сослагательное наклонение глагола («*Унесла бы* нас отсюда царица небесная, заступница-матушка!») (курсив наш. – Е. Л.) сближают прочтение Ефимьи с *молитвой*. Это впечатление усиливается средствами фонетического уровня – ритмическим ударением на первом слоге каждого фонетического слова и движением фразы от коротких речевых тактов к длинным: «*Де-дышка / тихий, / добрый, / бабушка / тоже доб-рая, / жалостливая. // В деревне / душевно живут, / бога боятся... // И церковочка / в селе, // мужички / на клиросе поют. // Унесла бы нас отсюда царица небесная, / заступница-матушка //*» [6; 185].

Молчание несчастных прорывается *молитвой* Ефимьи, окрашенной *идиллическими* красками, идеализирующими патриархальный сельский уклад: «Там теперь снегу навалило под крыши... деревья стоят белые-белые. Ребятки на махоньких саночках... И дедушка лысенький на печке... и собачка желтенькая... <...> А в поле зайчики бегают. <...> В деревне душевно живут, бога боятся...» [6; 184–185].

Идеализированность представлений Ефимьи о жизни в деревне и ее любовь к родителям подчеркиваются лексическими средствами, находящимися в антонимических отношениях: в первой главе Василиса четырежды бросает *сердитые* взгляды, во второй – Ефимья, создавая в воспоминаниях образ покинутого ею дома, говорит об отце и матери как о людях *добрых*. Поэтому не слово, а чувство кровного родства служит «чуду» общения персонажей. И Василиса, по-матерински интуитивно чувствуя неладное в жизни дочери, и Ефимья, получившая вместо сердечно-го родительского привета «тарабарщину», – обе заплакали. В смысловой структуре текста два синонима: *заплакала* (о Василисе – в первой главе) – *залилась слезами* (о Ефимье – во второй главе), получают статус ключевых слов, организующих содержательное, композиционное и эмоциональное пространство рассказа, заставляя читателя воспринимать происходящее в *драматическом* ключе безысходности.

Через синонимический повтор ключевых слов задается ритм повествования, упорядочивая разрозненные элементы: контраст, лежащий в основе членения текста на главы, снимается, а ключевые слова обретают обобщенно-символическое значение, апеллирующее к символике слез как очищения, страдания, христианского смирения и надежды. Страшная художественная реальность оттеняется мотивом веры в добро и единение душ. В то же время контраст, лежащий в основе деления рассказа на главы, способствует воссозданию

зданию удушающей атмосферы бездуховной и жестокой действительности. Этому служат особенности хронотопа первой и второй глав. В первой главе место действия никак не обозначено: мы не знаем, в какой деревне происходят события. Очевидно одно – где-то в российской глубинке, откуда до ближайшей железнодорожной станции одиннадцать верст. Главное событие происходит в стенах *трактира* – придорожного ресторана самого низкого ранга, дешевой еды и неуемного разгула. *Драматичность* ситуации подчеркивается тем, что старуха за помощью в написании письма идет не в церковь (а она в деревне есть – мы узнаем об этом из второй главы), а в *трактир*.

Просителей не пустили дальше кухни, в которой «на плите в кастрюле жарилась свинина: она шипела и фыркала и как будто даже говорила: «Флю-флю-флю»» [6; 181]. Так в описание кухни ассоциативно встраивается мотив преисподней, поддерживаемый возгласом Егора: «*Жарко! <...> Должно, градусов семьдесят будить*» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 182].

Но грешники в трактирной кухне не мучаются и не горят в огне, они там царствуют, торгугаясь с нищими стариками: «Василиса поговорила в трактире с кухаркой, потом с хозяйкой, потом с самим Егором. *Сошлись на пятиалтынном*» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 181].

Основное действие второй главы происходит в Петербурге, в водолечебнице, в комнатке под лестницей в конце коридора, где живет Андрей Хрисанфыч с семьей. В смысловой структуре главы востребованной оказывается мифологема *Петербурга* как искусственного города, холодного и физически (камень, небо, вода, мороз), и психологически (равнодушие и жестокость) – символа государственности и рассудка, в котором гоголевскому маленькому человеку можно только прозябать, а персонажам Ф. М. Достоевского – пытаться противостоять «умышленному», «вымоченному» каменному мешку, где торжествуют пошлость и мерзость. Мотив *чужеродности* городского мира сознанию деревенских жителей усиливается с помощью ономастического знака – немецкой фамилии владельца водолечебницы доктора *Б. О. Мозельвей-зера*.

Особую роль здесь играют воспоминания Ефимьи о *родной* деревне, окрашенные в *идиллические* тона и имплицитно реализующие ощущение простора и воли, которых так не хватает Ефимье. Мир для нее сжимается до размеров комнатки под лестницей (обратим внимание на акцентуализацию небольшого пространства с помощью морфемного средства – суффикса *-к-* в слове *комнатка*), хотя душа устремлена в беспределность, с легкостью преодолевая любые пространственно-временные преграды, – так же, как Анна Сергеевна и Гуров стремятся не замечать забора – «серого, длинного, с гвоздями» («*Дама с собачкой*»), как молодой врач Королев

ужасается удушающей тюремной атмосфере на фабрике Ляликовой («Случай из практики»), как Надя Шумина бежит из закоснелого бабушкиного дома навстречу новой жизни («Невеста»), как тяготится своим высоким положением преосвященный Петр, представляя себя простым, обыкновенным человеком, который «идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен... как птица, может идти, куда угодно!» («Архиерей»), как, сидя взаперти, Громов и доктор Рагин мечтают о прекрасном будущем для всей необъятной России («Палата № 6») и т. д.

Интертекстуальные переклички беспредельно раздвигают чеховский мир, подтверждая справедливость суждения И. Н. Сухих о том, что «доминантный... хронотоп чеховского творчества строится на... *разомкнутости, неограниченности мира*» [4; 136], что не лишает чеховского героя щемящего чувства одиночества. Ефимья ощущает его как чувство сиротства. К нему примешивается ужас, который она испытывает перед своим мужем. Мотив насилия имплицитно присутствует в описании внутреннего состояния героини, переданного с помощью целого ряда языковых знаков, которые свидетельствуют о наложении ее голоса на голос повествователя. Это лексический, синонимический и градационный повтор слов одной семантической группы, объединенных семой ‘страх’, наречие степени очень, восклицательная частица как, междометие ах, разговорная интонация, восклицательная конструкция: «Ефимья вдруг замолчала, притихла и вытерла глаза, и только губы у нее дрожали. Она его очень боялась, ах, как боялась! Трепетала, приходила в ужас от его шагов, от его взгляда, не смела сказать при нем ни одного слова» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 185].

Ответ на вопрос о том, что сделало Андрея Хрисанфыча равнодушным и жестоким, надо искать в упоминании о его службе в солдатах. То, какими перед читателем предстают и Егор, и Андрей Хрисанфыч, может быть воспринято как результат влияния военной службы. А герои, представленные в *анекдотической* плоскости, представлены как герои-двойники (аналогично гоголевским Бобчинскому и Добчинскому) – служаки, забитые палочной дисциплиной, чьи человеческие качества раздавлены системой взаимоотношений в армии, где прав только сильный.

Вот почему в обрисовке этих двух образов Чехов использует прием сгущения смыслового про-

странства. Оценка Егора представлена исчерпывающе, при обрисовке образа Андрея Хрисанфыча повествователь ограничивается лишь штрихами, которые приобретают статус устойчивых знаков персонажа. Так, дважды упоминается о том, что он *не отрывал глаз от газеты*. Лишь иногда в беспристрастном голосе повествователя проскальзывает *ироническая* интонация. Так, когда наверху позвонили, Андрей Хрисанфыч, «сделав очень серьезное лицо, побежал к своей парадной двери» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 183]. Лакейство, по мнению автора, – оборотная сторона насилия.

Облик повествователя в рамках рассказа динамичен: он то спокойно-уравновешенно солирует, то эмоционально обогащен и вбирает в себя голоса персонажей: в первой главе – Василисы, во второй – Ефимьи. Голоса персонажей эксплицируют *сказовый* модус художественности, обнаруживают себя в лексическом повторе слов, характерном для устной речи, в разговорных синтаксических конструкциях и интонации, в ходе рассуждений, презентирующих образ мыслей сначала Василисы, потом Ефимьи, например, во второй главе: «Прочла и уж больше не могла; для нее было довольно и этих строк, она залилась слезами и, обнимая своего старшенького, целуя его, стала говорить...» (курсив наш. – Е. Л.) [6; 184] и т. д.

В динамичности речевого образа повествователя эксплицируются, «прорываются» сквозь толщу безразличия героев друг к другу авторские мысль и чувство, сгущая смысл, языковыми средствами вводя в рассказ полифонию как черту *романного* мышления писателя.

«Вполне рассчитывая на читателя», поздний А. П. Чехов создавал свой образ мира как многомерную, незавершенную, принципиально открытую систему, такую, в которой внутренние связи не обнажены, а сознательно завуалированы. Языковые, идейно-образные, сюжетно-композиционные средства формирования подтекста организуют движение смысловых и эмотивных потоков, являя читателю художественную действительность как силовое поле разнонаправленных модусов художественности – притчевого, сказового, анекдотического, иронического, гротескного, драматического, идиллического, романного. Эти художественные модусы реализуются в тексте вербально и архитектонически, обогащая и усиливая смысловую доминанту текста – мысль о вечной надежде на чудо взаимопонимания между людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 362 с.
2. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 285 с.
3. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
4. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 180 с.
5. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Выш. шк., 1989. 135 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 10. М.: Наука, 1977. 495 с.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ВИНОГРАДОВ

кандидат философских наук, доцент, декан факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный педагогический университет
andvinogradov00@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ Н. И. КАРЕЕВА НА ПРОБЛЕМУ СУБЬЕКТОВ ИСТОРИИ

В статье рассмотрены философско-исторические взгляды видного русского социолога и историка Н. И. Кареева в отношении субъектов исторического процесса. Они соотнесены с аналогичными представлениями основателей русской социологической школы П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Кроме того, определено место, которое занимает эта школа в общем спектре различных вариантов решения проблемы субъектов истории в русской философии последней трети XIX – начала XX века.

Ключевые слова: субъект истории, русская философия, русская социология

Будучи одновременно историком, философом и социологом, Николай Иванович Кареев всем своим творчеством продемонстрировал возможность интегративного понимания исторического процесса, которое весьмаозвучно интересам современного человека, рассматривающего мир через синергетическую парадигму. Особенно значимым представляется взгляд российского мыслителя на проблему субъектов исторического процесса, так как при решении этой проблемы ему удалось совместить социологическое представление об истории как взаимодействии человеческих общностей с защитой личного начала в истории с признанием человека ее главным судьей. Попробуем проанализировать, как Карееву удалось это сделать.

Прежде всего надо отметить, что он переосмыслил социологию О. Конта, избавившись от одного из основополагающих принципов, предложенных основателем позитивизма. Философская позиция Кареева была проникнута отрицанием исторической закономерности, понимаемой по аналогии с закономерностью естественно-научной. По мнению Кареева, понятие закона для исторического процесса не имеет смысла, так как исторические факты объективно ничто между собой не связывают. Он заявлял, что «всемирно-исторический процесс непланомерен», более того, что «ход всемирной истории есть не что иное, как хаотическое сцепление случайностей, происходящее во времени» [2; т. 1; 198]. При таком подходе не остается места для признания в истории общих закономерностей, исключается возможность применения в науках об обществе объективизма, свойственного естественно-научному познанию. Исторические события, следовательно, не могут быть до конца объясненными, проявленными. Благодаря произведеному таким образом ограничению необходимости в представлении об истории многое в ней зависит от случайности, от непредопределенного заранее сочетания обстоятельств. В отношении рассматриваемой

темы особенно важно, что это представление открывает возможность для поисков в истории ее «деятеля», не скованного жесткими рамками природного детерминизма.

При этом оказывается, что закономерность в истории может носить только субъективный характер: она привносится в историю мыслящим субъектом. Такая постановка проблемы открыла широчайшие возможности для рассмотрения в качестве субъекта истории личность, потому что она оказывалась тем звеном, которое скрепляет воедино все остальные элементы исторического процесса, придает им логику и смысл. Недаром Кареев прямо указывал, что «центральный предмет философии истории есть именно человеческая личность, через которую и по отношению к которой совершаются все, изучаемое историей» [2; т. 2; 397].

Но в таком случае ключевым становится вопрос о том, каким образом личность осуществляет эту свою роль: вправе ли она поступать произвольно или она ограничена определенными рамками, задающими границы ее возможностей. Ведь совершенно очевидно, что при таком подходе легко соскользнуть к субъективизму, отказавшись от представления о сдерживающих личность социальных факторах. Не удивительно, что в адрес Кареева нередко раздавались упреки за якобы признание им субъективного произвола в истории [1; 138]. Отвечая на эти упреки, Кареев выступил решительным противником субъективного произвола. Он посвятил рассмотрению данной проблемы специальную статью «О субъективизме в социологии» (1880), в которой отмежевался от субъективизма в смысле пристрастности и односторонности суждений субъекта об истории, но высказался за такой субъективизм, который неизбежен при рассмотрении деятельности других субъектов. Позже, отвечая своим оппонентам, Кареев еще больше уточнил собственную позицию в этом вопросе и в работе «Моим критикам. Защита книги “Основные во-

просы философии истории» (1884) еще четче выделил два вида субъективизма: «произвольно-случайный» и «законный». Первый вид субъективизма является, по его мнению, неправомерным и должен быть исключен из исторической науки, а второй, «законный», необходим для понимания исторических явлений, так как он «сводится к субъективному отношению историка как человеческой личности к человечеству как совокупности таких же личностей» [3; 81]. Другими словами, раз историк является человеком, то он не может не смотреть на исторические явления иначе, как представитель человеческого рода. Здесь личность оценивает историю как историю себе подобных.

Нельзя не согласиться с тем мнением, что историю людей может понять только человек и только по-человечески. Но возможность отличить «законный» субъективизм от «произвольно-случайного» представляется проблематичной, потому что в таком случае человеку придется отрешиться от всего, что формирует его как конкретную личность, – национальных, профессиональных, социально-ролевых и прочих своих особенностей, и оставить только общечеловеческие характеристики. Но людей «вообще» не бывает, так как это абстрактное понятие. А реальный человек всегда смотрит на мир через призму того набора конкретных качеств, которые выработались у него в ходе социализации, при этом привнося и в понимание истории собственные субъективные моменты. Не удивительно, что Карееву на протяжении всего его творческого пути приходилось защищаться от обвинений в субъективизме. Да и сам он в одной из своих последних работ, готовившейся в течение длительного времени, но не опубликованной при его жизни, – «Основы русской социологии» (1896), отметил, что само название «субъективный метод» внесло путаницу в методологию представляемого им философского направления [11; 76].

С этим представлением о «человеческом» понимании истории Кареев, как уже отмечалось, стремился совместить ряд чисто социологических идей, касающихся социальных образований. В частности, он использовал в своих построениях некоторые марксистские идеи. «Не будучи сторонником экономического материализма… я, однако, взглянул на него как на одну из историологических теорий, которая, вернее – элементы которой должны вместе с разными другими теориями идти в общий социологический синтез», – писал он [8; 10]. Однако Кареев отвергал одно из центральных положений исторического материализма о необходимости понимания субъекта истории с классовых позиций. Оценивая то, в каком состоянии находится в его время это понимание, он писал: «...отдельные классы общества взглянули на современность односторонне, не сумели дать такого о ней приговора, который бы

удовлетворил нас». Кареев ставит задачу: «...нужно изменить этот приговор, попытаться основать его на более разностороннем взгляде» [4; 24].

В качестве способа решения поставленной задачи Кареевым утверждается значение личности как верховного принципа философии истории, который проявляется прежде всего в оценке личностью исторического развития, в ее праве морального суда над историей. Эта оценка производится личностью с позиций того или иного общественного идеала, который, по мысли Кареева, меняется с течением времени. Более того, «каждый народ имеет свои, более или менее своеобразные точки зрения на явления нравственного и общественного мира» [9; 174]. Из-за разницы в исторических условиях жизни разных народов у них развивались разные идеалы, в силу чего каждый народ «смотрит на моральный и социальный мир вообще несколько односторонне» [9; 174]. Но при этом данное положение не означает признания за отдельными народами статуса субъектов истории. Его скорее следует понимать как указание на ущербность или неполноценность трактовки истории с точки зрения только одной части человечества. Отсюда у Кареева появляется задача, которую он ставит перед исторической наукой, заключающаяся в том, чтобы смотреть на исторические события «не с одной точки зрения их места и роли в прошлом того или другого народа, но с точки зрения их значения в истории человечества, взятой в целом, в истории мировой» [6; 233]. Но данное требование, в свою очередь, не означает, что человечество рассматривается им как субъект истории. Просто к исторической науке Кареевым предъявляется требование учитывать национальную специфику восприятия исторических явлений разными народами и рассматривать эту специфику в качестве отражения разных сторон единой исторической действительности. При всех оговорках и уточнениях, содержащихся в произведениях Кареева, центральным звеном его философско-исторических представлений оставалась человеческая личность как единственный реальный субъект истории.

Суть той точки зрения, которая была представлена в работах Кареева, заключается в отстаивании специфики исторических явлений, неприменимости к ним набора формул и схем и как результат – придании особо важного значения ее субъективному фактору. Совершенно в духе позитивизма Кареев отказывался от каких-либо метафизических представлений в области истории, так как метафизика говорит о предметах, выходящих за пределы эмпирических данных. В применении к истории она рассматривает цель и смысл исторического процесса, его высший план и вневременную сущность. Кареев критиковал как несостоятельные умозрительные схемы всемирной истории на примере тех, кото-

рые выстраивали Кондорсе и Гегель. У Кондорсе, по мнению Кареева, исчезало разнообразие национальных факторов, а у Гегеля единство истории обеспечивалось за счет обращения к некоему фантастическому духу [10; 15]. При этом надо отметить, что, отвергая все это, Кареев не скатывался на позиции голого эмпиризма, который не видит в истории ничего, кроме объективных процессов. Критикуя подобную точку зрения, он отмечал, что «эволюционизм, составляющий основную черту философских и исторических взглядов XIX века, имеет тенденцию донельзя умалять значение личного начала в истории культуры: последняя не просто развивается, а именно саморазвивается» [7; 529].

Кареев, отвергая метафизику, но и не принимая истории без человека, стремился найти золотую середину между этими крайностями. Такой серединой ему представлялся подход, признающий у истории цель и смысл, но рассматривающий их как существующие не объективно, а как привносимые в историю мыслящими субъектами. Подобный подход, с одной стороны, может претендовать на научность, так как в его основе лежит использование реальных исторических фактов, а с другой стороны, он носит философский характер, так как понимание этих фактов производится с использованием представления людей об идеальной цели исторического развития. Кареев выразил суть своего метода следующим образом: «...научная философия истории имеет смысл, но не как ее сверхчувственную сущность, а как значение ее перемен для человечества» [5; 181]. Таким образом, важнейшим инструментом истории Карееву представлялось понимание личностью значения исторических событий. «Формула прогресса» служила своеобразной меркой, которой пользуются для оценки масштаба происходящего в истории. В философии истории, по Карееву, неизбежно сочетаются два элемента: научный (элемент, вытекающий из характера объекта знания) и философский (элемент чистого творчества). Творчество же выражается в том, что личность делает и познает историю не иначе как посредством определенных принципов. Эти принципы, по выражению Кареева, «лежат в основе идеалов личного и общественного бытия, создаваемых индивидуальной и социальной этикой» [12; 225].

Указание на то, что идеалы бывают не только личными, но и общественными, а этика не только индивидуальной, но и социальной, с очевидностью демонстрирует, что Кареев чувствовал недостаточность одного индивидуального начала для объяснения истории. Тут в нем, несомненно, говорил социолог: защищая личность от поглощения ее явлениями более общего порядка, отстаивая ее права как реального субъекта истории, он вместе с тем понимал, что любая, даже самая развитая личность нуждается в опоре на

объективные условия своего существования. Она вправе постепенно менять эти условия (недаром Кареев понимал прогресс как «процесс, освобождающий, укрепляющий, обогащающий личную жизнь и приспособляющий над-органическую среду к потребностям развитой личности» [2; т. 2; 399]), но сами условия по крайней мере ставят перед личностью задачи, решая которые она по сути и совершает исторический процесс. В такой деятельности общества («над-органической среды», по выражению Кареева) не может быть претензии на роль субъекта истории. В данной концепции общество играет роль фактора, обуславливающего границы деятельности настоящего субъекта – личности.

Конечно, при этом Кареев понимал, что в реальном историческом процессе принимают участие не все люди, а «роль принимающих далеко не одинакова» [7; 19]. От кого-то зависит принятие решений, влияющих на огромное количество других людей, а кто-то отвечает только за себя. Кто-то проявляет себя как активный участник происходящих событий, а кто-то к ним безразличен. Судя по всему, главным для Кареева было то обстоятельство, что человек в принципе наделен статусом субъекта истории, а то, как он воспользуется своим статусом (и воспользуется ли вообще), зависит от самого человека.

Сравнивая представления Кареева с воззрениями других видных представителей социологического направления русской философии истории, надо отметить, что в целом все перечисленные мыслители главным субъектом истории считали человеческую личность. При этом понимание ими личности значительно отличалось. Для П. Л. Лаврова это была личность, сумевшая в своем развитии подняться до выработки критической мысли, интеллектуальная личность. Для Н. К. Михайловского – любой человек, стремящийся к проявлению своей индивидуальности во всей ее полноте. Для Кареева – личность, сумевшая отрешиться от всякой пристрастности и односторонности в отношении исторического процесса, вставшая на точку зрения общечеловеческой, универсальной этики.

Последняя характеристика особенно сильно отличает представления Кареева от его предшественников по философской школе. Интеллектуализм критической мысли личности у Лаврова и проявление человеческой индивидуальности во всей ее полноте у Михайловского неизбежно приводят к субъективизму. Кареев же стремился уйти от субъективизма и обосновать историческую деятельность личности на более прочном фундаменте общечеловеческих нравственных ценностей. Это демонстрирует его понимание ошибочности субъективистского редукционизма в отношении к субъекту истории. Подобная черта обособляла философско-исторические взгляды Кареева от марксистского представления о субъ-

екте истории, в котором главную роль играли не нравственные, а классовые отношения, но сближала ее с метафизическим направлением христианского универсализма (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.), в котором нравственности также отводилась важная роль. Правда, внерилигиозное обоснование нравственных норм служило отличительным признаком решения данного вопроса в рассматриваемом учении по сравнению с метафизическими направлениями мысли. Не удивительно, что Кареев указывал на объективные условия реализации личностью своей исторической роли, в том числе на экономические обстоятельства жизни общества, что в какой-то мере сближало его концепцию с марксизмом.

В целом учение Кареева о личности как субъекте истории занимает промежуточную позицию между двумя крайними направлениями. С одной стороны, личность для Кареева не детерминирована объективными факторами внешней среды. Согласно его представлениям, эти факторы лишь создают возможность для деятельности личности. С другой стороны, личность он рассматривал как носительницу нравственного начала истории, как стремящуюся к реализации идеалов, пусть и не имеющих метафизической санкции. Подобная «срединная» позиция была чревата опасностью скатывания к одной из крайностей: либо признанию законности субъективного произвола, либо к понима-

нию исторической роли личности как иллюзии, за которой стоит действие реальных исторических законов, носящих объективный характер. Эволюция социологического направления русской философии истории продемонстрировала его разделение на эти позиции еще до начала активной научной деятельности Кареева в сфере философии истории. Первая брала исток во взглядах Михайловского, защищавшего исторические права «профана». Вторая – во взглядах позднего Лаврова, у которого личность своей мыслью не столько делала историю, сколько осознавала то, что происходит помимо ее воли в соответствии с объективными тенденциями исторической действительности.

Кареев же попытался создать такое представление о субъекте истории, которое сочетало бы важнейшую роль личности с ее участием в объективных социальных процессах. В этой попытке нашло отражение стремление многих русских мыслителей конца XIX – начала XX века рассмотреть личность не как пассивную игрушку объективных законов или воли высшего разума, но как активную и творческую силу истории. Подобное стремление особенно импонирует современному человеку, все больше осознающему свою личную ответственность за протекание исторического процесса. Поэтому взгляды Н. И. Кареева на проблему субъектов истории сохраняют свою актуальность даже почти век спустя после того, как они появились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанский С. Личный и общественный элементы в истории // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1896. Т. 6. С. 128–159.
2. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса: В 2 т. М., 1883.
3. Кареев Н. И. Моям критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории». Варшава, 1884. 84 с.
4. Кареев Н. И. Суд над историей: Нечто о философии истории // Русская мысль. 1884. Кн. 2. С. 1–30.
5. Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1899. 518 с.
6. Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913. 320 с.
7. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. 574 с.
8. Кареев Н. И. Историология (теория исторического процесса). Пг., 1915. 320 с.
9. Кареев Н. И. О духе русской науки // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 171–184.
10. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Тульская обл., пос. Заокский: Источник жизни, 1993. 384 с.
11. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
12. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса // Очерк русской философии истории: Антология. М., 1996. С. 219–233.

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУВОРОВА

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Петрозаводский государственный университет
suvormih@list.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ

Анализ предметного поля современной эстетики демонстрирует разноплановость научных исследований: от «цифровой» и логической эстетики до классической эстетики стиля. Такое разнообразие позволяет утверждать, что эстетика как философская наука по-прежнему актуальна.

Ключевые слова: эстетика, эстетические категории и паракатегории, цифровое искусство, постмодернизм

Обратиться к вопросу предметного поля современной эстетики заставляет не столько многообразие имеющихся эстетических концепций, сколько желание соотнести это предметное поле с сегодняшней научной парадигмой в историческом контексте. Кроме того, в российском научном сообществе активно обсуждается проблема «смерти» эстетики (Н. М. Долгов) или ее подмены культурологией (В. П. Шестаков). Также сегодня можно встретить рассуждения (Н. М. Долгов, М. Т. Рюмина) о разрыве эстетики как науки с эстетикой жизни. Как писал Ж. Бодрийяр, эстетика «становится теорией обобщенной совместности знаков, теорией их внутреннего согласования (означающее / означаемое) и их синтаксиса» [1; 235]. Данная проблема неопределенности статуса эстетики и ее места в современной системе наук логично возвращает нас к ее проблемному полю. Насколько тематически широко это проблемное поле, имеется ли связь с классической эстетикой (проблема преемственности в науке) и способна ли сегодня эстетическая наука исследовать современное искусство? На эти вопросы довольно сложно ответить в рамках одной статьи, поэтому целесообразно будет рассмотреть основные направления их решения.

Обратимся к вопросу исторической преемственности эстетических традиций. В период имплицитного развития (с античных времен и до XVIII века) эстетика довольно разнообразно определяла предметное поле исследований. Важнейшие аристотелевские категории мимезиса и катарсиса традиционно рассматривались при восприятии искусства. В европейской традиции устойчиво использовались категории прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического и тому подобного в оценке не только художественного творчества, но природных и социальных объектов, процессов, явлений (например, «О героическом энтузиазме» Дж. Бруно).

В период перехода от имплицитного состояния к эксплицитному в XVIII веке эстетика обрела терминологический аппарат классической науки. А. Баумgartен впервые предложил сам

термин «эстетика», подразумевая ее дуалистический характер: с одной стороны – как науку о чувственном познании (по сути перцептивной направленности), а с другой стороны – как общую теорию (философию) искусства (по сути креативной направленности). Такое разногласие в определении предмета исследования и назначения эстетики в XX веке закончилось распадом на эстетику бытия – классическую и эстетику технэ – неклассическую (В. П. Крутоус), или постмодернистскую. Именно этот процесс в XX веке содействовал отказу постмодернистской эстетики от традиционных классических эстетических категорий. На смену им пришли «паракатегории», или рабочие формулировки, такие как замысь, цитатность, ризома, жестокость, симулякр (В. В. Бычков) и т. п. Эти паракатегории расцениваются как понятия, больше соответствующие новой творческой практике энвайронментов, инсталляций, хеппингов, биеналле и т. п. После выхода в свет учебника В. В. Бычкова по неклассической эстетике с описанием паракатегорий ситуация разрешилась в пользу признания такого предметного поля эстетики, в данном случае эстетика технэ идет рука об руку с новыми художественными практиками. Что примечательно, само определение художественности того или иного произведения заменено в нонклассике категорией «контекста», которая, по мысли В. В. Бычкова, приобрела вес, равный художественности. «Только сейчас, – пишет А. С. Мигунов, – художественность начинает возвращать утраченные в недалеком прошлом позиции, наполняясь новым смыслом» [5; 15].

Фактором, который активизировал эту нынешнюю художественность, стало использование художниками компьютерных, цифровых технологий. Судя по выступлениям эстетиков в печати и на научных конференциях (см. материалы IV Овсянниковской международной эстетической конференции и 5-х Кагановских чтений), цифровое искусство стало буквально предметом эстетических исследований номер один. Эстетические исследования цифровой музыки, цифровой живописи, цифровой скульптуры, цифрового те-

атра включают не только анализ специфики творческого произведения, но и специфику восприятия цифрового искусства. Современные компьютерные, цифровые технологии и виртуальные практики вторгаются в сам творческий процесс, радикально меняют психику человека и влияют на отношения «человек – реальный мир». Таким образом, актуальной становится проблема расложения эстетического чувства. Именно теперь, в период все более тесного взаимодействия и даже «слияния» человека с машиной, становится особенно ясно, что существует чувственность внешняя (перцептивная) и чувственность внутренняя (сугубо эмоциональная). Судьбы той и другой чувственности сегодня различны. «Разделив сферу чувственности надвое, электронные технологии работают лишь с одной ее половиной, ответственной за восприятие. Зрительные, слуховые, тактильные образы превосходно воспроизводятся (симулируются) сенсорными устройствами, подключенными к компьютеру. Другая половина чувственной сферы – эмоции и переживания остаются традиционными, какими они были у человека всегда» [5; 16]. Традиционная, классическая эстетика исходит из приоритета чувственности первого рода. Между тем передовые технологии все решительнее вторгаются в глубинные эмоциональные слои личности, минуя чувственность «внешнюю». Однако внутренние эмоциональные структуры более устойчивы, обладают большим консерватизмом, чем виртуальная реальность, которая развивается семимильными шагами. Таким образом, сегодня предметом эстетического исследования также является противоречие между так называемой «внешней» и «внутренней» чувственностью. В изучении данного противоречия наблюдается явная необходимость в этической оценке, так как подверженный виртуальной атаке и раздиаемый внутренними противоречиями человек нуждается в корреляции форм своего поведения и отношения к виртуальному и реальному миру. Как утверждал Л. Витгенштейн, «эстетика и этика едины» [4; 186].

Интересно, что не все традиционные категории классической эстетики канули в небытие или были заменены. Такая известная категория, как стиль, оказалась весьма востребованной иозвучной времени. Е. Н. Устюгова, рассматривая востребованность категории стиля (в искусствознании, науковедении, психологии, социологии, культурологии и др.), разрабатывает общую теорию стиля, полагая, что стиль сегодня является эстетическим фактором саморазвития и самоопределения культуры в целом. Данный факт, очевидно, указывает на преемственную связь классической и современной эстетики.

Подчас эстетические исследования с точки зрения классических категорий обретают новый методологический аппарат. Так, В. Бычков для

анализа постмодернистского искусства разработал специфический метод «ПОСТ-адеквации». По мнению ученого, с помощью «традиционных дескриптивных искусствоведческо-эстетических исследований не удается проникнуть в суть современных артефактов» [3; 111]. В. Бычков считает возможным применение медитативного проникновения и выражения медитативного опыта на вербальном уровне с помощью специфических текстов (в виде эссе, концептуальных построений, поэтических структур, потока сознания). Такая позиция исследователя, безусловно, характеризует современную теорию искусства как нетрадиционную и неклассичную.

«Сочетание ностальгических настроений с техницистским pragmatismом породило тот особый колорит “стоического оптимизма”, иронической веселости, который в сочетании с открытой развлекательностью, занимательностью многих постмодернистских сюжетов способствовал их популярности у массового зрителя» [3; 111]. С точки зрения онтологии искусства чаще на первый план выходит только развлекательная функция, а ставка на зрелищность любой ценой приводит к эстетической неразборчивости массовой культуры. Анализируя массовую культуру, необходимо указать на такое специфическое явление в эстетической картине мира, как кич. Кич относится к самым низким пластам массовой культуры и является стереотипным псевдоискусством, лишенным художественно-эстетической ценности. Именно кич в современной эстетической картине мира выражает модификацию низменного и безобразного одновременно, являясь категорией тривиального (то есть элементарного, банального, общедоступного). Данное явление проявляется прежде всего как оформительский элемент журналов с их безвкусными, но красочными обложками, в комиксах, в кино-, видео-, телепродукции, рассчитанной на все вкусы. В современной культуре кич рассчитывает на обыденное сознание и стирает границы эстетических ценностей в искусстве и других сферах жизни, что объединяет его с категорией безобразного, выражающей негативную эстетическую ценность. Негативная ценность такого «искусства» подтверждается отчасти и самими «творцами». По словам писателя В. Сорокина, «литература – это светское занятие. Это не служение и не проповедь. Литература для меня одно из естественных направлений, как еда, сон, секс. Чем же я соблазняю? Описанием чудовищного мира современного человека? Его жестокостью, беспощадностью, убожеством? Жизнь жестче самой жестокой литературы. Что такое современная литература – лекарство или наркотик, не имеет значения. Важно, что она пока нужна людям» [7; 4]. И в противоположность этой позиции – цитата из книги Ю. Бондарева: «Художественная литература – это форма познания

жизни посредством слова, она передает нам изменчивую картину мира. А писатель по-прежнему остается строителем самого хрупкого и самого высокого храма в мире – человеческой души» [2; 6]. Эти две точки зрения как нельзя лучше отражают принципиальную полярность взглядов на один и тот же вид творческой деятельности.

В первом случае безобразное в искусстве, опираясь на ницшеанское, бергсоновское, фрейдистское учение, ориентируется на эстетическое удовольствие и непосредственную натуральность. Экспрессивно-натуралистические сцены и образы насилия, жестокости, садизма и мазохизма в современных творческих актах направлены на возбуждение негативных эмоций протesta, отвращения, брезгливости, страха, ужаса, шока. Таким образом, безобразное абсолютизируется в современной эстетической картине мира и включается в один ряд и на равных условиях со всеми остальными эстетическими феноменами бытия-сознания. Этот процесс эстетизации безобразного в научном сообществе является одной из самых обсуждаемых проблем.

«Поверить алгеброй гармонию» в истории эстетики пытались многие исследователи. Сегодня эти попытки вылились в создание алгоритмической эстетики (А. С. Мигунов) и логической эстетики (Е. Я. Басин). В этих исследованиях авторы пытаются преодолеть известную дилемму «эстетика – логика», указывая на возможные точки пересечения этих философских наук. Основанием для пересечения служит идея А. Уайтхеда о том, что существует аналогия между эстетикой и логикой: «...они обе связаны с наслаждением от композиции, в основе которой взаимосвязь факторов. Имеется целое, возникающее в результате взаимодействия многих отдельных деталей. Значимость же проистекает от ясного схватывания взаимозависимости одного и много-го. Если же какая-то из сторон этого антитезиса уходит на второй план, то происходит тривиализация логического и эстетического опыта» [6; 385]. Таким образом, логика и эстетика есть абстракции от реальных процессов. Логика открывает возможности, которые могут быть реализо-

ваны в конкретных системах. Одной из них является искусство. Логическая эстетика призвана показать, раскрыть природу не только художественной эмоции, но и всех других психических процессов, участвующих в создании и присвоении художественных ценностей. Кроме того, эстетическая деятельность художника – это мастерство, навык, умение, знания, которые и призвана изучать логическая эстетика. В качестве примера можно считать актуальными слова К. С. Станиславского: «Логика особенно нужна практике в области чувства. Она оберегает от больших ошибок!» Появление таких «вариантов» эстетики, безусловно, свидетельствует о расширении проблемного поля науки.

Традиционными, пожалуй, в современной эстетике являются вопросы эстетического образования и воспитания. В большинстве своем исследования в этом предметном поле эстетики сводятся к интеграции с педагогикой, психологией, социологией и основываются на психологопедагогических экспериментах и рефлексивных практиках. Собственно, в этом проблемном поле осуществляется связь теории и практики в таких вопросах, как специфика формирования эстетического сознания, вкуса, потребностей и ценностей; интерпретации текста и целеполагания в эстетическом воспитании.

Таким образом, выясняется, что предметное поле современной эстетики по-прежнему тематически широко и многообразно; сама эстетика не потеряла связи с классическими традициями и заметно обогатилась новыми категориями. При изучении искусства эстетика находится в процессе поиска новых подходов, методов и способов исследования, а теоретические вопросы рассматриваются в тесной связи с практикой жизни, что не позволяет нам говорить о «смерти» эстетики. Однако из предложенной панорамы взглядов становится очевидным, что проблема предметного поля эстетики далека от завершения и открывает широкие перспективы для исследователей в определении структуры предметного поля эстетики, что является вопросом методологии науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2004. 272 с.
2. Бондарев Ю. Диалоги о формулах и красоте. М.: Просвещение, 1990. 224 с.
3. Бычков В. В. Искусство нашего столетия. Пост-адеквации // Корневище ОБ. Книга неклассической эстетики. М.: ИФ РАН, 1998. 270 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.
5. Мигунов А. С. Алгоритмическая эстетика. Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства // Материалы IV Овсянниковской междунар. эстетической конф. МГУ им. М. В. Ломоносова, 23–24.11.2010: Сб. науч. докладов. М.: МИЭЭ, 2010.
6. Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. / Сост. И. Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 717 с.
7. Усков Н. Поэт в России – просто поэт. Куда идет русская литература? // Независимая газета. Антракт. 2008. 21 ноября. С. 10.

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и финансов, декан экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
akulov@onego.ru

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
isakov@petrsu.ru

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА МОРОЗОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики, Карельский научный центр РАН
morozova.ras@gmail.com

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИИ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Приграничный бизнес служит индикатором качества институциональной среды. Было проведено эмпирическое исследование финских предприятий на территории Карелии, выявлены институциональные проблемы их деятельности и действия экономических субъектов по институциональной трансформации.

Ключевые слова: институциональная экономика, приграничный бизнес, конкурентоспособность северного приграничного региона, трансграничное сотрудничество

Приграничный бизнес является сферой, в которой происходят процессы, дающие материал для анализа влияния институциональной среды на экономическую эффективность. В открытом экономическом пространстве при отсутствии трансакционных издержек капитал устремится через границу в национальную экономику с наименьшим уровнем трансformationальных издержек. При этом основным инструментом регулирования интенсивности инвестирования будет служить таможенный тариф. Фактор местонахождения рынков сбыта продукции в приграничье не имеет существенного значения. Отличие эмпирических наблюдений от вышерассмотренной гипотезы объясняется наличием трансакционных издержек.

Уровень заработной платы и налогов в России значительно ниже, чем в Финляндии. Таможенный режим переработки на таможенной территории, а также соотношение вывозных пошлин на необработанную древесину и пиломатериалы делают выгодным размещение сборочных производств и производств по переработке древесины на территории РК [1], [2]. Поэтому изучение прямых инвестиций финских предпринимателей в карельские предприятия может дать представление об уровне трансакционных издержек в регионе.

Исследования показывают, что мелкие финские фирмы в 1990-х годах создали более 250 предприятий в приграничной Карелии, которые работали, хотя и недолго, на местный и финский рынок. Но барьеры для малого бизнеса оказались слишком велики, возникло множество проблем, а доходы этих фирм оказались меньше ожидаемых [4].

В 2000-е годы в Карелии были созданы предприятия сборочного производства, входящие в крупные международные концерны, такие как ООО «АЕК», ООО «Электрокос», ООО «Раптэк» [7], [8], а также деревообрабатывающие предприятия. ПетрГУ в рамках проекта «Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития российских регионов в условиях глобализации и модернизации» провел серию интервью с руководством этих предприятий для того, чтобы выяснить ситуацию с уровнем издержек на них. Назовем причины инвестирования в карельское предприятие с точки зрения трансformationальных издержек.

Основная причина размещения сборочных производств в Карелии – сравнительно недорогая рабочая сила. По словам руководителей заводов, в Финляндии за аналогичные работы сотрудники получают примерно в 3 раза больше, чем в России. В Финляндии выше расходы на коммунальные услуги и другие платежи населения. При этом финны отмечают высокое качество российского менеджмента. Безусловно, российским специалистам может не хватать знаний об особенностях ведения бизнеса по западным принципам, но они отличаются более широким взглядом на бизнес-процессы, что обусловлено системой российского образования. Финский менеджер для того, чтобы получить такие компетенции, должен поработать на различных должностях в различных отделах и даже на различных предприятиях, российский обладает ими «от природы».

Для сборочных производств также существенной причиной экономии на издержках является применение таможенного режима переработ-

ки на таможенной территории, который позволяет беспошлинно ввозить комплектующие и вывозить готовую продукцию, пользуясь льготой.

Руководители деревообрабатывающих предприятий в качестве одной из причин размещения на территории Карелии называют дефицит сырья в Финляндии и наличие заградительных пошлин на вывоз сырья из России. Дешевизна рабочей силы не является решающим фактором, так как финские технологии обработки древесины предусматривают высокую автоматизацию труда.

Налогообложение в России также более либеральное, чем в Финляндии, хотя финские инвесторы обеспокоены его нестабильностью. Еще одним важным фактором является близость к границе, в результате чего транспортные расходы невелики.

Таким образом, с точки зрения трансформационных издержек, в России весьма благоприятные условия для развития финского бизнеса.

В то же время финский бизнес приходит в Карелию очень медленно. ООО «Кархакос» было создано в 1993 году. Потребовалось 8 лет, чтобы PKC Group открыла ООО «АЕК», и лишь в 2005 году цех электроники был выделен в ООО «ЭлектроКос» [7].

Некоторые фирмы, например OY Delta, поработав в Карелии, ушли из нее.

Где находится источник дополнительных затрат на ведение бизнеса в Карелии и что не учли финские предприниматели, отличительная особенность которых, по словам российских сотрудников финских компаний, заключается в тщательном расчете своих выгод и затрат?

Все финские предприятия на территории Карелии имеют проблемы с прохождением таможенных процедур. Для сборки на территорию России ввозится более 100 млн деталей в год. В Финляндии подсчет проводится по весу. На таможне идет поштучный пересчет всего ввозимого объема, в результате чего выявляются некоторые отклонения, которые расцениваются как нарушения порядка декларирования. На некоторых заводах это приводило к простою оборудования.

Кроме того, проблемы появляются и из-за несовершенства законодательства. Из интервью: «Любое постановление можно трактовать в любую сторону, и неприятности возникают. Допустим, таможня наша и таможня Выборгская – это земля и небо. В одном государстве живем, но на все вещи взгляд абсолютно разный».

Все опрошенные руководители предприятий отмечают большое число контролирующих органов и рассогласованность их действий, когда соблюдение требований одного органа вызывает нарушение требований другого.

Деревообрабатывающие предприятия имеют потери, связанные с задержками отгрузки готовой продукции для фитосанитарного контроля, который осуществляется только в отношении

определенного объема продукции. Таким образом, создаются запасы продукции на складе, которые задерживаются еще и на время подготовки соответствующих сертификатов. Имеются нарекания на деятельность транспортной инспекции.

Помимо административных барьеров, часть опрошенных отметила недоверие финских предпринимателей к российским коллегам. Из интервью: «Есть и честные партнеры, с которыми все строится на доверии. Но риски велики, к сожалению. Не скрывая, могу сказать, что когда приходит иностранная компания в Россию, желающих на ней нажиться большое количество. Поэтому надо быть осторожными».

У финских предприятий на территории Карелии контракты на поставку заключены с материнскими компаниями. В то же время ряд из них заинтересован в поставках на территории России, в том числе по государственным контрактам. Однако опрошенные руководители отмечают, что их отпугивает уровень коррупции при заключении этих контрактов. Они знают, что для заключения контрактов необходимы «откаты», и не готовы принять эти издержки и риски.

Вообще для снижения трансакционных издержек финны не прибегают к неформальным институтам, которые противоречат формальным. Из интервью: «...финны – честный народ, честные бизнесмены, работают только в рамках закона, только прозрачно, не придумывают никаких схем, у них не возникает мысли обойти закон... <...> Такой статьи, как взятки, не существует. Пусть нам будет сложнее, пусть это будет немножко дольше, но мы все сделаем честно и правильно». На финских предприятиях увольняют сотрудников, которые предлагают для работы схемы, противоречащие закону.

Таким образом, в приграничном бизнесе сталкиваются различные институциональные среды. Поскольку финский бизнес не принимает ряд российских неформальных практик, он прилагает усилия по созданию в институциональной среде российского бизнеса «островков» западных правил ведения дел.

Для увеличения степени доверия большое значение имеет репутация. Для опрошенных предприятий характерно наличие на руководящих должностях финнов или русских, которые давно и стablyно работали с финнами, заслужив высокое доверие. Поиск партнеров для бизнеса в России может вестись через ассоциации предпринимателей Финляндии. Те компании, которые начинают осуществлять продажи на российский рынок, используют для этого каналы, уже созданные финскими компаниями, которые имеют длительный опыт работы в России и создали сеть доверительных отношений с российскими партнерами. На одном из предприятий, где проводился опрос, существует правило не закупать комплектующие у российских постав-

щиков, которые не могут показать весь путь движения товара от производителя.

Бизнес-контакты на всех предприятиях дополняются личными контактами и дружбой.

Большое значение имеют институты приграничного и сопредельного сотрудничества. Местные и региональные администрации оказывают содействие в решении институциональных проблем финских предприятий. Очень важным для функционирования финских предприятий на территории Карелии является их статус «образцово-показательных» и установка на то, что их «закрыть нельзя». Из интервью: «Есть четкая позиция руководства таможни и руководства республики, что по их вине завод никогда не встанет». Роль местной администрации может быть различной: от «некоторого интереса» до помощи «на грани нарушения закона».

Программы трансграничного сотрудничества предоставляют ресурсы для проектов, направленных на активизацию приграничного бизнеса. В 2011 году на территории г. Костомукши и финляндской губернии Кайнуу стартовал проект, финансируемый программой ENPI CBC, направленный на поиск партнеров для финских предпринимателей на территории Карелии. Российский психолог, имеющий большой опыт работы с финнами и хорошую репутацию в Финляндии, «проверяла» российских предпринимателей и давала советы финнам о том, стоит ли с ними сотрудничать. Также в рамках проекта проводились семинары, которые обеспечивали информационную поддержку. Проект вызвал широкий интерес с обеих сторон, и на него возлагаются большие надежды.

Предприятия прилагают и собственные усилия для снижения административных барьеров. Например, при проведении семинаров с сотрудниками таможенных органов им объясняется, что предприятие может быть переброшено в другую страну, если собственник будет иметь серьезные проблемы с прохождением таможенных проце-

дур. Предприятия регулярно обращаются в администрации различного уровня с описанием возникающих институциональных проблем. Кроме того, сам принцип честной работы уменьшает число проверок и отношение контролирующих органов к финскому бизнесу.

Таким образом, для ведения приграничного бизнеса необходимы серьезные вложения в институциональную среду. Так как неформальные практики, принятые в России, не могут быть приняты западными предпринимателями, им нужно создавать новые неформальные практики, которые соответствовали бы формальным институтам. Инвестиции в институты требуют значительных средств, их создание имеет большие внешние положительные эффекты, поэтому частный капитал не в состоянии справиться с этой задачей, и проникновение финского капитала в Карелию происходит очень медленно.

Приграничное и сопредельное сотрудничество выводит проблему на более высокий уровень и позволяет осуществлять институциональную трансформацию более высокими темпами. Приграничное положение, таким образом, дает возможности, которые могут стать региональным конкурентным преимуществом [3]. Ведь привлечение иностранных инвестиций – это не главная цель, важнее создание эффективно функционирующей институциональной среды для всех предпринимателей, и в первую очередь отечественных.

Власти, общественность и бизнес приграничных регионов должны объединить усилия для реализации этого конкурентного преимущества и стать локомотивом институциональной трансформации в России.

Исследование проведено в рамках выполнения ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0418 от 26 ноября 2010 г.

ИСТОЧНИКИ

1. Таможенный кодекс Таможенного союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=100808;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=2492F1FBBA414EBC20F74BDD91BE6DE4C>
2. Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые с территории Российской Федерации за пределы государств-участников соглашений о Таможенном союзе: Постановление Правительства РФ № 795 от 23 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=108312;dst=0;ts=FB54C2EA6802EFCA8A035AC22553B5A4>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Акулов В. Б. Конкурентоспособность экономики Севера в условиях формирования новой парадигмы мирового развития (общий подход) // Север и Арктика в новой парадигме развития: Материалы 5-й междунар.-практ. конф. Апатиты, 8–10 апреля. 2010.
4. Иностранные инвестиции в экономике приграничного региона / Н. А. Громцев, А. Е. Курило, Т. В. Кухарева и др. Петрозаводск: Институт экономики КарНЦ РАН, 2000. 40 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. 702 с.
7. PKC Group – Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pkcgroup.com/index.php?1014>
8. RapalaWorld.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rapalaworld.com/alasivu.php?s=c2l2dT1oaXN0b3J5JnR5cGU9MCZwPTMmaD0xNjdEb1g3S28%3D>

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ЮДАЕВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Карельский филиал Северо-Западной академии государственной службы (г. Петрозаводск)
yudaevacvetlana@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

В статье рассматриваются проблемы формирования современной иммиграционной политики нашего государства. Переход к инновационной модели развития требует новых подходов в привлечении иностранной рабочей силы. В числе последних можно рассматривать разработку Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Анализируются региональные особенности реализации данной программы.

Ключевые слова: иммиграционная политика, высококвалифицированные специалисты, соотечественники

Формирование новой, более активной миграционной политики является важнейшим условием изменения качества российской экономики, перехода к постиндустриальному развитию страны. За последние годы Россия превратилась в один из крупнейших центров притяжения рабочей силы. В настоящее время, по оценкам фонда ООН в области народонаселения (UNFPA), доля иностранцев среди экономически активного населения РФ составляет около 10 %, что совпадает с показателями стран Евросоюза [12]. При этом миграционная политика, проводимая последние двадцать лет в РФ, далеко не всегда носила последовательный характер. В большей степени это справедливо в отношении ее иммиграционной составляющей. Только с началом экономического роста в 2000-х годов, когда стало понятно, что одним из основных ограничений для решения многих инвестиционных, инновационных задач развития страны является дефицит трудовых ресурсов, миграционная политика приобрела более выраженный характер.

Предпринимаемые с 2002 года попытки государства повлиять на качество рабочей силы, въезжающей в страну, через систему ограничений привели к распространению нелегальной иммиграции, не уменьшив совокупных миграционных потоков. В результате обострился целый ряд проблем: увеличились диспропорции региональных рынков труда, возросла нагрузка на социальную инфраструктуру, создались условия для распространения среди широких слоев населения идей ксенофобии, национальной нетерпимости.

В гражданском и научном сообществах сформировались два принципиально разных подхода к иммиграционной политике. Первый из них заключается в том, что при условии проведения государственной политики по повышению рождаемости хотя бы до показателя 1,5–1,6 ребенка на семью и по снижению смертности миграция будет играть замещающую роль в демографическом развитии страны. Поэтому приоритетом

иммиграционной политики должно являться привлечение русскоязычного населения из государств – участников СНГ и стран Балтии. При этом ставка должна делаться на квалифицированные кадры [10]. А. Вишневский, Ж. Зайончковская и ряд других ученых придерживаются альтернативной точки зрения, согласно которой миграцию необходимо рассматривать как фактор восполнения населения [7]. Поэтому Россия должна проводить либеральную иммиграционную политику, привлекая трудовые ресурсы любого качества и без ограничений странового, географического характера.

Стратегия новой иммиграционной политики в целом основывается на первом селективном подходе. Одним из первых шагов по активизации иммиграционной политики стало принятие в 2006 году Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Государственная программа [4]), основной целью которой является не только возврат на родину русскоязычного населения, но и привлечение уже подготовленных специалистов. В отечественной практике впервые был создан регулятивный механизм добровольного переселения соотечественников, который служит интересам как переселенцев, так и самой страны и позволяет стимулировать соотечественников к переезду в Россию в целях обеспечения экономики страны и ее регионов необходимыми трудовыми и кадровыми ресурсами.

Дальнейшие изменения в иммиграционном законодательстве последовали как реакция на Послание Президента РФ Федеральному собранию 12 ноября 2009 года в части необходимости модернизации отечественной экономики. В частности, 7 мая 2010 года российский парламент во втором чтении принял законопроект «О правовом положении иностранных граждан в РФ», который существенно меняет порядок привлечения высококвалифицированных специалистов [6].

В российском законодательстве в свое время были заложены определенные нормы дифференцированного регулирования трудовой миграции. Например, квотирование осуществляется в зависимости от профессии, специальности, квалификации, страны происхождения иностранных работников. Однако когда речь идет о высококвалифицированных специалистах, сама по себе возможность получения разрешения на работу без квоты является недостаточным инструментом стимулирования иммиграции. Привлечение компаниями высококвалифицированных специалистов осуществляется, как правило, с соблюдением установленных требований. Поэтому для этой категории трудовых мигрантов особое значение имеют сложность административных процедур, неблагоприятная правоприменительная практика на местах, наличие гарантий при длительных контрактных обязательствах.

По новым правилам высококвалифицированные иностранцы будут получать разрешение на работу в России на основании письменного ходатайства от работодателя, форма которого будет утверждена правительством. Данное ходатайство будет рассматриваться за 14 дней, и отказа по нему не должно быть. Разрешение на работу высококвалифицированному специалисту будет выдаваться на весь срок трудового договора, но не более чем на 3 года, с возможностью неограниченного числа продлений. Одновременно с разрешением иностранный специалист и его семья могут получить и вид на жительство в России. Изменения коснутся и налогообложения: для высококвалифицированных нерезидентов ставка налога на доходы физических лиц будет такой же, как и для россиян (вместо ранее установленных 30 %).

Уровень квалификации специалиста будет определяться по зарплате: она должна превышать 2 млн руб. в год, или 5566 долларов в месяц по курсу 30 руб. за 1 доллар. Гарантировать такой уровень доходов должен будет работодатель, приглашающей конкретного специалиста.

С учетом того что высококвалифицированные специалисты составляют всего 2–3 % от всех иностранцев, получающих разрешение на работу в России, общее количество мигрантов, на которых будут распространяться указанные преференции, относительно невелико. Например, в 2009 году по перечню неквотируемых профессий, должностей было привлечено порядка 6 тыс. работников [13]. Это преподаватели с различными учеными степенями, топ-менеджеры иностранных компаний, богатые иностранцы, готовые инвестировать свои средства в развитие российской экономики. С учетом поправок, которые, по мнению большинства экспертов, лучшим образом повлияют на возможность иностранцев работать в России, их число может вырасти на сотни человек. А для осуществления

модернизационного рывка в отечественной экономике, по расчетам Минэкономразвития, ежегодно необходимо приглашать около 40–60 тыс. человек [13]. Однако такой массовый приток вряд ли стоит ожидать в ближайшие годы. К тому же особенности развития бизнеса и уровень культуры в России по-прежнему существенно отличаются от тех, к которым иностранцы привыкли. Поэтому пока можно говорить лишь о точечном, индивидуальном подходе привлечения конкретных специалистов российскими государственными или крупными частными компаниями. В этом случае речь идет преимущественно о Москве и Санкт-Петербурге. Что касается других регионов и городов России, высококвалифицированных специалистов из-за рубежа реальнее всего привлекать в рамках Государственной программы переселения.

Региональные и местные власти постепенно становятся важными партнерами федерального правительства в области миграционной политики. При этом участие региональных и местных властей, несомненно, должно играть позитивную роль, поскольку они имеют лучшее представление о состоянии местного рынка труда, промышленности, они заинтересованы в росте благосостояния, наращивании человеческого капитала и промышленном развитии своих регионов и районов. Однако в отсутствие необходимых финансовых ресурсов часто можно говорить лишь о гуманитарной составляющей региональной миграционной политики. Регионы и муниципалитеты разрабатывают соответствующие концепции, вносят предложения о необходимости нормативных изменений, поощряют деятельность национальных общин и т. п.

Карелия является приграничным регионом России, имеет общую границу с Финляндией и считается привлекательной для мигрантов. Во всяком случае, это официальная позиция Управления федеральной миграционной службы (УФМС) по Республике Карелия, что неоднократно озвучивалось ее представителями. На протяжении последних лет в республике наблюдается незначительный миграционный прирост. Наибольшее количество иностранцев привлекается в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговле, на обрабатывающих производствах [1]. В основном это низкоквалифицированные трудовые ресурсы, что соответствует общероссийской тенденции. При этом общая численность привлекаемых иностранных работников составляет около 1 % от совокупной численности занятого населения республики и не оказывает существенного влияния на рынок труда. Основными экспортёрами иностранной рабочей силы в Карелию являются страны СНГ: Украина, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Киргизстан, Молдова. В результате в Карелии, как и во многих

других регионах страны, продолжается формирование сложного этнического состава населения.

В отличие от крупных российских центров притяжения иностранной рабочей силы, проблема нелегальной миграции в Карелии как таковая отсутствует. Эффективная работа по профилактике нарушений миграционного законодательства со стороны УФМС России по Республике Карелии, увеличение результативности проведения проверок объектов различных форм собственности и деятельности способствовали снижению количества выявленных правонарушений миграционного законодательства и в целом улучшению организации деятельности по противодействию незаконной миграции.

На сегодняшний день приоритетом региональной миграционной политики, на наш взгляд, должно являться привлечение высококвалифицированных специалистов, прежде всего посредством Государственной программы. Однако это очень серьезная задача, учитывая невысокий инвестиционный потенциал республики, отсутствие необходимой инфраструктуры и не очень привлекательные климатические условия.

Региональные программы переселения разрабатываются субъектами РФ и определяют рамки организации работы с участниками Государственной программы на конкретной территории вселения. Проект Программы Республики Карелия был разработан еще в 2006 году. Четыре района Карелии – Сегежский, Беломорский, Медвежьегорский, Муезерский – были объединены в единую территорию вселения «Средняя Карелия». В проекте Программы были представлены около 20 крупных инвестиционных проектов, реализация которых позволила бы создать 5000 новых рабочих мест, на треть из которых могли бы претендовать приехавшие по программе специалисты [2].

В 2007–2009 годах заинтересованными органами исполнительной власти республики с участием органов местного самоуправления и УФМС России по Республике Карелии проводилась работа по внесению изменений и доработке проекта с учетом замечаний, сделанных федеральными органами исполнительной власти по результатам его рассмотрения. Одним из результатов согласований проекта Программы с правительством страны стало отнесение территории вселения «Средняя Карелия» к категории «А». Данная категория присваивается стратегически важным для России приграничным территориям, характеризующимся сокращением численности населения. Для переселенцев, выбирающих регионы категории «А», предусмотрен максимальный объем социальных гарантий и государственной поддержки. Однако в условиях финансово-экономического кризиса республиканскими властями было принято решение об обращении в правительство России с просьбой об отсрочке раз-

работки проекта Программы. Решение было обусловлено возросшими рисками по реализации Программы, среди которых были названы такие, как отказ работодателя от найма переселенца после его приезда, установление фактического размера заработной платы ниже заявленного работодателем, возрастание нагрузки на бюджетную систему в случае предоставления переселенцу дополнительного перечня услуг и пр. [2].

Такое решение противоречит общей концепции Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Трудовая и переселенческая миграция – это два разных типа внешней миграции, и в отношении каждого из них проводится особая миграционная политика. Следовательно, при разработке проектов региональных Программ переселения необходимо продумывать не временные рабочие места, а те, которые вне зависимости от конъюнктуры будут способствовать долгосрочному развитию региона, модернизации его промышленности, совершенствованию его социальной инфраструктуры.

На сегодняшний день реализация региональных программ переселения осуществляется в 24 регионах РФ; 18 тыс. участников Госпрограммы смогли реализовать свое право на переезд в Россию [3]. Это гораздо меньше, чем прогнозировалось при разработке программы: например, в первый – 2007-й – год реализации программы ожидался приезд 50 тыс. переселенцев, в 2008 году – 100 тыс. [5].

Наиболее сложной проблемой, как показывает опыт регионов, уже реализующих свои программы, является обеспечение приехавших людей жильем. В случае реализации региональной программы переселения Республики Карелии механизм решения жилищной проблемы должно было стать участие переселенцев в подпрограмме «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелии на 2006–2008 гг. и до 2010 г.» региональной целевой программы «Жилище» на 2004–2010 годы.

Согласно данным мониторинга реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в 2007–2009 годах в настоящее время лишь 8,7 % переселенцев проживают в постоянном жилье, то есть они либо имели возможность его приобрести, либо получали его, например, по наследству. Большая же часть переселенцев (83,3 %) вынуждены арендовать жилье [9]. При этом единовременное пособие на обустройство (так называемые «подъемные»), выданное на семью, в случае оплаты проживания в съемной квартире заканчивается уже через месяц. Строительство центров временного пребывания (как, например, в Липецкой области)

по существу также не решает проблему обеспечения переселенцев жильем. Необходимо аккумулирование средств федерального, регионального и муниципальных бюджетов с определенным участием самих переселенцев, а также работодателей. Однако в условиях финансового кризиса бюджеты всех уровней вынуждены пересматривать свои расходные обязательства, при этом не в сторону их увеличения.

Безусловно, существует понимание указанной проблемы на высшем уровне. ФМС России подготовила проект федерального Закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» в части снижения налоговой нагрузки на переселенцев в период обустройства в России. Кроме этого, предложенные изменения в случае их принятия, по мнению разработчиков, будут способствовать скорейшей социальной адаптации мигрантов в регионе вселения.

В целом следует отметить несколько запоздалый характер мер, предпринятых и предпринимаемых в данной сфере. Практически все, кто имел возможность или хотел переехать в Россию, за два десятилетия после распада СССР уже сделали это вопреки всем административным и финансовым барьерам. Действие выталкивающих факторов миграции пришлось в основном на 90-е годы прошлого столетия. Именно в этот период миграция стала специфическим способом поиска этнокультурной безопасности для русскоязычного населения бывших союзных республик.

В настоящее время для большей его части определяющими являются притягивающие факторы, то есть побуждающие переселяться туда, где можно обеспечить себе и своей семье более высокое качество жизни. Основная часть выехавших по Госпрограмме (почти 70 %) – люди трудоспособных возрастов, среди которых доминируют возрастные контингенты 30–39 лет и 20–29 лет [9]. По сути своей это трудовые, а не этнические мигранты. При этом предлагаемые им в рамках региональных программ вакансии, например в сфере образования, здравоохранения, не очень востребованы у местного населения. Несмотря на то что речь идет о квалифицированном труде, плата за него по всем меркам очень незначительная. Например, врачам различной квалификации в Алтайском крае предлагается заработка плата от 4500 до 10 000 руб. [11]. В этом случае вряд ли приходится ожидать большого притока переселенцев.

Стратегия иммиграционной политики, соответствующей потребностям модернизации российской экономики, в целом сформирована. Ее содержание наполняется новыми правовыми и экономическими регуляторами. Что касается осуществления миграционной политики в региональном аспекте, здесь в силу как недостаточной заинтересованности в ее разработке и реализации, так и нехватки ресурсов пока достаточно много проблем. Результаты переписи 2010 года, возможно, изменят отношение к проблематике демографического развития территорий и приведут к активизации иммиграционной политики и на региональном уровне.

ИСТОЧНИКИ

1. Карелия официальная [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/01/0122_06.html
2. Карелия официальная [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gov.karelia.ru/Power/Office/Migration/090901.html
3. Карелия официальная [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_12.html
4. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (с изменениями от 10 марта, 30 июня 2009 г., 12 января 2010 г.).
5. УФМС России по Курганской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fms45.ru/2008/05/20/okolo-100-tysjach-chelovek-mogut.html>
6. Федеральный закон № 86-ФЗ от 19 мая 2010 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Вишневский А. Г. Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 28–46.
8. Заинчанская Ж. А. Иммиграция: альтернативы нет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/tuss-bazar/alternativ-net/>
9. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в 2007–2009 годах. Краткий вариант [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/
10. Национальная безопасность и демографический рост / О. Д. Захарова, А. Е. Иванова, Л. Л. Рыбаковский. М.: Центр социального прогнозирования, 2004. 95 с.
11. Региональные программы переселения – Алтайский край – Сведения о вакантных рабочих местах по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/interritory/detail.php?IBLOCK=126&ID=40214
12. Социальное и демографическое развитие России. Каирская программа действий: 15 лет спустя [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unfpa.ru/tu/publications/russianpublics/126
13. Тезисы выступления заместителя министра экономического развития Российской Федерации А. Ю. Левицкой «О привлечении высококвалифицированных специалистов, необходимых для модернизации российской экономики», расширенное заседание коллегии Федеральной миграционной службы РФ. 29 января 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20100129_05

ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ АКУЛОВ

аспирант кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
akulov@karelesk.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ ПОСРЕДСТВОМ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В СДЕЛКАХ СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ

В условиях дезинтеграции электроэнергетики в сложившейся институциональной среде возрастает роль сделок слияния и поглощения в общем повышении эффективности отрасли. При этом государство как потенциальный инвестор должно осуществлять свою деятельность на финансовом рынке, руководствуясь данной целью. Проанализированы мотивы поведения потенциальных инвесторов в электроэнергетике и направления их вложений. Сделан вывод о том, что современное состояние должно стать отправной точкой для государства в формировании наиболее эффективной формы хозяйствования – перекрестного владения государственных и частных компаний по принципу альянса совладельцев.

Ключевые слова: инвесторы в электроэнергетике, сделки слияния и поглощения, перекрестное владение

1 января 2011 года реформа электроэнергетики подошла к своему промежуточному финишу, ОАО «РАО ЕЭС России» было ликвидировано, тарифное регулирование заменено рыночным ценообразованием. На базе одной фирмы-монополии был создан целый комплекс независимых участников (фирм) – носителей определенных обязательств и интересов, которые в новых условиях начали взаимодействовать друг с другом.

В условиях дезинтеграции, ограничений, накладываемых институциональной средой, и появления на финансовом рынке нескольких десятков свободно торгуемых акций фирм электроэнергетики посредством сделок слияния и поглощения при участии различных групп инвесторов (в том числе и государства) становится возможной организация новых форм владения капиталом, эффективность которых может оказаться выше по сравнению с прежними и существующими. Наибольшее внимание при этом должно быть уделено определению мотивов поведения потенциальных инвесторов и направлений их вложений. Сегодня при рассмотрении структуры капитала в электроэнергетике России необходимо выделять следующие группы инвесторов¹.

1. Частные инвесторы, преследующие спекулятивные цели, для которых электроэнергетика не является профильным видом бизнеса, а лишь позволяет реализовывать цели по максимизации собственного дохода.
2. Частные инвесторы, для которых электроэнергетика была или стала профильным видом деятельности. Среди них стоит выделять российских и иностранных инвесторов.
3. Инвесторы, для которых электроэнергетические активы являются звеном в создании добавленной стоимости в рамках основного биз-

неса. В отличие от представителей первой группы, они преследуют долгосрочные цели, однако их компетенция ниже, чем у представителей второй группы.

4. Государственный инвестор в форме принадлежащих государству акционерных обществ.

Именно эти четыре группы инвесторов определили происходящие в отрасли изменения и в совокупности с комплексом ограничений, накладываемых институциональной средой, создали отрасль в нынешнем виде.

Стоит отметить, что большое влияние на результаты реформирования и дальнейшее развитие отрасли оказал мировой финансовый кризис. Поскольку «РАО ЕЭС России» было фактически ликвидировано 1 июля 2008 года, а кризис начался в августе-сентябре, можно сказать, что эти события совпали. Так, например, по состоянию на 1 июля 2008 года значение индекса РТС составило 2242,74 пункта (90 % от исторического максимума), при этом уже 28 октября 2008 года значение данного индекса упало до 549,06 пункта [4], таким образом, капитализация фондового рынка России за 119 дней снизилась более чем в 4 раза. Произошло обесценение всех активов, в том числе электроэнергетических.

Наиболее существенным образом обвал котировок сказался на представителях первой группы инвесторов. Спекулятивные цели оказались недостижимы, в результате чего их деятельность трансформировалась в минимизацию убытков любой ценой. Именно за счет действий данной группы при молчаливом согласии других инвесторов не были реализованы планы по вводу мощностей, посредством их лобби отменены штрафы за невыполнение инвестиционных программ, а сверхприбыли направлены на дивиденды. Наи-

более негативно настроенные к реформе электроэнергетики эксперты отмечают, что ликвидация «РАО ЕЭС России» представляла собой оппортунистическое поведение руководства холдинга в форме использования асимметрии информации в личных интересах. Так, М. Делягин (директор Института проблем глобализации) говорит о том, что реформа электроэнергетики на самом деле имела целью всего лишь убрать из системы РАО «ЕЭС» нерентабельные компании, а прибыльные «распределить между людьми, работающими в руководстве РАО» [9]. Несмотря на снижение курсовой стоимости акций на фоне общего снижения котировок (подробнее см. [11]), доход инвестора в форме дивидендов существенно вырос даже в условиях снижения ВВП. Цель получения спекулятивной прибыли в итоге была достигнута не за счет роста котировок, а посредством агрессивной дивидендной политики.

Для рассмотрения 2–4-й групп инвесторов необходимо проанализировать представленную ниже таблицу, а также отметить тот факт, что 4 группы частных инвесторов («КЭС Холдинг», ООО «Энергострим», ОАО «Роскоммунэнерго», ООО «Транснефтесервис С») и 3 государственных (ОАО «Русгидро», ГК «Росатом», ОАО «Интер РАО ЕЭС») владеют 37 крупнейшими энергосбытовыми компаниями.

Вторая группа представлена профильными инвесторами, покупка объектов электроэнергетики которыми рассматривалась как стратегическая цель реформирования «РАО ЕЭС России». Приход в отрасль крупнейших европейских энергетических компаний (Enel, Fortum, E.ON), а также формирование профильного российского энергетического бизнеса («КЭС-Холдинг») должны были привести к росту инвестиций, внедре-

нию передовых технологий, повышению качества управления и как результат – росту эффективности в электроэнергетике России. Однако институциональная среда, в рамках которой основные параметры развития постоянно пересматриваются, в совокупности с ростом активности государства на рынке слияния и поглощения, а также в процессах регулирования отрасли не позволили оформить данную тенденцию. Иностранные инвесторы, ожидая высокую доходность, на первом этапе активно участвовали в приобретении активов в производстве электрической энергии, однако риски изменения законодательства существенно ограничили данный процесс.

В энергосбытовом бизнесе доля представителей данной группы инвесторов выше по причине меньшей капитализации данных компаний по сравнению с объектами генерации, а также схожей с деятельностью на финансовых рынках компетенций потенциальных инвесторов. Эффективная энергосбытовая компания – это фирма, в первую очередь способная грамотно управлять финансовыми ресурсами и зарабатывать на этом.

Третья группа инвесторов включает компании, для которых электроэнергетические активы являются звеном в создании добавленной стоимости в рамках основного бизнеса. Скорее всего, доля в акционерном капитале таких компаний будет доведена стратегическим инвестором до 100 %, а по принципу функционирования они будут напоминать независимых производителей. ОАО «Лукойл», консолидировав активы ОАО «ТГК-8», провел делистинг данной компании. Похожая ситуация может сложиться с ОАО «ТГК-12» и ОАО «ТГК-13». Группы «Синтез» и «Онексим» в настоящее время ведут работу по поиску стратегического инвестора; с большей

Структура собственности в электроэнергетике России*

Наименование	Производство э/э, млн кВт. ч.	Группа 2		Группа 3		Группа 4	
		КП	БП	КП	БП	КП	БП
ОАО «ТГК-1», ОАО «ТГК-5», ОАО «ТГК-6», ОАО «ТГК-7»	74 442		+				+
ОАО «ТГК-2», ОАО «Квадра», ООО «ЮГК ТГК-8», ОАО «ТГК-12»	75 032			+			
ОАО «ТГК-3», ОАО «ОГК-1», ОАО «ОГК-6»	137 653					+	+
ОАО «ТГК-9», ОАО «ОГК-4», ОАО «ОГК-5»	70 261	+					
ОАО «ТГК-10», ОАО «ТГК-11», ОАО «ТГК-14», ОАО «ОГК-2», ОАО «ОГК-3», ОАО «Русгидро», ГК «Росатом»	349 380					+	
ОАО «ОГК-5»	45 145	+					+
ОАО «ФСК»						+	
ОАО «Холдинг МРСК»						+	
ОАО «МОЭСК»						+	

* Таблица составлена нами на основе систематизации официальных публикаций, годовых и квартальных отчетов представленных в таблице фирм.

долей вероятности можно ожидать продажу контрольных пакетов принадлежащих им компаний. Ситуация в энергосбытовом бизнесе аналогичная.

Четвертая группа инвесторов представлена государственными компаниями. Стоит отметить, что в последнее время представители данной группы стали основными участниками инвестиционного процесса в отрасли. Структура доминирования данной группы инвесторов в активах электроэнергетики сложилась в 2010–2011 годах.

Государство осознало, что в условиях фактического отсутствия координирующего центра и рассредоточения регулирующих функций между Министерством энергетики РФ, ФСТ РФ и ФАС РФ, для которых электроэнергетика является лишь одним из направлений деятельности, необходимо расширение своих полномочий за счет приобретения агентами (подконтрольными государству компаниями) активов в электроэнергетике. Фактическая неспособность некоммерческих партнерств осуществлять возложенные на них регулирующие функции привела к необходимости вмешательства государства.

Среди агентов особо стоит отметить ОАО «Интер РАО ЕЭС» и ОАО «Газпром», механизм реализации которыми задач по консолидации активов различен. ОАО «Интер РАО ЕЭС» расширяет свой бизнес за счет обмена собственных активов на контрольные и блокирующие пакеты в энергетических компаниях. При этом источником средств выступают средства от дополнительной эмиссии акций, которые выкупает государство. В итоге энергохолдинг постоянно наращивает масштаб своего бизнеса, не заботясь об эффективности, поскольку акционеры в лице государства этого сейчас от компании и не требуют. Контрольный пакет ОАО «Интер РАО ЕЭС» опосредованно принадлежит государству, при этом по причине обмена активами в акционерном капитале компании присутствуют множество миноритарных акционеров [3].

ОАО «Газпром» (посредством подконтрольного ему ОАО «Газпромэнерго») подходит к приобретению активов более рационально. Объекты электроэнергетики при этом становятся инструментом повышения добавленной стоимости конечной продукции. Приобретения осуществляются за счет собственных и заемных средств.

Активная деятельность представленных выше агентов привела к тому, что к середине 2011 года государство через подконтрольных ему агентов стало владеть основными электроэнергетическими активами в производстве, передаче и распределении электрической энергии, причем его доля в структуре акционерного капитала энергокомпаний в основном превышает 50 %.

Однако укрупнение энергетических компаний государства, с одной стороны, противоречит сути реформы электроэнергетики, с другой – стал-

кивается с противоположно направленным действием регулирующего органа государства – Федеральной антимонопольной службы РФ.

Если до 2011 года агентам государства удавалось обходить предъявляемые Федеральной антимонопольной службой требования, когда сделки одобрялись при выполнении предписаний регулирующего органа², то после того как была заблокирована попытка приобретения ОАО «Интер РАО ЕЭС» 75 % акций ОАО «Квадра», ситуация изменилась. По мнению регулирующего органа, подобные сделки ведут к ограничению конкуренции на оптовом рынке электроэнергии.

Конфликт интересов агентов государства, преследующих разнонаправленные цели, в данном случае и в дальнейшем может быть разрешен двумя способами: во-первых, за счет определения центрального из данной пары агента, во-вторых, за счет изменения целей или подходов достижения обозначенных принципом (государством) целей. Примером первого способа может стать определение ОАО «Интер РАО ЕЭС» или ОАО «Газпромэнерго» в качестве центрального агента, результатом чего будет изменение нормативно-правовых актов, а именно Федерального закона от 26.06.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в части внесения изменений в отношении электроэнергетики.

По нашему мнению, данный способ разрешения конфликта не должен применяться в современных условиях, так как государство в этом случае фактически признает провал реформы электроэнергетики. При этом воссоздание отрасли с приходом в точку начала отсчета реформы будет сопряжено с колоссальными издержками.

Представляется, что должен быть предложен иной способ разрешения конфликта, а именно изменение стимулов государственных компаний в части сделок слияния и поглощения на фондовом рынке в отношении активов электроэнергетики. Современное состояние должно стать отправной точкой для государства по формированию наиболее эффективной формы хозяйствования – перекрестного владения государственных и частных компаний по принципу альянса со владельцем. Государственный контроль, реализуемый через множество его агентов, делает бизнес в целом более устойчивым. Множественность агентов контроля вносит элемент конкуренции и делает контроль более эффективным. Личные и государственные империи, живущие по принципу «только контрольный пакет имеет значение», должны трансформироваться в компании с несколькими влиятельными акционерами. Стоит отметить, что подобные процессы в последние годы превалируют и в крупном российском бизнесе [6].

Формирование подобной структуры, на наш взгляд, должно привести к следующим положительным моментам.

1. Повышение качества и результативности лоббирования. Качество лоббирования в данной структуре собственности и институциональном устройстве выше, поскольку оно позволяет учитывать интересы всех заинтересованных сторон, в том числе и потребителей, так как собственники объектов электроэнергетики в большинстве своем напрямую или опосредованно являются потребителями электрической энергии. Лоббирование будет носить сдержанный характер, исходя из баланса интересов и эффективного компромисса, а не с целью реализации единственной цели – роста прибыли предприятий электроэнергетики.
2. Рост доверия в экономике в целом со стороны отечественных и иностранных инвесторов. Переплетение капиталов государства и частного бизнеса помимо прочего ведет к улучшению инвестиционного климата, так как государство в меньшей степени может оказывать давление на одного из участников цепочки. При этом рейдерский захват активов становится в принципе невозможным. Практически невозможной становится национализация, так как при переплетении разных активов это сопряжено с очень большими издержками.
3. Формирование рыночных цен на акции энергетических компаний. Государство становится полноправным участником сделок слияния и поглощения, приобретая активы по рыночной стоимости, так как контрольный пакет существенно дороже блокирующего и тем более миноритарного. В отличие от политики ОАО «Интер РАО ЕЭС», когда продавец контрольного пакета, понимая, что государство несмотря ни на что приобретет необходимые ему активы, продаёт его с существенной премией к рыночной стоимости, цены будут устанавливаться на основании спроса и предложения. При этом возможность сохранения контроля государства над необходимыми активами будет достигнута с меньшими издержками.
4. Возможность перекладывания части социальных и экономических обязательств на крупный бизнес в условиях снижения ВВП. При кризисных явлениях государство должно помогать в первую очередь наиболее заинтересованным в этом экономическим субъектам. При наличии контрольного пакета у государства цель трансформируется, так как в первую очередь становится необходимой помочь своим. При ассоциированной форме крупный бизнес наравне с государством становится субъектом, реализующим антикризисные меры.
5. Минимизация издержек функционирования треугольника «собственность – контроль – управление» в виде снижения агентских затрат при практическом исчезновении вероятности недружественного поглощения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В рамках данной работы будут рассмотрены инвесторы с блокирующими (БП) и контрольными пакетами (КП); рассмотрение миноритарных акционеров в рамках заявленной темы не представляется целесообразным.
- ² Например, приобретение ОАО «Интер РАО ЕЭС» ОАО «Петербургская энергосбытовая компания» было одобрено с условием выполнения требований предписания на 5 лет.

ИСТОЧНИК

1. Федеральный закон от 26.06.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Аузан А. А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2011. 447 с.
3. Гришковец Е. «Интер РАО» не вытянуло частных инвесторов // Коммерсантъ. 2011. № 91.
4. История значений индекса по дням. Биржа RTS. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rts.ru/ru/index/stat/dailyhistory.html?code=RTSI>
5. Паппэ Я., Антоненко Н. Магнаты строят сети // Эксперт. 2010. № 40.
6. Паппэ Я., Антоненко Н. О новых конфигурациях собственников в российском крупном бизнесе // Вопросы экономики. 2011. № 6. С. 34–40.
7. Просянкин Д. Конкуренция на розничных рынках электроэнергии: вчера, сегодня, завтра // Энергорынок. 2010. № 10. С. 21–23.
8. Тукенов А. А. Рынок электроэнергии: от монополии к конкуренции. М.: Энергоатомиздат, 2007. 416 с.
9. Хайтун А. Д. Проблемы модернизации // Независимая газета. 2011. № 5. С. 12–15.
10. Целевая модель рынка: новый взгляд // Энергорынок. 2011. № 4. С. 10–18.
11. Энергосбытовые компании – основные недооцененные энергетические активы. Ланта Банк [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lanta.ru/private/Sbyty_Lanta-Bank.pdf

ЯРОСЛАВА АЛЕКСАНДРОВНА БОРОЗДИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета,
Петрозаводский государственный университет
ja_ra@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОБСТВЕННОСТИ НА ПОДВОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В статье рассматриваются международно-правовые вопросы собственности на подводное культурное наследие.

Ключевые слова: подводное культурное наследие, Конвенция по охране подводного культурного наследия, правовой режим затонувших судов

На дне океана находится свыше 3 миллионов затонувших и до сих пор не обнаруженных судов. Согласно Каталогу бедствий на море, за период с 1824 по 1962 год в море затонули 12 542 судна и военных корабля. В настоящее время под водой находятся следы древних цивилизаций, в частности Александрийский маяк в Египте, известный как седьмое чудо света, руины многочисленных поселений неолита, затопленные водами Черного моря. Под воду погрузились целые города, к числу которых относится Порт-Ройял (Ямайка), ставший жертвой землетрясения 1692 года. Археологические раскопки в этом районе открыли для ученых беспрецедентные возможности изучения жизни людей в XVII веке [5].

Подводные находки нередки и в настоящее время. Так, летом 2004 года на дне Азовского моря в районе косы Тузлы исследователями Краснодарского исторического музея-заповедника им. Е. Фелицина были обнаружены руины древнегреческого некрополя (VI век до н. э. – IV век н. э.): в подводных захоронениях найдены медные монеты, золотые украшения и другие ценнейшие предметы. В конце 2008 года в Ла-Манше найден затонувший британский корабль «HMS Victory», который входил в королевский флот. Предполагается, что наряду с человеческими останками на нем есть немало бронзовых орудий, произведений искусства, а также большой груз золота [6].

В то время как находящееся на суше культурное наследие обеспечивалось национальной и международной охраной, усиливающейся в последние десятилетия, подводное культурное наследие было недостаточно охраняемым как со стороны международного права, так и со стороны большинства национальных законодательств. Однако необходимостьенной защиты и принятия соответствующей Конвенции становилась все более очевидной с тех пор, как технологический прогресс привел к беспрецедентной доступности морского дна и подводного культурного наследия, а также к последовавшему его разграблению и разрушению [8].

Так, еще в начале 1974 года исследователи обнаружили, что все известные им затонувшие су-

да у берегов Турции уже разграблены. Из примерно 600 старинных судов, затонувших у берегов Франции и датируемых VI веком до н. э. – VII веком н. э., нетронутыми в лучшем случае остались лишь 5 %. В отдельных случаях разграблялись и суда, находившиеся на глубине более 100 метров. В 1990-е годы прошлого столетия израильские археологи пришли к выводу, что около 60 % культурных объектов, ранее находившихся в израильских водах, уже извлечены и разошлись по миру, причем каких-либо их следов в общественных коллекциях не обнаружено [5].

К. Бекяшев отмечает, что многие суда и их грузы являются подводным культурным наследием и вместе с природным окружением имеют культурный, исторический или археологический характер. Правовой режим таких судов определяется прежде всего национальным законодательством и двумя документами: Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, участницей которой является Россия, и Конвенцией об охране подводного культурного наследия 2001 года [2].

В 70-е годы XX века во всех странах мира произошло формирование пакетов законов, регламентирующих права собственности на найденные объекты, права их первооткрывателей, роль государства. Так, в Швеции с 1974 года действуют специальные «Правила поиска и подъема затонувших судов и грузов». Этим документом признаются права собственников затонувших объектов на свое имущество независимо от срока его гибели. Собственники договариваются с первооткрывателями о размерах и форме вознаграждения. В случае отсутствия законных наследников для объектов (судов), пролежавших на дне более 100 лет, государство имеет право объявить их своей собственностью, если они представляют культурно-историческую ценность. В этом случае вознаграждение первооткрывателей обеспечивает государство. Суда, имеющие возраст менее 100 лет, при отсутствии законных владельцев могут передаваться в собственность первооткрывателей.

Аналогичные принципы заложены в соответствующие нормативные базы и других североев-

ропейских государств. Отличия могут касаться определения степени ценности судов. Например, в Финляндии 100-летний срок отсчитывается не с момента гибели судна, а с момента его постройки [9]. Все национальные законы, естественно, касаются только территориальных и экономических вод прибрежных государств [9].

В связи с этим представляется целесообразным более подробно рассмотреть положения Конвенции по охране подводного культурного наследия, которая была принята на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 2 ноября 2001 года). Россия подписала, но еще не ратифицировала эту Конвенцию [1; 48].

Конвенция по охране подводного культурного наследия 2001 года содержит нормы, ликвидирующие пробел в международном законодательстве о культурном наследии. Признавая важное значение подводного культурного наследия как составной части культурного наследия человечества, Конвенция 2001 года предусматривает гарантии его сохранности на основе конкретного режима охраны и программ сотрудничества между государствами-участниками [5].

Под термином «подводное культурное наследие» для целей этой Конвенции понимаются, в частности, все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет, такие как: объекты, сооружения, здания, артефакты и человеческие останки вместе с их археологическим и природным окружением; суда, летательные аппараты, другие транспортные средства или любые их части, их груз или другое содержимое; предметы доисторического характера.

Согласно этой же Конвенции, не считаются подводным культурным наследием трубопроводы и кабели, проложенные по дну моря, а также иные установки, не являющиеся трубопроводами или кабелями, которые размещены на дне моря и продолжают использоваться [1; 49].

В зависимости от нынешнего местонахождения подводного культурного наследия должны применяться конкретные режимы, предусмотренные для сотрудничества между прибрежными государствами и государствами флага (и в виде исключения другими заинтересованными государствами) (ст. 7–13):

- государства-участники имеют исключительное право регулировать деятельность в своих внутренних и архипелажных водах и территориальном море (ст. 7);
- государства-участники в своих прилежащих зонах могут регулировать и разрешать деятельность, направленную на подводное культурное наследие (ст. 8);
- что касается исключительной экономической зоны и континентального шельфа, а также

района (то есть вод, находящихся за пределами национальной юрисдикции), то в ст. 9–11 Конвенции 2011 года установлен особый режим международного сотрудничества, предусматривающий процедуры уведомления, консультаций и координации при осуществлении охранных мер [5].

Одна из частных компаний обнаружила испанское судно «Джуно», которое затонуло в 1802 году у берегов штата Вирджиния (США). Компания инициировала адмиралтейский иск, добиваясь судебного определения, что погибшее судно не подпадает под суверенитет Испании. Однако в 2001 году иск был отвергнут в Верховном суде США, который постановил, что затонувшее судно принадлежит Испании, никогда не отказывавшейся от прав на этот военный корабль. В том же суде Испания отстояла свои права на еще одно старинное затонувшее испанское судно «Ла Галга», на которое претендовали охотники за сокровищами. Действия Испании были направлены на защиту ее суверенитета над затонувшими испанскими судами и предотвращение их разграбления [5].

К. Бекяшев отмечает, что в соответствии с международными нормами правовой режим затопленных судов зависит от двух условий: под флагом какого государства они ранее ходили и в каком морском пространстве – во внутренних водах, территориальном море или исключительной экономической зоне – они находятся [2].

По мнению М. М. Богуславского, в пределах внутренних вод, архипелажных и территориальных вод (а также, как правило, исключительных экономических зон или континентального шельфа) разрешение на поиск и производство работ по подъемудается прибрежным государствам, причем привлекаются другие заинтересованные государства, особенно в случаях, когда речь идет о государствах, собственность которых на предметы очевидна, или государствах, где находятся или находились ранее места происхождения предметов [1; 51]. При этом прибрежное государство не может присвоить судно или его груз [2].

Кроме того, если затонувшее судно находится на дне исключительной экономической зоны, ширина которой может составлять 200 миль, или на континентальном шельфе, то прибрежное государство обеспечивает охрану судна от мародерства.

По просьбе государства флага или собственника груза прибрежное государство может организовать судоподъемные работы за счет заказчика.

Все археологические и исторические объекты, находящиеся на дне открытого моря за пределами 200 миль, сохраняются или используются на благо всего человечества. При этом особое внимание уделяется преференциальным правам государства или страны происхождения судна,

государства культурного или исторического происхождения. Судно и его груз будут принадлежать государству, которое подняло их. Однако, согласно ст. 149 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, преимущественным правом на поднятие обладает государство, под флагом которого плавало судно, а не груз, – государство его происхождения [2].

Как отмечает М. М. Богуславский, в международных водах поиск и подъем производятся, как правило, крупными компаниями на коммерческих началах, при этом возможно заключение соглашений между заинтересованными государствами. Право собственности и распоряжения поднятыми со дна предметами осуществляется в соответствии с законодательством страны, по закону которой производится поиск или подъем. Поднятые предметы поступают в соответствии со сложившейся практикой либо в музеи этой страны, либо на аукционы [1; 51].

Среди не столь уж многочисленных международных правовых актов, действующих в области охраны подводного наследия, особое место занимает Европейская конвенция об ущербе, наносимом культурной собственности, принятая Советом Европы в 1985 году. В данной Конвенции государства-члены признают свою обязательную общую ответственность и солидарность в деле охраны и защиты европейского культурного наследия и принимают обязательства по введению всех необходимых мер уголовного и административного характера по предупреждению ущерба, наносимого культурной собственности, и наказанию за его нанесение [3].

Каждое государство – член Конвенции должно принимать необходимые меры с целью установления своей юрисдикции в отношении преследования за совершение любого правонарушения, связанного с культурной собственностью:

- совершенного на его территории, включая его внутренние и территориальные воды или его воздушное пространство;
- совершенного на борту зарегистрированного в нем корабля или самолета;
- совершенного за пределами его территории одним из его граждан;
- совершенного за пределами его территории лицом, имеющим постоянное место жительства на его территории;
- совершенного за пределами его территории, если культурная собственность, против которой направлено это правонарушение, принадлежит государству-участнику или одному из его граждан;
- совершенного за пределами его территории, если оно направлено против культурной собственности, первоначально найденной на его территории [4].

Приводимый в Добавлении II весьма подробный список подлежащей охране культурной собственности включает и подводную культурную собственность [3]. Конвенция применяется в отношении археологических находок, полученных в результате археологических исследований и раскопок (включая обычные и незаконные), проводимых на земле и под водой [4]. Она распространяет свое действие на все виды культурной собственности, обнаруженные на дне внутренних вод и территориальных морей государств – членов Совета Европы, а также на дне районов открытого моря [3].

Подводя итоги, можно отметить, что принятие Конвенции об охране подводного культурного наследия еще раз показало, что в деле сохранения подводного культурного наследия по-прежнему главным является вопрос о праве собственности на затонувшее судно и находящееся на нем имущество [1; 50], [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. 427 с.
2. Бекашев К. Культурное наследие или мусор? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ekhoplanet.ru/society_1956_4997
3. Гробенко И. Международно-правовое регулирование охраны подводного культурного наследия [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dive-tek.ru/archiv/2004/1/14-19.html
4. Европейская конвенция о правонарушениях, связанных с культурной собственностью (ETS № 119) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.licasoft.com.ua
5. Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия 2001 г. (CLT/CH/INS/06/12) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unesdoc.unesco.org
6. Мартыненко И. Охрана подводного археологического наследия: международно-правовой и национальный аспекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task
7. Международное право об охране историко-культурного наследия. Виртуальный обзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.slideshare.net/rusya77/ss-7827729
8. Нормативные и практические меры по охране культуры. Справочник ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.olonkho.info
9. Тайны затонувших кораблей. Подводные археологические открытия, находки затонувших кораблей, кораблекрушения и катастрофы, морские сражения, подводный музей истории, самолеты Второй мировой войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.baltic-sunken-ships.ru/data/offline/rus/pade80.html

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАРИЧЕВ

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
larichev@petrsu.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В НАУКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эффективность публичной власти является одним из важнейших вопросов, исследуемых в различных общественных науках. Правовая наука уделяет данной теме недостаточное внимание. Вместе с тем данный вопрос, исходя из положений Конституции РФ, относится к сфере регулирования конституционного права и подлежит более детальному изучению в его науке.

Ключевые слова: публичная власть, эффективность, наука конституционного права

Сущность государства в его современном понимании заключается в реализации определенных функций – социальной, экономической, политической и других, что обеспечивает создание условий для нормального функционирования и развития общества, а также каждой отдельной личности в нем. Институциональной системой обеспечения реализации функций государства является публичная власть, которая должна отвечать требованию эффективности, обладать способностью адаптироваться к трансформации содержания государственных (публичных) функций и изменяющимся условиям их реализации.

Вопрос эффективности реализации функций публичной власти традиционно занимал и занимает значительную нишу в зарубежных исследованиях, а в последнее время – и в российских. Вместе с тем следует отметить, что большинство соответствующих современных российских исследований ведется в основном с позиций политической науки [7], [13] либо науки государственного и муниципального управления [10], [14].

Что касается правовой науки, то здесь исследование вопроса эффективности публичной власти затруднено по ряду причин. Первая из них – отсутствие единства подходов к пониманию самого термина «публичная власть». Данный термин практически не употребляется в нормативно-правовых актах Российской Федерации и ее субъектов, что приводит к разнотечениям в определении содержания понятия «публичная власть», в том числе и в конституционном праве.

Так, положения ч. 1 ст. 3 («носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»), ч. 1 ст. 4 («суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию») и ч. 3 ст. 5 («федеративное устройство Российской Федерации основано на... единстве системы государственной власти...») Конституции РФ трактуются некоторыми правоведами как свидетельство того, что государственная власть в РФ существует только на уровне Федерации, а в субъектах ее нет.

По мнению профессора В. Е. Чиркина, «следует различать государственную власть Федерации, которая распространяется на всю территорию государства и, следовательно, действует во всех частях государства, всех субъектах Федерации... и собственную власть субъекта Федерации, которая... является публичной, негосударственной властью» [11; 13]. Кроме того, В. Е. Чиркин подчеркивает, что двух государственных властей, исходящих от разных источников – всего многонационального народа и народа данного субъекта Федерации, – в одном и том же субъекте Федерации быть не может [11; 13].

С этим подходом не согласен О. С. Гомбожапов, который, не отрицая тезиса о невозможности существования в государстве нескольких государственных властей, относит власть субъектов РФ к государственной власти, которую в субъектах РФ «осуществляет многонациональный народ РФ непосредственно и через законодательные, исполнительные и судебные органы» [6; 2]. Кроме того, О. С. Гомбожапов полагает, что власть в субъектах РФ осуществляется, с одной стороны, всем многонациональным народом России, а с другой стороны, в каждом отдельном субъекте РФ – его населением как составной частью многонационального народа Российской Федерации [6; 3].

Следует согласиться с тезисом О. С. Гомбожапова о том, что власть в субъекте РФ относится к власти государственной. Во-первых, об этом прямо говорится в Конституции (ч. 2 ст. 11: «Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти»). Во-вторых, согласно ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации. Возникает вопрос: если бы правовая природа федеральной исполнительной власти

и исполнительной власти субъектов РФ в корне различалась, возможно ли было их объединение в одну систему? Представляется, что нет.

Положения Конституции РФ, таким образом, позволяют сделать вывод о том, что государственная власть в РФ представляет собой единую систему, внутри которой с целью повышения эффективности управления в рамках федеративной модели государственного устройства происходит функциональное разделение власти на несколько уровней (уровень Федерации и уровень субъектов).

В то же время практически все исследователи согласны с тем, что, помимо государственной власти, к системе публичной власти следует отнести и местное самоуправление. Как указывает профессор А. Н. Кокотов, механизм публичной власти совмещает в себе государственную власть и власть местную, осуществляющую органами местного самоуправления или непосредственно населением [9].

Что касается вопросов эффективности публичной власти, то объем правовых исследований в данной сфере является незначительным. Они присутствуют в науке административного и муниципального права, что вызвано соответствующим развитием нормативно-правовой базы (в частности, внесением поправок в Федеральные законы № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1] и № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], а также принятием соответствующих указов президента РФ [7], [8]).

Наука же конституционного права, за рядом исключений [8], [12], обходит данный вопрос стороной. Кроме того, большинство как правовых, так и иных исследований посвящены раздельно вопросам эффективности государственной власти (государственного управления), реже – эффективности местного самоуправления (муниципального управления).

Нельзя отрицать, что деление публичной власти на две подсистемы оправданно и носит принципиальный характер. В соответствии со ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, а само местное самоуправление осуществляется местным населением самостоятельно (ст. 130). Как верно отмечает судья Конституционного суда РФ профессор Н. С. Бондарь, «конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления есть безусловное требование децентрализации публичной власти, связанное с приближением последней к населению, созданием условий для наиболее полного и оперативного выявления и удовлетворения потребностей населения» [5; 6].

Две подсистемы публичной власти в сегодняшней России действительно различны и организационно самостоятельны. Однако эта институционально-правовая дифференциация не должна препятствовать их характеристике и изучению как единой системы публичного управления. И государственную власть, и местное самоуправление объединяет общее целевое назначение – обеспечение условий нормального функционирования и развития личности и общества.

Это целевое единство подтверждается положениями Конституции РФ. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина определяются смыслом, содержанием и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Таким образом, Конституция выделяет общую цель всех форм публичной власти. Выполнение же данного конституционного императива, заключающееся в эффективном содействии реализации прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти различных уровней, требует их слаженного функционирования и взаимодействия, доходящего иногда до передачи полномочий органов одного уровня публичной власти (государственных органов) органам другого уровня (органам местного самоуправления).

Гражданину, проживающему на определенной территории, не столь важно, какой именно орган предоставляет ему определенные публичные услуги (получение социального пособия, обмен документов и т. д.). Для населения важна эффективность и быстрота предоставления услуг.

В этом контексте принципиальные различия, связанные с разной конституционно-правовой природой органов публичной власти различных уровней, отступают на второй план, на первый же выдвигается потребность в общем теоретико-правовом осмыслиении эффективности публичной власти как в институциональном (система органов), так и в функциональном (полномочия) смысле. Если же существует необходимость внесения изменений в существующую систему публичной власти, то, как верно отмечает А. В. Зорин, в основе необходимых преобразований должен лежать системный подход, направленность реформы на все элементы взаимосвязи государственного и муниципального управления [8].

Изучение публичной власти как единой системы, анализ ее эффективности могут и должны вестись в рамках науки конституционного права. Допустимость комплексного подхода к изучению данных вопросов, как уже указывалось выше, вытекает из самих положений Конституции РФ. Конституционное право является своего рода базой, основой для административного, муниципального и иных отраслей права, регулирую-

щих организацию и деятельность органов публичной власти в Российском государстве. Именно в рамках широкого предмета конституцион-

ного права возможен многоплановый анализ организации публичной власти, распределения функций между ее уровнями.

ИСТОЧНИКИ

1. Федеральный закон № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
2. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Указ Президента РФ от 28.06.2007 № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 27. Ст. 3256.
4. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2009. 592 с.
6. Гомбожапов О. С. К вопросу о полноте государственной власти субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7. С. 2–5.
7. Джабраилов У. А. Эффективное государство // Обозреватель-Observer. 2009. № 9. С. 23–32.
8. Зорин А. В. О некоторых вопросах эффективности публичной власти // Вопросы местного самоуправления. 2010. № 2. С. 70–72.
9. Кохотов А. Н. Местное самоуправление – одна из основ конституционного строя Российской Федерации // Основы конституционного строя Российской Федерации: понятие, содержание / Под ред. В. В. Невинского. Барнаул, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.usla.ru/articles/kokotov/k01.pdf>
10. Симагина О. Оценка эффективности государственного управления // Государственная служба. 2006. № 6. С. 108–113.
11. Чиркин В. Е. О публичной власти (Постановка проблемы) // Государство и право. 2003. № 10. С. 8–15.
12. Чиркин В. Е. Публичная власть. М., 2005. 175 с.
13. Шабров О. Испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. № 2. С. 32–38.
14. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Тимченко А. Н. Теоретические аспекты проблемы эффективности государственного управления // Власть. 2006. № 8. С. 7–14.



Н. И. Барышников родился в г. Бутурлиновка Воронежской губернии. В 1940 году, окончив среднюю школу, он был призван в армию и оказался среди тех людей, которые первыми встретили войну в июне 1941 года. Он проходил армейскую службу в особо секретном подразделении противовоздушных сил обороны Ленинграда – радиолакационном расчете (радаре). Ему суждено было пережить все ужасы, которые испытал Ленинград в течение 900 дней блокады.

После окончания войны Н. И. Барышников закончил исторический факультет Ленинградского университета. Одновременно он продолжал служить и был переведен в Политуправление Ленинградского военного округа. Работал в отделе, в задачу которого входил анализ политической обстановки в Финляндии. Н. И. Барышников принимал участие в первых исторических по своей значимости «визитах дружбы» советских военных делегаций в Финляндию.

В конце 1950-х годов он закончил кандидатскую диссертацию, в которой фактически впервые в советской историографии был дан всесторонний научный анализ послевоенного развития советско-финляндских отношений. Одновременно он закончил службу в Политуправлении ЛВО и занялся тем, что не особенно приветствовалось в советской историографии. На основе архивных источников, а также зарубежной мемуарной и исследовательской литературы он приступил к изучению проблемы участия Финляндии во Второй мировой войне и безопасности Ленинграда с севера. Многолетняя работа по данной теме стала докторской диссертацией. В 1985 году им была издана в соавторстве с В. Н. Барышниковым и В. Н. Федоровым первая в СССР книга об участии Финляндии во Второй мировой войне. Она получила невероятно широкий отклик в советской печати. В финской печати появились критические замечания по поводу этой работы, что, очевидно, лишь стимулировало Н. И. Барышникова к дальнейшему научному поиску. Итог этой деятельности по-своему уникален. Появился совместный российско-финляндский научный труд «Зимняя война. Политическая история» (М., 1998), в котором рассматривались сложные события взаимоотношений двух государств в период Советско-

**БАРЫШНИКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
(14.12.1922–19.02.2011.)**

Известный петербургский ученый, доктор исторических наук, профессор, ведущий специалист в области изучения истории Финляндии второй половины XX века.

финляндской войны 1939–1940 годов. Затем появились новые научные предложения: подготовка с финскими исследователями совместного издания, в котором уже затрагивались вопросы участия Финляндии в войне против СССР на стороне фашистской Германии. Однако добиться прежнего творческого сотрудничества с финскими коллегами на этот раз не удалось: требовалась объективность в отношении к политике своего государства и отказ от господствующих в исторической науке Финляндии определенных мифов и пропагандистских штампов, которые сложились здесь еще в период Второй мировой войны. Именно это потребовало от Н. И. Барышникова продолжить исследовательскую деятельность и подготовить ряд работ, в которых он рискнул открыто пойти на опровержение устоявшихся финских исторических концепций. Резонанс от первых вышедших монографий профессора Н. И. Барышникова был огромен. Даже министр иностранных дел Финляндии Э. Туомиоха вынужден был тогда признать, что «нам нужно знать трактовку событий другой стороны, чтобы понять существующие там взгляды». Действительно, ценность работ Н. И. Барышникова прежде всего заключалась в том, что в них определяются наиболее острые и «неудобные» для финских историков сюжеты военного периода. Желание профессора Н. И. Барышникова быть максимально объективным выразилось и в том, что он старался показать критически не только финское руководство.

Все работы Н. И. Барышникова объединены общей идеей, которая заключается в стремлении автора на сугубо научном уровне показать все те проблемы, которые сложились во взаимоотношениях двух стран в середине XX столетия и которые оказали влияние на дальнейшее развитие отношений России и Финляндии вплоть до наших дней.

С уходом Н. И. Барышникова российская историческая наука советско-финляндских отношений потеряла талантливого и объективного исследователя.

С. Г. ВЕРИГИН,
канд. ист. наук, декан исторического факультета,
Петрозаводский государственный университет



ПЕТР МЕФОДЬЕВИЧ ЗАЙКОВ К 65-летию со дня рождения

Петр Мефодьевич родился в деревне Кестеньга Лоухского района Республики Карелия. В 1973 году закончил отделение финского языка историко-филологического факультета Петрозаводского университета. В 1975 году поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В 1980 году в университете г. Тарту защитил кандидатскую диссертацию «Бабинский диалект саамского языка», а в 1987 году была опубликована его монография по грамматике бабинского диалекта. В 1997 году в Марийском университете П. М. Зайков защитил докторскую диссертацию по теме «Глагол в карельском языке».

В 1990 году на филологическом факультете Петрозаводского университета была образована кафедра карельского и вепсского языков, в создании которой П. М. Зайков принимал активное участие, а в 1997 году он стал заведующим этой кафедры и занимает эту должность по настоящее время.

В 2004 году был создан диссертационный совет КМ 212.190.05 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)», председателем которого является П. М. Зайков. Под его руководством защищены три кандидатские диссертации.

П. М. Зайков является автором более 100 научных работ, в числе которых статьи, словари, учебные пособия для школьников и студентов вузов. На протяжении многих лет Петр Мефодьевич является членом Республиканской термино-орфографической комиссии при главе Республики Карелия. В настоящее время в рамках этой комиссии он готовит к изданию «Русско-карельский словарь».

П. М. Зайков стоял у истоков создания общественной организации «Союз карельского народа», которую возглавлял на протяжении многих лет. Он является инициатором создания единственного в мире кукольного театра «Čičiliuški» на карельском языке, который успешно гастролирует по районам Карелии, Тверской области и городам Финляндии.

В 2006 году П. М. Зайков был удостоен звания почетного доктора философии университета г. Оулу (Финляндия).

Поздравляем Петра Мефодьевича с юбилеем и желаем ему новых достижений в благородном деле популяризации карельского языка!

ХРОНИКА

■ 28–29 июня 2011 года в Центральном доме журналиста (Москва) состоялась международная научная конференция «Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпохи и событий. XVII–XX вв.»

Организаторами данной конференции выступили Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, Международная ассоциация «Янтарный мост», Шведская королевская академия словесности, истории и древностей, Историко-философский факультет Латвийского университета, Институт истории Таллинского университета. Открывая конференцию, директор Института всеобщей истории РАН академик А. О. Чубарьян подчеркнул, что интерес к истории Балтийского региона в настоящее время устойчиво возрастает. С приветственными речами к участникам и гостям конференции обратились также председатель Союза журналистов России В. Л. Богданов, чрезвычайный и полномочный посол Королевства Швеция в России Т. Бертельман и чрезвычайный и полномочный посол Латвийской Республики в РФ Э. Скуя. В ходе двухдневной конференции были заслушаны и обсуждены 20 научных докладов. От ИВИ РАН выступили следующие представители: В. В. Рогинский с докладом «Изменение политической карты Балтийского региона в эпоху Наполеоновских войн», К. А. Табаровская «Российские дипломаты и военные в Швеции накануне Первой мировой войны (1905–1914)», О. В. Чернышева «Армия спасения 1913–1923 гг.: опыт международного научного сотрудничества», А. А. Комаров «Северный нейтралитет в советских внешнеполитических представлениях», Ю. Л. Михайлова «Представления об эстонцах в прибалтийской немецкой прессе и публицистике XIX века», И. А. Кукушкина «Антиимперские настроения в Литве в XIX веке», Е. Л. Назарова «Н. Попов и Ф. Бризвемниекс: русская професcура и латышское национальное возрождение. 1860–1880», А. В. Шубин «Прибалтийские национальные движения и российские неформалы. 1988–1989». Профессор Г. Оселиус (Военная академия Швеции) выступил с докладом «The Baltic in history – geopolitical aspects», Й. П. Нильсен (Университет Тромсё) «The glaciation of the Norwe-

gian-Russian state border ca. 1836–1916», Х. Карлбек (Высшая школа Сёдертёрн, Швеция) «Images of Russia in Sweden during the short 1900s», профессор-emeritus К. Вальбэк (Швеция) «Peaseful co-existence? Relations between the USSR and Sweden during the Khrushchev era, 1953–1956», К. Мулин (Стокгольмский университет) «Sweden and the Polish Crisis 1980–1981», Г. Страубе (Латвийский университет) «Завоеватели – плохие / хорошие? Анализ латвийской историографии», Э. Екабсонс (Латвийский университет) «Офицеры латышского происхождения в армии и белом движении: неизвестное и мифы», М. Ильмъярв (Институт истории Таллинского университета) «Кризис в Чехословакии и страны Балтии. 1938», Х. Дросте (Высшая школа Сёдертёрн, Швеция) «The Baltic Sea seen from its neighbors – a book project». Т. С. Зелюкина (Государственная Третьяковская галерея) сделала доклад «Латышские художники и русский авангард: радость творчества и трагичный конец. 1920–1930», Р. Х. Симонян (Институт социологии РАН) «Россия и Евросоюз: Балтийское измерение», Р. Руутсоо (Таллинский университет) «Birth of Declaration of Sovereignty: View from Estonia». В настоящее время готовится сборник докладов.

Конференция прошла на высоком научном уровне. Историки России, Латвии, Норвегии, Швеции, Эстонии выразили удовлетворение состоявшимся продуктивным диалогом. Более подробно о конференции можно узнать на сайте: <http://www.amberbridge.org/news/text?id=7497&tid=3&year=2011&month=6>. Предполагается, что практика подобных встреч будет продолжена в рамках дальнейшей реализации международного научного проекта «Балтийское соседство» с целью углубленной разработки наиболее актуальных проблем истории стран Балтийского моря.

Ю. Л. Михайлова
кандидат исторических наук, научный секретарь
Центра истории Северной Европы и Балтии,
Институт всеобщей истории РАН (Москва)

■ 12–13 декабря 2011 года на базе Петрозаводского государственного университета состоится научно-практическая конференция «Модернизация высшего образования в России в сфере политических и социальных наук: состояние, проблемы, поиски»

Конференция будет посвящена 10-летию факультета политических и социальных наук ПетрГУ. В ходе конференции предполагается обсудить современные аспекты и проблемы модернизации системы высшего образования в России в сфере политических и социальных наук в контексте перехода на уровневую систему.

Оргкомитет конференции:
Петрозаводский государственный университет
Факультет политических и социальных наук
185910, Республика Карелия
г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 8, каб. 307.
Телефон: (8142) 73-19-57
e-mail: maksimova@psu.karelia.ru

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья представляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – до 5 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год из-

дания и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указываются в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до)). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Golubev A. V.

EVOLUTION OF TERM «FINLANDIZATION» IN WESTERN POLITICAL DISCOURSES IN 1960–1980

Summary: The article addresses the formation and evolution of the term Finlandization in Western political discourses during the Cold War. Based on a wide variety of sources it studies various contexts in which this term was used, as well as its role in the definition of strategies that the West followed in its relations with the Soviet Union and in the struggle between the right, moderate, and left political groups in the West.

Key words: Finlandization, Cold War, political discourse, history of concepts, Begriffsgeschichte, political philosophy 7

Kulagin O. I.

SOCIAL IMAGE AND LABOUR MOTIVATION OF TIMBER INDUSTRY WORKERS IN KARELIA (1917–1928)

Summary: The article deals with the problem of the social image transformation and labour motivation in the workers employed in the timber industry of Karelia during the first decade of the Soviet period. Based on the archival documents the analysis of the changes in labour motivation of timber workers was carried out. The workers according to their social image remained peasants.

Key words: Timber industry, social image, labour motivation 13

Konkka A. P.

HORNBORG'S REPORT OF 1886 ON SACRIFICIAL GROVES – «KARSIKKO»

Summary: K. Hornborg's report about sacrificial groves – «*karsikko*» found on the territory of Western Finland and Karelia is analysed, and a comparison with the present state of knowledge about trees-*karsikko* is made.

Key words: Sacrificial grove, signs of the deceased (trees-*karsikko*), revered trees, funeral traditions 19

Kostrigina E. V.

REFORM OF FEBRUARY 19, 1861 IN NORTHERN PROVINCES OF EUROPEAN RUSSIA. MODERN STUDY METHODS OF ECONOMIC CONSEQUENCES RESULTING FROM LIBERATION OF SERFS

Summary: The article is concerned with the study of the reform of 1861 introduced in Northern Russia. The research was carried out by Petrozavodsk, St. Petersburg and Moscow State Universities. The main attention is focused on the use of the complex mathematical and statistical techniques and creation of computerized database including documents stored in the Russian State Historical Archive, the National Archive of the Republic of Karelia, and the Central State Historical Archive of St. Petersburg.

Key words: Agrarian history of Northern Russia, reform of 1861, mathematical methods in historical research, database 23

Sulejmanova O. A.

LUGGAGE OF MIGRANTS (life of things in culture)

Summary: The article studies human attitude toward personal belongings based on textual materials dealing with relocation. Interviews with migrants, memoirs, and regional literature served as materials for the research. Stories about relocation helped to reveal the value of personal belongings and their role in the process of adaptation during different historical periods.

Key words: Migration, things, luggage, adaptation, valuable 27

Feklova T. Yu.

WHITE SEA NATURALISTIC RESEARCH CONDUCTED BY IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCE IN FIRST HALF OF XIX CENTURY

Summary: Research history of the Far North and the White Sea in the first half of the XIX century is discussed in the article. The most significant expeditions carried out by the Imperial Academy of Sciences, which contributed immensely to the nature study of the Polar Region, are studied.

Key words: Academy of Sciences, expedition, Far North, White Sea 31

PEDAGOGY

Skazochkin A. V., Ladnii A. O., Dorshakova N. V.

DIAGNOSIS OF FACTORS CONSTRAINING EFFECTIVE INTEGRATION OF SCIENCE AND EDUCATION IN RUSSIAN HIGHER SCHOOL

Summary: This paper presents a preliminary analysis of the programs aimed to maintain and develop integration process of science and education. Proposals to improve effectiveness of the existing mechanisms for integration are formulated.

Key words: Integration, science, education, program, university, strategy, development 35

Ignatovich Ye. V.

EXPERIENCE OF DESIGNING INTERREGIONAL PROFESSIONAL DEVELOPMENT MODEL FOR BOARD OF EDUCATION STAFF MEMBERS

Summary: The article is concerned with the experience of designing an interregional professional development model for the heads and specialists of municipal and regional Boards of Education in the Northwestern Federal District. The experience was gained in the process of the federal project realization

Key words: Educational management, network interaction, active methods and technologies of education, training simulator, distant components 43

POLITICAL SCIENCE. SOCIAL SCIENCE*Rozhneva S. S.***NONPROFIT ORGANIZATIONS AS CIVIL SOCIETY INSTITUTES IN POLITICAL MODERNIZATION OF KARELIA**

Summary: The article deals with the process of institutionalization of the civil society in the era of modernization. A constituent entity of the Northwestern region of Russia – the Republic of Karelia is studied. The activity of nonprofit organizations is analysed and compared with Russian tendencies. Characteristic functional features of the civil institutions on the territory of Karelia are identified.

Key words: Karelia, civil society, political modernization, nonprofit organizations, Public Chamber, public associations 48

*Gorshkova T. V.***DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF SOCIAL PROTECTION OF REGIONAL POPULATION**

Summary: The article is concerned with the problem of social protection development in the region and the impact of its improvement on the conditions of its regional unity. A comprehensive set of measures introduced in 2010 that was aimed to develop social area of the region is analysed. (Leningradsky region case study)

Key words: Regional unity, measures of social support, quality of life, self-sufficiency, territorial stabilization, socially unprotected 52

Key words: regional community, measures of social support, quality of life, self-sufficiency, territorial stabilization, socially unprotected categories of the population

PHILOLOGY*Kornienko N. V.***CRITICS OF «PEREVAL». PRO ET CONTRA OF LITERARY CONCEPTION «ART IS WAY OF PERCEPTION OF LIFE»**

Summary: The article offers a new approach to the study of criticism of «Pereval». Based on periodicals of 1923–1927 critical speeches of the leading literators, their evaluations of the Silver Age literature, and A. Voronsky's conception of «new realism» are analysed.

Key words: History of literature, literary criticism, «Pereval», Alexander Voronsky 57

*Sharapenkova N. G.***ONEIROSPHERE OF ANDREY BELY'S NOVEL PETERSBURG**

Summary: The present article deals with the oneirosphere (the heroes' dreams, hallucinations and visions) of Andrey Bely's novel Petersburg. The plot-making and mythopoetic (symbolic) functions of the dreams are revealed. In order to interpret the oneirosphere of the novel C. G. Jung's analytical psychology approach and R. Steiner's anthroposophical conception are used. In this article, the terms «sleep» and «dream» are deliberately used as synonyms. The symbolic myth about creative work and life is realized through the oneirosphere of the novel.

Key words: Andrey Bely, oneiropoetics, oneirosphere, dream, the novel Petersburg 68

*Abramova O. G.***V. MAYAKOVSKY'S POEM «CLOUD IN TROUSERS» IN SWEDEN**

Summary: V. Mayakovsky's poem «A Cloud in Trousers» is well-known in Sweden. There are several translations of the poem in Swedish. Special features regarding poetics of the poem and translation strategies are considered in the article.

Key words: Mayakovsky, «A Cloud in Trousers», poetics, translation, Swedish, translation strategy 74

*Bolgova O. N.***RELIGIOUS LEGENDS ON PAGES OF «ARCHANGELSK EPARCHIAL LIST» JOURNAL(1901–1917)**

Summary: The article provides the analysis of the religious legends published in «Archangelsk Eparchial Lists» journals in 1901–1917. Classification of legends is carried out; their characteristic features and reasons for publication are determined.

Key words: «Archangelsk Eparchial List», folklore, priest, legend 79

*Safron Ye. A.***LITERARY INTERPRETATION OF GOD VELES IMAGE IN «SLAVIC» FANTASY (BASED ON THE NOVELS BY E. A. DVORETSKAJA)**

Summary: The aim of the article is to analyse the literary transformation of the image of god Veles in the novels written by E. A. Dvoretskaja in the series «Princes of the Forest» and «Forest on the Other Side». The author concludes that Veles is portrayed in the image of traditional folk perception. He is a participant of the «basic» myth in conflict with the Thunderer Perun.

Key words: Veles, «Slavic» fantasy, «basic» myth, struggle for bride, bear, water, afterworld 83

*Lelis E. I.***SHORT STORY BY A. P. CHEKHOV «AT CHRISTMAS TIME»: POETICS OF GENRE AND POETICS OF SUBTEXT**

Summary: The role of the genres' polyphony in the formation of the rich subtext meanings is specified. The subtext is realized with the help of linguistic and nonlinguistic means at different levels of the artistic system.

Key words: Genre, subtext, literary text 86

PHILOSOPHY*Vinogradov A. I.***N. I. KAREEV'S VIEWS ON SUBJECTS OF HISTORY**

Summary: The views of the prominent Russian sociologist and historian N. I. Kareev on the subjects of historical process are studied. His conceptualizations are correlated with the similar ideas of the founders of the Russian sociological school P. Lavrov and N. Mikhailovsky. The place that the school takes on the understanding of the problem of the subjects of history in Russian philosophy at the end of the XIX and the beginning of the XX century is defined.

Key words: Subject of history, Russian philosophy, Russian sociology 92

*Suvorova I. M.***OBJECT FIELD PROBLEM OF CONTEMPORARY AESTHETICS**

Summary: The analysis of the object field of contemporary aesthetics demonstrates multidimensional approach in perspective scientific studies: from “digital” and logical aesthetics to classical aesthetics of style. This variety makes it possible to assert that aesthetics as philosophical science remains relevant.

Key words: Aesthetics, aesthetical categories and paracategories, digital art, postmodernism 96

ECONOMICS*Akulov V. B., Isakov V. A., Morozova T. V.***CROSS-BORDER BUSINESS DEVELOPMENT IN KARELIA AS INDICATOR OF INSTITUTIONAL ENVIRONMENT QUALITY**

Summary: Cross-border business is an indicator of the quality level of the institutional environment. The empirical study of the Finnish enterprises in Karelia was conducted. Institutional problems of their activities and efforts of the economic entities responsible for institutional transformation were identified.

Key words: Institutional economics, cross-border business, competitiveness of the northern border region, cross-border cooperation 99

*Yudaeva S. V.***MODERN IMMIGRATION POLICY OF RUSSIA: DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION AT FEDERAL AND REGIONAL LEVELS**

Summary: The article is concerned with the problems of the modern immigration policy of Russia. Transition to the innovative model of development requires new approaches in attracting foreign labour force. Development of the state program aimed to assist in voluntary resettlement of the compatriots living abroad is considered. Special features of the Program's implementation are analyzed.

Key words: Immigration policies, highly qualified specialists, compatriots 102

*Akulov I. V.***INSTITUTIONAL CHARACTERISTICS OF INCREASING POWER ENGINEERING EFFICIENCY IN RUSSIA THROUGH GOVERNMENT PARTICIPATION IN TRANSACTIONS FOR MERGERS AND ACQUISITIONS**

Summary: In conditions of power engineering disintegration, developed in modern institutional situation, the role of transactions for mergers and acquisitions aimed to increase the industry's efficiency has considerably enhanced. The government, being a potential investor, should conduct its activities in the financial market for this purpose. Within the framework of the given article, the motives of potential investors and their placement of funds in power engineering industry are analyzed. We arrived at the following conclusion: the present-day situation should become a starting point for the development of the joint ownership of public and private companies as the most efficient form of business.

Key words: Investors of the power engineering industry, transactions of merger and acquisition, cross ownership 106

LEGAL STUDIES*Borozdina Ya. A.***ON QUESTION OF OWNERSHIP OF UNDERWATER CULTURAL HERITAGE**

Summary: The article deals with international legal issues of ownership of the underwater cultural heritage.

Key words: Underwater cultural heritage, the Convention for the Protection of Underwater Cultural Heritage, the legal regime of sunken ships 110

*Larichev A. A.***RESEARCH OF PUBLIC POWER EFFICIENCY IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW**

Summary: The problem of public power efficiency is one of the most essential questions researched by different social sciences. Unfortunately, little attention is paid to this problem by legal studies. However, in accordance with the provisions of the Russian Constitution, this issue lies within regulatory framework of the constitutional law and should be studied in details.

Key words: Public power, efficiency, science of constitutional law 113

MEMORY*Verigin S. G.*

In memory of the historian – N. I. Barishnikov 116

JUBILATION

To the 65th Birthday Anniversary of P. M. Zaikov 117

SCIENTIFIC INFORMATION 118**INFO FOR THE AUTHORS** 119